
HARVARDIANAE
ACADEMIAE
VE RI TAS

Книжка 63.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ III **Годъ XV**

1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1907.

ОТДѢЛЪ I.

Старообрядцы на Вѣткѣ.

(Этнографическій очеркъ[1]).

Бѣгство старообрядцевъ за польскій рубежъ и основаніе Вѣтки на рѣкѣ Сожѣ.

Послѣ 1685 г. русскіе люди, привязанные къ старинѣ, не мирившіеся съ новыми началами, мощно вторгнувшимися въ русскую жизнь, какъ извѣстно, разсыпаются во всѣ стороны, ища спасенія для души и успокоенія отъ административныхъ репрессій,—„пустыня была всѣмъ прибѣжище", какъ поется въ одномъ „раскольничьемъ" стихѣ,—оставляемъ храмы причюдно созданы, златомъ и сребромъ богато убраны"...[2])

Въ это время часть старообрядцевъ изъ московскихъ предѣловъ перебралась сначала въ Стародубье, а потомъ за польскій рубежъ въ нынѣшнюю Могилевскую губернію, облюбовала тамъ удобное мѣсто на берегу р. Сожи, вблизи мѣстечка Хальчъ, и основала посадъ Вѣтку.

Въ этомъ мѣстѣ отъ р. Сожи отдѣляется рукавъ (вѣтка) и образуетъ небольшой островокъ, версты въ двѣ длины и нѣсколько саженъ ширины; быть можетъ, это обстоятельство послужило поводомъ для названія посада „Вѣткой".

По другимъ варіантамъ новый посадъ названъ такъ въ ознаменованіе возникновенія новой *вѣтви* старообрядческой церкви. Лично намъ пришлось слышать отъ одной вѣтковской

---

[1]) Лѣтомъ 1907 г. мнѣ случилось прожить нѣкоторое время среди старообрядцевъ въ м. Вѣткѣ (Могилевск. губ.). Поѣздка къ нимъ совершена по иниціативѣ и указаніямъ хранителя Этнографическаго Отдѣла Р. М. И. А. Ш Н. М. Могилянскаго, которому считаю долгомъ выразить искреннюю признательность.

[2]) См. въ „Приложеніи" стихъ: „По грѣхамъ нашимъ на нашу страну".

старухи такое преданіе: сидѣли разъ лѣтомъ старики, первые вѣтковскіе насельники, и думали-гадали, какъ назвать свой новый посадъ; въ это время пролеталъ рой пчелъ; покружился онъ и сѣлъ на вѣтку „Пусть будетъ нашъ посадъ названъ Вѣткой",—рѣшили старцы.

Въ любопытной книжкѣ протоіерея Андрея Іоаннова (Журавлева), бывшаго сперва старообрядцемъ, потомъ православнымъ священникомъ на Охтѣ въ Петербургѣ и миссіонеромъ въ Вѣткѣ, изданной въ концѣ царствованія Екатерины II [1]), находимъ слѣдующія интересныя подробности о Вѣткѣ.

„Вѣтку мы видимъ прелестницею суевѣровъ. Сѣть ея заблужденіи привлекла изъ Россіи великое число всякаго званія бѣглецовъ" [2]).

„Она (Вѣтка) въ теченіе сего времени такъ сильно возросла и умножилась, что сдѣлалась главою всея поповщины, хотя и неоднократно упадала. Прелести ея отъ часу болѣе распространялись повсюду, такъ что самые отдаленные города, уѣзды и селенія Россіи не избѣжали заразы ея. Вышеописанные бѣглецы, попы и другіе воловиты, монахи и монахини отъ Вѣтки разсыпались повсюду, и простой народъ вездѣ развращали и по всѣмъ мѣстямъ отъ Вѣтковской церкви таинство причащенія разносили, такъ что купля сія главнымъ промысломъ у сихъ бродягъ учинилась. И сіе злоупотребленіе такъ сильно въ поповщинѣ вкоренилось, что и по нынѣ простые монахи, монахини и старухи причащаютъ тѣмъ сами себя и другихъ [3]).

Въ главѣ: „о распространеніи Вѣтки" читаемъ: „Вѣтка есть небольшой островъ простирающійся въ окружность (?) не болѣе, какъ версты на двѣ. Находится за границею Россіи въ польской области въ дачахъ польскаго дворянина или пана Халецкаго, названъ же Вѣткою по проливу, отдѣляющему оной отъ рѣки Сожи, который проливъ есть аки бы вѣтвь оныя рѣки. Здѣсь то основалась первая оная покровская цер-

[1]) См. „Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ, и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, о ихъ ученіи, дѣлахъ и разгласіяхъ, собранное изъ потаенныхъ старообрядческихъ преданій, записокъ и писемъ, церкви Сошествія Св. Духа, что на Большой Охтѣ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ". Изд. II, исправленное и умножено прибавленіями. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1795 г.

[2]) Стр. 8.

[3]) Стр. 16.

ковь... при которой находится скитъ и слобода, населенная подъ именемъ Вѣтки, всякою забѣглою сволочью"...[1]).

О дальнѣйшемъ ростѣ Вѣтки протоіерей Іоанновъ, враждебно настроенный къ старообрядчеству, изъ среды котораго самъ вышелъ, пишетъ:

„Изувѣры наши... собравшись въ немаломъ числѣ убѣжали за границу, и поселились на помянутомъ островѣ Вѣткѣ, аки на мѣстѣ свободномъ и безопасномъ, сущемъ подъ рукою польскихъ пановъ. Сему послѣдуя примѣру, русскіе невѣжды изо всѣхъ градовъ и селеній, гдѣ только ни дѣйствовало оное ослѣпленіе, кучами побѣжали за границу и за невмѣщеніемъ Вѣтки въ двадцати и тридцати въ окружности верстахъ населили слободы, изъ которыхъ (выключая самую Вѣтку): слобода Косецкая, Дубовый, Папсуевка, Марьина, Миличи, Красная, Костюковичи, Буда, Крупецъ, Гродня, Нивка, Грабовка, Тарасовка, Спасовка, въ которыхъ слободахъ по вѣтковскимъ запискамъ считалось народу до 30 тысячъ обоего полу. Всѣ сіи забѣглыя селеніи совокупно единымъ именемъ назывались Вѣткою"[2]).

Цитируемый нами авторъ даетъ такую характеристику тогдашнимъ вѣтковскимъ старообрядцамъ:

„Народъ сей отъ природы наслѣдственно (?) суевѣренъ, грубъ, гордъ, предпріимчивъ и обманчивъ, но поворотливъ, къ дѣламъ способенъ, трудолюбивъ и обходителенъ, словомъ такой, который удобно просвѣтиться можетъ"[3]).

Во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII, слобожане старообрядцы изъ Стародубья и, вѣроятно, изъ Вѣтки принимали участіе въ партизанскихъ выступленіяхъ противъ шведовъ.

„Государь тогда же,—разсказываетъ А. Іоанновъ,—повелѣлъ раскольничьи слободы полковнику Іорголъскому переписать и имянною грамотою... собственно за собою утвердить съ тѣмъ, чтобъ впредь оными никто не могъ владѣть. Сія первая перепись тѣмъ щастіемъ слобожанъ наградила, что они промыслами своими, торгами и художествами и нынѣ въ купеческомъ состояніи безпрепятственно пользуются[4]).

---

[1]) Ibid.

Въ настоящее время островокъ этотъ, образуемый рукавомъ Сожи, представляетъ собою незастроенное мѣсто, лугъ, дающій нынѣшнему владѣльцу Вѣтки, владѣющему ею на правахъ чинша, нѣкоему жандармскому полковнику, довольно значительный доходъ.

[2]) Ibid.

[3]) Стр. 20.

[4]) Ibid.

Очевидно, Вѣтка не вошла въ составъ переписанныхъ и утвержденныхъ за царемъ слободъ, такъ какъ ею владѣли и сейчасъ владѣютъ на правахъ „чинша“ разныя лица.

Ко времени царствованія Анны Іоанновны Вѣтка достигаетъ цвѣтущаго состоянія. Русское правительство обратило вниманіе на Вѣтку, и въ 1733 году былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось вѣтковцамъ вернуться въ Россію, но, какъ разсказываетъ протоіерей Іоанновъ,—„испорченные вѣтковцы, которые по большей части были господскіе и военные люди... ниже думать о томъ хотѣли... Почему въ 1735 году господину полковнику Я. Г. Сытину такое было дано повелѣніе, чтобы взявъ пристойную команду оныхъ бѣглецовъ подъ стражею вывести въ отечество и разослать кто откуда былъ, по своимъ мѣстамъ. Сытинъ взялъ съ собою пять полковъ войска, одинъ драгунской, два казацкихъ, и два тысящные Стародубовской и Черниговской, съ которыми подошедъ искусно, окружилъ вѣтковцевъ отовсюду. Гдѣ по общему поповщины свидѣтельству и по ветхимъ стариковъ запискамъ, во всѣхъ мѣстахъ и ущелинахъ нашелъ онъ обоего пола народа до 40 тысячъ душъ. Обозрѣвъ же всей забѣглой сволочи сей жилища, слободы, скиты, монастыри и разсыпанныя по всѣмъ мѣстамъ келіи, приступилъ онъ къ порученному себѣ дѣлу. Но какъ ни торопился окончить оное скорѣе, однако цѣлой годъ на Вѣткѣ пробылъ [1]).

При этомъ, полковникъ Сытинъ приказалъ вырыть гробы четырехъ покойниковъ: Іосафа, Ѳеодосія съ братомъ Александромъ и Антонія, пользовавшихся большимъ почтеніемъ у старообрядцевъ. Сжегши въ заключеніе своихъ подвиговъ моностырскія строенія, полковникъ Сытинъ двинулся обратно въ Россію, захвативъ вырытые четыре гроба съ костями. Не доѣзжая Новгородъ-Сѣверска по рѣчкѣ Колоскѣ, онъ получилъ повелѣніе сжечь ихъ.

Лѣтъ черезъ пять Вѣтка снова возродилась и возвратила себѣ прежнее значеніе.

Въ жизни Вѣтковцевъ, между прочимъ, произошелъ такой эпизодъ: панъ Хакецкій, владѣлецъ Вѣтки, поссорился съ княземъ Радзивилломъ о границѣ своихъ земель. И вотъ Радзивиллъ, выставилъ своихъ крестьянъ, а Халецкій вѣтковцевъ. „Чернцы вступили за своего помѣщика, здѣлали страшной

[1]) Стр. 43.

бой и окончили оной ужаснымъ пролитіемъ польской крови, чѣмъ Халецкому прежнюю дачу и безопасность доставили" [1]).

Въ царствованіе Екатерины II произошла вторая „выгонка" вѣтковцевъ.

„Въ 1764 году генералъ Масловъ съ двумя полками военными забралъ гдѣ можно было всякаго званія россійскихъ бѣглецовъ и подобно Сытину окружилъ Вѣтку, нашелъ кривотолковъ нашихъ тамо обоего пола до двадцати тысячъ душъ". Генералъ Масловъ расправился съ вѣтковцами еще болѣе жестоко, чѣмъ его предшественникъ, онъ пробылъ на Вѣткѣ всего два мѣсяца и „минуя подробное о бродягахъ сихъ слѣдствіе отправлена была она (Вѣтка) вся на поселеніе въ Сибирь, и Вѣтка отъ вторичнаго паденія сего совершенно потеряла силу свою" [2]). Объ этихъ событіяхъ сохранились лишь самыя смутныя преданія въ Вѣткѣ. Пользуется лишь особой популярностью нижеслѣдующій духовный стихъ, примѣненный къ разоренію Лаврентьевскаго монастыря близъ Гомеля.

„О разореніи Лаврентьева монастыря близъ Гомеля, сочиненіе" [3]).

Боже, пріидоша времена до насъ,
О нихъ прорекоша еще прежде насъ,
О нихъ прорекоша еще прежде насъ.
Пустыня была всѣмъ прибѣжище,
Нынѣ уже и тамъ нѣтъ убѣжища.
Разсыпаютъ насъ, разлучаютъ насъ,
Рады бъ неразлучны итти за Кавказъ.
Не противимся Божіей воли,
Идемъ во своя мы поневоли.
Весь свѣтъ намъ отечество,
Гдѣ-бъ не умирать,
Кто польстится на честь, гроба не миновать.

---

[1]) Ibid, стр. 49.

[2]) Ibid., стр. 60.

По словамъ Д. А. Клеменца, сосланные вѣтковцы до настоящаго времени живутъ въ Верхнеудинскомъ округѣ Забайкальской области въ с. Бичурѣ на р. Хилкѣ, а также на Чикоѣ.

[3]) Списано мною съ рукописнаго листка, висѣвшаго на стѣнкѣ въ кельѣ „мастерицы". Стихъ этотъ старообрядки поютъ въ посты; онъ отличается грустнымъ напѣвомъ.

Оставляемъ храмы пречюдна созданы,
Златомъ и серебромъ богато убраны.
За царя молити у поли будемъ,
Про житье свое во вѣкъ не забудемъ.
Пущай владѣють чюжимъ насильно,
Скоро судія воздастъ обильно
Равенъ у него царь и воинъ
Богату и нищу судія единъ.
Ирьзскія (Иргизскія?) воды въ море утекли,
Его жителей вонъ вытѣснили,
Поселили ихъ близъ Ленкорана,
Имъ свобода тамъ вполнѣ дана,
Араратъ гора и Аркасъ рѣка
Въ сосѣдствѣ у нихъ въ послѣдніи вѣка.
Каспійское море обливаетъ ихъ,
Песчаныя степи засыпаютъ ихъ,
И рѣка Ефратъ недалече ихъ.
Дождалися мы жестокой зимы,
Выслали всѣхъ безъ всякой вины.
Мы власти повинуемся,
За обидящихъ Богу молимся.
Построимъ мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ келій,
Мы будемъ въ молчаньи, вмѣсто громкихъ пѣній,
Поминать мы будемъ про житье свое,
Жили при рѣкѣ быстрой Узѣ,
Но время быстрѣй сей нашей рѣки,
Оно унесло младые вѣки.
Цвѣла обитель болѣе ста лѣтъ,
Нынѣ опустѣла, уже ея нѣтъ.
Звонъ былъ удивленный, аки громъ гремѣлъ,
Соборъ разныхъ птицъ
Сладко пѣсни пѣлъ.
Теперь все замолкло и нѣтъ ничего,
Погибло, истлѣло, травой заросло.
Перестаньте пѣть веселыя птицы!
Скоро улетайте за моря отъ насъ
Скажите за моремъ, что уже насъ тутъ нѣтъ;
Къ намъ не прилетайте къ будущему лѣту,
Пущай распѣваетъ здѣсь одна сова,
Летучія мыши и воробьевъ стада.
Прохожій не можетъ безъ слезъ пройти,
Разсматриваетъ разныя примѣты...

Никого не видитъ, никто не встрѣчаетъ,
Онъ все обзирая, главою качаетъ.
Гдѣ праведный судъ? Его не стало,
Какъ превратное время настало.
Коли жъ кто изволивъ Богови служить,
Не треба ему о себѣ тужить [1]).

Старообрядческіе толки на Вѣткѣ.

Старообрядцы на Вѣткѣ принадлежали и принадлежатъ къ такъ называемому поповщинскому толку. Въ частности, громадное большинство представляетъ собою пріемлющихъ православныхъ священниковъ, переходящихъ въ старообрядчество и подвергающихся при переходѣ помазанію мvромъ въ знакъ своего отреченія отъ ереси. Незначительная часть, около двадцати дворовъ, принадлежатъ къ пріемлющимъ австрійское или бѣлокриницкое священство.

Первые имѣютъ недавно выстроенную отличную молельню въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Прежняя вѣтковская церковь сгорѣла въ 1846 г. во время большого пожара, причемъ иконостасъ былъ спасенъ. Сохранена была отъ пожара также колокольня, простоявшая лѣтъ двадцать пять, подъ которой долго собирались старообрядцы для моленій.

У бѣлокриничанъ молельня помѣщается въ той же избѣ, гдѣ живетъ дьячекъ. Бѣлокриницкое духовенство вѣтковской молельни держится замкнуто и недовѣрчиво относится къ постороннему наблюдателю.

У бѣглопоповцевъ въ настоящее время священника нѣтъ, подъискиваютъ. Это обстоятельство, однако, не мѣшаетъ имъ устраивать продолжительныя богослуженія, пѣть и читать священное писаніе [2]).

До настоящаго времени Вѣтка пользуется большимъ почетомъ у старообрядцевъ. Изъ разныхъ мѣстъ наѣзжаютъ они сюда молиться и ставить „неугасимыя“. „Неугасимыя“—непрестанное чтеніе кафизмъ за покойниковъ при зажженныхъ лампадахъ. „Неугасимая“ сороkадневная стоитъ 10 руб., годовая—

---

[1]) Послѣднія двѣ строки разнятся по языку и представляютъ, вѣроятно, позднѣйшую приписку.

[2]) Наканунѣ праздниковъ всенощная длится отъ 4 час. пополудни до 10 вечера.

300 руб.; при этомъ кафизмы читаются четырьмя чтецами вперемежку; воскресенія и праздники при этомъ пропускаются, но наверстываются при этомъ по окончаніи опредѣленнаго срока.

Современное мѣстечко Вѣтка.

Отправившись изъ Гомеля на пароходѣ вверхъ по р. Сожѣ, черезъ два часа вы пріѣдете въ Вѣтку. Сожъ течетъ очень извилисто по зеленымъ привольнымъ лугамъ. Кое-гдѣ на берегахъ ея очерчиваются значительной величины курганы. Вѣтка открывается взору какъ то неожиданно, съ хорошенькими домиками и частыми веселыми садиками, которые тянутся параллельно рѣкѣ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Вѣткѣ насчитывается 11 тысячъ населенія, изъ нихъ старообрядцевъ теперь только около двухъ тысячъ, большинство же населенія евреи. Старообрядцы живутъ на главной улицѣ, называемой монастырской, а также на Средней, Галѣевкѣ, Ивановкѣ, Худояровкѣ и Косецкой; лучшія улицы тѣ, на которыхъ живутъ старообрядцы. Дома строятъ они свѣтлые и просторные въ 3 и 5 оконъ, выходящихъ на улицу. Дворы обнесены высокими заборами, въ каждомъ дворѣ высокія, фундаментально сдѣланныя ворота съ крышей и калиткой; кровли, ворота и заборы принято украшать разнообразной, иногда очень красивой, деревянной рѣзьбой. На ночь окна закрываются наглухо плотными ставнями. За воротами около каждаго дома—вкопанная въ землѣ скамейка, надъ которой большинство устраиваетъ маленькій навѣсъ, деревянный или желѣзный, чтобы можно было и въ дождь сидѣть за воротами. Внутри дома стѣны сплошь устанавляются иконами, передъ многими изъ нихъ горитъ лампадка, въ комнатѣ у зажиточныхъ вы можете насчитать до 10 лампадъ,—сплошной иконостасъ.

Одежда.

Что касается одежды старообрядцевъ, то въ настоящее время она мало чѣмъ отличается отъ обычной одежды жителей русскихъ мѣстечекъ. Старики и уставщики, когда идутъ въ молельню, одѣваютъ широкіе и длинные халаты, а женщины покрываются длинными платками и скрѣпляютъ ихъ подъ подъ-

бородкомъ булавкой по монашески такъ, какъ на картинѣ Нестерова „Великій постригъ". Въ нѣкоторыхъ домахъ до настоящаго времени хранятся богатѣйшіе старинные женскіе наряды; мнѣ, напр., случалось видѣть прекрасные парчевые кокошники съ сѣткой жемчуга, спускавшейся на глаза, парчевые лѣтники, бархатные или шелковые лѣтники съ золотой очень дорогой бахрамой, такъ называемые „азіятки",—особаго рода сарафаны изъ дорогого шелка; кисейныя рубахи, вышитыя тамбуромъ, шелковые „обтегайки", „холодайки" (кофты), „душегрѣйки", бархатные съ золотымъ шитьемъ повойники, огромныя жемчужныя серьги, такъ называемыя „корзинки", „малйнки", старинныя янтарныя серьги, т. н. „желудкй", мѣховыя „жерелки" (накидки) и т. п.

Промыслы. Народные обычаи.

Въ Вѣткѣ немало весьма зажиточныхъ старообрядцевъ, имѣющихъ собственные пароходы и берлины. Многіе занимаются сплавомъ лѣса, имѣютъ склады соли, идущей въ Черниговскую губернію. Нѣкоторые имѣютъ канатныя фабрики. Большинство находитъ себѣ заработокъ на разнаго рода отходныхъ промыслахъ, преимущественно на каменныхъ работахъ. Лѣтомъ вѣтковскіе старообрядцы разсыпаются въ разныя стороны, зарабатывая хлѣбъ на зиму. Осенью возвращаются домой и Вѣтка оживаетъ, начинаются веселыя попойки. Впрочемъ, казенная винная лавка здѣсь торгуетъ всегда какъ нельзя лучше, такъ какъ водку охотно и часто пьютъ не только мужчины, но и женщины. При появленіи гостя, на хозяйскомъ столѣ немедленно появляется водка и закуска, начинается угощеніе. Пьютъ и приговариваютъ:

— Будимъ живы, здаровы, да Богу милы, а людямъ, и Богъ не угодитъ!

Слова: „чортъ не угодитъ" произносить избѣгаютъ, потому что „*онъ* это любитъ, чтобъ его чортомъ называли, возвышается, радуется... Вотъ бѣсомъ ежели назвать, это ему не нравится". Разохотившійся гость или гостья посылаетъ за полбутылкой на свой счетъ; прежде чѣмъ выпить, пьющій съ рюмкой въ рукѣ, обращается ко всѣмъ съ пожеланіемъ или просто съ ласковымъ словомъ:

— Игнатьевна!

— Андревнушка! [1])
— Анѳимъ Ѳомичъ!
— Настинька!
— Ну, кушайте на доброе здоровье!
А тамъ смотришь, и пѣсню затянули:
Выпьемъ же мы да по рюмочкѣ,
Выпьемъ же мы да по полненькой,
Вѣкъ же нашъ дуже маленькой...

или:

Какъ намъ не пити, какъ не гуляти,
У нашей же хатѣ парядокъ идети:
Павукъ на вaконцѣ аснову снуети,
А сучка на лычкѣ дворъ стережети... [2])

или:

И по рюмочкѣ и по чашечкѣ,
И по тому стакану,
Штобы стали на стану,
Штобъ милый не засталъ...
А мой миленькій застанетъ,
Четвертиночку паставитъ!..

По вѣрованію старообрядцевъ, есть мученикъ (Нифантій), который спеціально помогаетъ отъ пьянства. Ему молятся такъ: „О, св. мученикъ Нифантій! освободи отъ виннаго запоя...“

Хороводы.

Свѣтскія пѣсни распространены больше среди молодежи. Да и молодежь избѣгаетъ ихъ пѣть въ посты; въ эти дни принято пѣть духовные стихи, образцы которыхъ приводятся ниже.

Весной дѣвушки и парни устраиваютъ веселые „карагоды“ (хороводы) и поютъ „карагодныя“ пѣсни, какъ, напримѣръ,—

Во лужкахъ, во лужкахъ
Во зеленыхъ во лужкахъ,
Ой ли, ой лю-ли [3])

---

[1]) Андреевна.

[2]) Эта юмористическая пѣсенка заимствована старообрядцами у бѣлоруссовъ.

[3]) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Разливалася вода,
Разстилалася трава.
Какъ по той-ли по травѣ
Дѣвки водятъ карагодъ.
Всѣ дѣвочки харашu,
Красавицы пригожи.
Адна дѣвка луччи всѣхъ,
У приборѣ краши всѣхъ,
Въ касѣ лента шире всѣхъ,
На ней шубошка (?) але́
Душегрѣечка красне́,
Въ карагодъ гулять пошла.
Чьего рода, чьего рода?
Какъ да по именью назвать?
Мое имя Катерина,
Московскаво купца дочь.
Атайди малодчикъ прочь,
Гаварить съ табой не въ мочь,
Приступаетъ темна ночь [1]).

Дѣвишники. Свадьба.

Въ Вѣткѣ до настоящаго времени сохранился обычай передъ свадьбой устраивать *дѣвишники*. Когда порѣшатъ отдавать дѣвушку замужъ, то первымъ дѣломъ „Богу молятся". Нѣкоторые при этомъ зовутъ священника и поютъ „Всепѣтую". За нѣсколько дней до вѣнца въ домѣ родителей невѣсты бываетъ дѣвишникъ. Собираются дѣвушки, подруги невѣсты, и садятся за столъ. Приходятъ парни. Ставится угощеніе. Дѣвишникъ начинается такой пѣсней:

Зборщица, зборщица Еленушка,
Собрала подружекъ къ отцу во дворъ.
Посадила дѣвушекъ всѣхъ за столъ (2 раза),
А сама сѣла выше всѣхъ,
Склонила головушку ниже всѣхъ.
— Отступитеся подруженьки!
Хочетъ меня тятенька дарити небольшимъ даромъ,
Сладкимъ яблочкомъ наливнымъ...

---

[1]) Другія „карагодныя" пѣсни см. въ приложеніи.

Далѣе поютъ, напримѣръ, такія пѣсни:

Ушь и кто у насъ по садику прашелъ,
Ушь и кто у насъ по зеленому,
Ушь и кто у насъ добра коня правелъ,
Ушь и кто у насъ вароненькаво,
Мимо терема височенькаво.
А Прасковьюшка въ височемъ терему,
Михайловна у окошечко смотрйтъ.
Ты Прасковьюшка Михайловна,
Сойди съ терема височенькаво.
Перейми коня вороненькаво!
— Не сойду я съ височаго терема,
Не прейму тваво ворона коня,
Все за ту за грубость за твою,
За великую досадушку,
Что не ходишь во мой зеленъ садъ гулять,
Не садишься на тесовую кровать,
Не цалуешь, не милуешь ты меня,
На правую ручку спать не кладешь.

Виногратъ въ саду растетъ,
Виногратъ разцвѣтаитъ,
Ягода, ягода поспиваитъ.
Виногратъ,—то Елизаръ гаспадинъ,
Ягода, ягода то Семеновна.
Имъ же люди дивовалися
Харошіе, пригожіе поражалися.
Не дивитися, люди!
Сами сибѣ наровите,
Харашенько живите...

На другой день послѣ дѣвишника дѣвушки катаются по улицамъ „на кавалеровъ счетъ“. А какъ подъѣдутъ къ жениховой роднѣ, то поютъ:

А въ нашево свата
Некрытая хата.
Купимъ куль соломы,
Покроемъ хоромы
Съ лозы съ березы...
Всѣ мы тверезы.

Около свекра поють:

Стой зять за воротьми,
Укройся, закройся соблями, бобрами,
Коврами, бобрами,
Черными соболями,
Штобъ я не слыхала,
Какъ батюшка тужить,
Матушка гарюить.

По улицѣ ѣздючи:

Да по вишенью
Га́лушка летала (2 раза),
Крылушки сбивала.
Да по крылушкамъ
Га́лушка тужила.
Да на свѣтъ мае (?)
Крылушки сизые.
Да люли, люли, сизые.
Да по косынькѣ Степанидушка тужила,
Да по русой Ивановна тужила...

Послѣ вѣнчанья устраивають вечеромъ званый вечеръ и молодые дарять гостей медовыми пряниками, являющимися непремѣнной принадлежностью старообрядческой свадьбы. Гости „отдаривають“ молодыхъ деньгами, зерномъ или домашней скотиной. Особыхъ обычаевъ, которыми такъ богаты свадьбы малороссовъ и бѣлоруссовъ, на старообрядческихъ свадьбахъ не наблюдается.

Уставщики. Келейницы-мастерицы (наставницы).

Въ дѣлѣ храненія старинныхъ устоевъ, особое значеніе имѣють уставщики, всегда участвующіе въ богослуженіяхъ, а также келейницы. Уставщики не могуть похвалиться книжной мудростью вообще; вся сила ихъ въ твердомъ знаніи церковнаго устава [1]). На богослуженіи они обыкновенно присутствують

[1]) Говоря о вѣтковскихъ старообрядцахъ я имѣю въ виду пріемлющихъ б. православныхъ священниковъ; но и бѣлокриничане мало чѣмъ отличаются отъ нихъ.

въ длинныхъ халатахъ или казакинахъ и, конечно, съ лѣстовкой (четкой) въ рукахъ, большой лѣстовкой „уставщицкой"; лѣстовка является непремѣнной принадлежностью всѣхъ молящихся,—мужчинъ и женщинъ. Приготовляются онѣ изъ кожи или изъ бисера; молящіеся перебираютъ пальцами сборки (бубочки) и шепчутъ молитвы; по объясненію уставщиковъ 4 сборки или бубочки означаютъ 4 евангелиста, 3—тройцу, 12—апостоловъ, 40—столько недѣль царица небесная Христа носила, 30—столько лѣтъ Христосъ на землѣ жилъ и наконецъ, 17 бубочекъ означаютъ 17 ветхозавѣтныхъ пророковъ. Маленькія сборки перемежаются съ большими.

— Когда бубочка большая придетъ, говорятъ старообрядцы, то надо читать 3 Богуродицы...

Особенно благочестивые люди, напримѣръ, келейницы, каждодневно на лѣстовкахъ все богослуженіе „правятъ".

Въ келейницы посвящаютъ себя незамужнія дѣвушки, большею частью уже пожилыя, „христовы невѣсты". Онѣ живутъ въ маленькихъ келейкахъ, б. ч. собственныхъ, многія изъ нихъ занимаются обученіемъ ребятишекъ часослову, псалтыри и письму церковнымъ уставомъ. Дѣти зовутъ своихъ учительницъ „мастерицами", и это названіе утвердилось за ними, теперь ихъ такъ называютъ всѣ. Въ келейкѣ мастерицы „благолѣпно", стѣны почти сплошь уставлены иконами въ сіяющихъ ризахъ и увѣшаны листками съ душеполезными изреченіями, сильно накурено ладаномъ. Что позволено мірскому человѣку, то недопустимо келейнымъ.

— Мы келейные, наше дѣло особенно!—говорила мнѣ келейница Васильевна, упрашивая уничтожить ея фотографическій снимокъ. Дѣло въ томъ, что сначала было она „впала въ ересь" и рѣшилась сняться, а потомъ одумалась...

Завѣтныя думы келейницъ достаточно ярко выражены въ слѣдующемъ ихъ любимомъ духовномъ стихѣ:

Умоляла мать родная [1])
Свое милое дитя,
Предъ кончиною рыдала,
О судьбѣ его грустя!
— Распростись со мной навѣкъ

[1]) Стихъ списанъ мною въ Вѣткѣ съ старообрядческой рукописи, написанной уставомъ въ недавнее время.

Ненаглядный мой цвѣтокъ
Скоро будишь сиротою
Цвѣсть у поли одинокъ.
Мнѣ минута наступила
Тебѣ навѣкъ спокидать,
Скоро хладная могила
Разлучитъ съ тобою насъ.
Ты звѣзда моя денница
Не затми своей красы,
Не згуби себѣ, дѣвице,
Не плети ты двѣ касы. [1])
Не смѣняй волю драгую
На превлестные цвѣты;
На богатство, честь земную,
На заботы, суеты.
Ты теперь хоть небогата
И въ народѣ неславна,
Но какъ птичка ты крылата,
Безъ печали и вольна,
Не забудь того дѣвица:
Твой женихъ Земли Творецъ,
Вѣку будетъ тамъ граница,
Ты пойдешь съ нимъ подъ вѣнецъ.
Рай прекрасный на востокѣ,
Вѣчныхъ радостей страна
Незамѣчена въ порокѣ,
Будешь, дѣва, отдана.
Лучше царскихъ тамъ палатъ
Вертограды и сады,
Въ теремахъ чертоги златы,
Въ садахъ дивные плоды.
Поля тамъ устланы цвѣтами,
Розы запахъ издаютъ,
Рощи съ чюдными древами,
Всегда ангелы поютъ.
И не будетъ тамъ печали
И веселію конца,
Всѣ угаснутъ души страсти,
Но лишь радостный покой (?)
Радости текутъ тамъ рѣки (?)

---

[1]) Не выходи замужъ...

Струя воды чище хрусталя (?)
Ты вселишься тамъ навѣки...
Мать послѣдней разсказала,
Оградя себя крестомъ,
На дѣвицу взглянула
И уснула вѣчнымъ сномъ...
Не забыла дѣва слова,
Помнитъ матерній завѣтъ,
Безъ пристрастія земнова,
Жизнь безбрачною ведетъ.
Ты звѣзда моя денница,
Не затми своей красы.
Не сгуби себя, дѣвице,
Не плети ты двѣ касы!..

Богомоленія келейницы чередуютъ съ обученіемъ ребятишекъ. Въ ихъ небольшихъ церковныхъ школкахъ обученіе носитъ исключительно церковный характеръ, изучаютъ часословъ, псалтырь, порядокъ богослуженія... Дѣти научаются довольно бѣгло читать по церковно-славянски, но никто никогда не объясняетъ имъ смысла читаемаго. Сами „мастерицы", разбирая по-печатному, рѣдко умѣютъ подписать свою фамилію и отличаются крайней умственной неразвитостью. Энциклопедій знаній служатъ для нихъ рукописныя тетрадки, заключающія разные наивные вопросы и отвѣты вродѣ нижеслѣдующаго „разговора 3-хъ святителей", списаннаго мною съ рукописи, принадлежащей вѣтковской келейницѣ. Рукопись написана уставомъ и озаглавлена такъ:

„Вопросы и отвѣты. Бесѣда трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста". На заглавной страницѣ имѣется помѣтка „Написана сея книга въ лѣто 1898, мѣс. февр. въ недѣлю 2, день десатый". Изъ огромнаго числа вопросовъ и отвѣтовъ, содержащихся въ рукописи, приведемъ здѣсь нѣкоторые, наиболѣе типичные, напоминающіе намъ „Голубиную книгу".

Вопросъ. Что суть четыре розы на земли?

Отвѣтъ. То суть четыре евангелиста.

В. Что суть 4 восточніи высокопарніи орли едино яйцо снесли?

О. То есть 4 евангелиста едино евангеліе спесаше и святой церкви предаша, вѣрующимъ во Христа Бога нашего.

В. Что суть амбомъ проти царскихъ вратъ?
О. То есть камень Гроба Господня.
В. Что діаконъ на амбонѣ ектенію читаить?
О. То проповѣдуить ангелъ Господень о воплощеніи слова Божія.
В. Кто восхищенъ бысть до 3-го небеси?
О. Св. Апостолъ Павелъ.
В. Кто вниде въ рай прежде Христа?
О. Благоразумный разбойникъ, иже при крестѣ Господни былъ распятъ.
В. Отъ коликихъ частей сотвори Богъ перваго человѣка Адама?
О. Тѣло отъ земли, кровь отъ моря, кости отъ камене, теплота отъ огня, очи отъ солнца, мысли отъ облака, дыханіе отъ Св. Духа.
В. Много ли составъ въ человѣкѣ?
О. 246.
В. Много ли жилъ въ человѣкѣ?
О. 365.
В. Много ли зубовъ въ человѣкѣ?
О. 32 зуба.
В. Кто состарихся и въ матерь свою вошелъ?
О. Адамъ отъ земли сотворенъ и въ землю вошелъ. Земля мать Адамова, Адамъ сынъ ея.
В. Сколько Адамъ (про)жилъ на землѣ?
О. 930 лѣтъ и тогда умре въ Іерусалимѣ и погребенъ бысть во Ефросѣ.
В. Что есть мой отецъ, тебѣ дѣдъ, а мнѣ мужъ, ты же менѣ братъ, а я тебѣ мать?
О. Лотъ праведный, братъ Авраамовъ, живый въ Содомѣ и Гоморѣ и не предадеся беззаконію ихъ. Однакожъ, отъ лукавыхъ дщерей своихъ не убѣжалъ, напоенъ бысть хмельнымъ квасомъ, и подеся съ ними блудно, и родишася отъ большія болгары, отъ средней сарацины, отъ меньшей агаряне.
В. На колицехъ сребренницехъ предаде Іюда Господа Нашего Іисуса Христа?
О. На тридесятъ сребренницехъ.
В. Въ одномъ сребренникѣ колико литръ?
О. в҃і (12) литръ.
В. Что одна литра держитъ?
О. 60 рублей. Въ 30 сребренницехъ литръ 366.

В. Сколько всего въ литрахъ денежнаго щоту?
О. Въ литрахъ по нашему по русскому рк (120) тысящъ рублей, а вѣсомъ тянетъ 100 пудъ.
В. Которое езеро езерямъ мати?
О. А ремень езеро, что взяло въ себѣ 303 рѣки.
В. Кое море морямъ мати?
О. Океянъ море морямъ великое, въ томъ океянѣ церковь папы римскаго.
В. Кая рыба рыбамъ мати?
О. Китъ рыба великая, что на тѣхъ рыбахъ основалъ Богъ землю, всю вселенную; во время пришествія оныя рыбы пойдутъ въ глубины морскія.
В. Отчего тѣ китъ-рыбы сыти бываютъ?
О. Емлютъ десятую часть райскаго благоуханія; оттого китъ-рыбы сыти бываютъ.
В. Кая птица птицамъ мати?
О. Лаврутъ птица птицамъ мати. Она невелика, — съ галочну (?). Живетъ то птица у теплаво моря.
В. Отчего бываетъ громъ и молнія?
О. Есть два ангела громныхъ и два молнихъ и т. д.

Говоръ.

Гласныя.

Говоръ вѣтковскихъ старообрядцевъ принадлежитъ къ числу акающихъ говоровъ.

Вмѣсто **о** *произносится* **а**, тамъ гдѣ *о* не стоитъ подъ удареніемъ, напр.—

„харошему вездѣ харашо, а плахой удрухъ лишаится жизни свaей“. „Жизнія какъ вална перимѣняется“.

а *иногда замѣняетъ собою* **ы**, напр.,

„распатаю“ (распытаю).

о *остается подъ удареніемъ неизмѣннымъ:*

плотютъ, бронится, бронитъ, пóльты

но разумъ, равный и т. п. остается безъ измѣненія.

о *замѣняется* **ы**: „этый годъ“.

о *замѣняется также* **у**: Богуродица, Гусподь, винувата.

у *иногда замѣняетъ собою* **и**,—мужуки (мужики).

у *замѣняетъ собою* **в**: удова (вдова), унукъ (внукъ), укусъ (вкусъ).

и замѣняется е: ктой-то? *свае!*

е замѣняется ю: наплювать (наплевать).

Замѣна звуковъ е, ѣ, я,—святой произносится *свитой*, пятнадцать—*питнадцать*, слева—*слиза*, гнѣздо—*гниздо*, рѣка—*рика*. *Вмѣсто е, ѣ, употребляется я*: ляниться, клопы отъ моху бярутся, сосѣди подсялились, легли весяло,—встали развѣло; такія дялинки въ нашемъ гарадишкѣ.

Наоборотъ,—*вмѣсто я встрѣчается е*,—*у мине* (у меня) взела (взяла), месной (мясной), петно (пятно), послѣ ж, ш, встрѣчается *а* вмѣсто *е*—жана, шастой.

Согласныя.

Г произносится по-украински, то есть какъ латинское h одинаково въ словахъ гора, пога, дуга, туго, городъ, горохъ, также какъ въ словахъ Бога, Господь. Букву *г* въ окончаніи родительнаго пад. мѣстоименій и прилагательныхъ произносятъ: таво́, до́браво, слѣпо́ва, моево́, на́шево и т. д.

Хороводъ—произносятъ карагодъ.

Звуки ж, ш. Вмѣсто ж иногда произносятъ з, напр. *земчугъ* (жемчугъ), *зябры* (жабры).

Вмѣсто с произносятъ ш: шкорлупа, шабля.

ч вмѣсто *ц* и наоборотъ никогда не произносится.

Иногда *т* замѣняетъ собою *ч*,—„жанить *ти* (чи) замужъ выдавать".

ш замѣняетъ собою *ч*, напр., *подрушникъ* (подручникъ).

Дождь произносится *дожь*.

Приставка гласной,—*упорядокъ* (порядокъ).

Приставка согласной—*вуголь* (уголь).

Отпаденіе согласной,—*колько* (сколько), „*мине колько пригинаши*".

Множественное число существительныхъ: *гла́зы* (глаза).

Предлож. пад. сущ.,—*у лѣсѣ* (въ лѣсу).

Перемѣщеніе ударенія,—*не работа́ютъ*.

Неопред. наклоненіе,—*бѣчь* (бѣжать).

Окончаніе глагола 3 л. мн. ч.,—*жалять*, *ходять*, *носять*.

Родительный падежъ употребляется вмѣсто дательнаго: „что будетъ *козы*, когда ей минетъ 7-мой годъ?"

Сказуемое выражается дѣепричастіемъ, вмѣсто прошедшаго времени на л,—„самоваръ закипѣвши".

Въ говорѣ вѣтковскихъ старообрядцевъ нерѣдко встрѣчаются малорусскія и бѣлорусскія слова, заимствованныя ими очевидно у окрестнаго населенія, таковы, напримѣръ,—*хвороба* (болѣзнь), *ачинить* (отворить), *жинка* (жена), *доси* (до сихъ поръ), *луста хлѣба* (большой кусокъ хлѣба), *попытайте* (спросите), *слухай* (слушай) и т. д.

Образцы мѣстнаго говора.

„Гдѣ клядьба, тамъ и приступленіе". „Отъ харошаго телеша, такъ и щепка хараша". „Кума пѣши,—каню легчи". „Сомъ животрепящій" (животрепещущій). „Накармилъ панъ смалой,—и чехонка (рыба) не кушается". „Что-й-то такое-ча?" (что это такое?)

Про кошку говорятъ: „ана праворная, можетъ и на камушку дастать (пищу себѣ).

„На чужой старонушкѣ пакланись и варонушкѣ".

„Выпитый (пьяный) былъ, да палежалъ на сырой землѣ, землѣ, вотъ ему и здѣлалось".

„Тетя, дай хлѣба!"—„Не стыдно тибѣ, статуй такой! на нялся бы на бярлину!.."

„Собака лаитъ, а панъ ѣдитъ".

Мать разсказываетъ о ребенкѣ: „Встанетъ утромъ, и сейчасъ:—„я не хочу Богу малиться, у миня галовка балитъ!"— „Мались"—отвѣчаю—читай три Богуродицы: и за матку, и за батьку, и за себя!" такъ она молится,—не молится на Бога, а на смаваръ".

„Когда менинники бываютъ, то пираги присалаютъ".

„Лыбенята" (лебедята). „Дитинята" (дѣти). „Помилуй насъ грѣшныхъ и женъ сердешныхъ". „Два сердца—одинъ духъ, два голуба—одинъ слухъ". „Кто тамотка?" „Фатажинъ" (керосинъ). „Въ мою дóбу" (подобно мнѣ). „Ѣздіютъ лошадями" (на лошадяхъ). „Шутной" (шутникъ).

Заключеніе.

Среди населенія Черниговской губ. сложилось мнѣніе о старообрядцахъ (можетъ быть, на основаніи прошлаго), какъ объ опасныхъ, не знающихъ пощады, сосѣдяхъ. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго ходячаго выраженія, которымъ подразниваютъ старообрядцевъ:

— Зарѣжь, тятька, хохла,—говоритъ будто бы сынъ отцу,—я посмотрю, какъ онъ будетъ трепыхаться!..

Въ настоящее время вѣтковскіе старообрядцы показались намъ людьми привѣтливыми и обходительными, но очень консервативными.

Иногда на улицѣ и на базарѣ вы услышите между подвыпившими старообрядцами (а таковые встрѣчаются весьма часто) необычайно свирѣпую ругань, не употребляемую въ печати; за исключеніемъ подобныхъ случаевъ, ихъ обращеніе другъ съ другомъ и съ посторонними людьми весьма дружелюбно. Кромѣ обычныхъ пожеланій, свойственныхъ русскому человѣку, вы услышите отъ нихъ привѣтствія и пожеланія довольно своеобразныя. Когда застаютъ человѣка на молитвѣ, говорятъ:

— Ангелъ вамъ на молитву!

— Спаси Христосъ!—отвѣчаетъ другой.

Если обѣдаютъ:

— Ангелъ вамъ за трапезу!

— Спаси Христосъ. Жалуйте къ намъ!..

Религіозные обычаи и обряды, ежеминутное опасеніе не впасть во искушеніе,—наполняютъ всю жизнь старообрядца; поэтому особой популярностью пользуются „молитвы Купріановы", противъ бѣсовскаго навожденія; ихъ списываютъ на листки и заучиваютъ наизусть. Къ новшествамъ попрежнему относятся опасливо. Нѣкоторые, правда, немногіе, (преимущественно женщины), считаютъ, напр., предосудительнымъ позволить себя фотографировать.

— Зачѣмъ сыматься,—говорили они,—еще грѣха на душу хватишь!.. Раньше етава ничаво не знали и хлѣба больша было!..

Въ другой разъ, увидѣвъ, что я фотографирую молодежь, водившую хороводъ, старообрядка-старуха разразилась бранью и грозила пойти и сказать „патреотамъ"... Нужно замѣтить, что въ настоящій моментъ населеніе Вѣтки дѣлится на два лагеря,—на „патреотовъ" и „демократовъ". Старики и зажиточные старообрядцы состоятъ въ „патреотахъ" и нѣкоторые изъ нихъ даже получаютъ „Русское Знамя". Впрочемъ, болѣе толковые изъ нихъ уже прониклись сознаніемъ, что та относительная свобода религіи, которой они пользуются въ настоящее время, завоевана не безъ содѣйствія „демократовъ". Къ инородцамъ и въ частности къ евреямъ, старообрядцы относятся терпимо. Въ 1905 г. въ старообрядческой слободѣ Святской, Черниговской губ. велась усиленная черносотенная

агитація, закончившаяся еврейскимъ погромомъ. Въ настоящее время, какъ приходилось наблюдать пишущему эти строки, слобожане стыдятся этого позорнаго дѣла и жалѣютъ, что не остановили шайки громилъ.

— Канфузно намъ теперь это дѣло,—говорили старообрядцы, — нехарашо... Застоять (защитить) нада було! А то въ синагогу ихнюю пошли, заповѣди порѣзали. Нехарашо...

Переселившись въ бѣлорусскіе лѣса, старообрядцы въ теченіе 200 лѣтъ бережно хранятъ свои старинные устои, хранятъ вмѣстѣ съ пшеницей и плевелы. Наряду съ цѣнными свойствами народнаго характера приходится наблюдать досадные пережитки, которые могутъ быть разсѣяны исключительно только свѣтомъ знанія.

Къ сожалѣнію, любознательный, живой умъ старообрядческихъ дѣтей вмѣсто знаній принужденъ воспринимать окаменѣлые суррогаты, вродѣ упомянутой выше „бесѣды трехъ святителей“. *Невѣжество,* впрочемъ, такое зло, отъ котораго страдаетъ не одна какая-либо группа населенія, оно врагъ всей Россіи...

Ив. Абрамовъ.

М. Воронежъ, Черниговск. губ.

Приложеніе

къ статьѣ „Старообрядцы на Вѣткѣ“.

Пѣсни [1]).

„Карагодная“.

У барина хараша была жена,
У въ лакея личши биринавой.
„Да давай лакей (2 раза)
Помѣняемъ на жену“.
„Ахъ не хочу, баринъ (2 р.),
Твоя жена часто въ гости ходитъ,
А моя жена,—она съ дому никуда!“
— „Да дуракъ лакей (2 р.)
У салдаты отдамъ“.
— „У салдаты пайду (2 р.)
Жену съ сабой вазьму“.

---

[1]) Записаны мною въ Вѣткѣ. И. А.

„Карагодная“.

Какъ усѣмъ царямъ служба явлена.
Ой ли, ой люли,
Маему дружку давно сказано,
Ему вопередъ иттить,
Большой карагодъ водить,
Себѣ дѣвку выбрати.
Ой-ли, ой лю-ли,
Дѣвчоначку бравую
Бѣлую, румяную,
За рученьку правую.
„Ты жъ милая мая,
Уся волюшка твая,
Ты же заложь, заложь меня,
Купи ворона коня.
Какъ выпоишь, выкормишь,
Меня молодца выручишь“.
Какъ усѣ цари
Са войны пришли;
Моево дружка ево и въ завѣтѣ нѣтъ;
Только конь бѣжитъ,
На лошади знакъ лежитъ,—
Шляпочка пуховая,
А въ шляпочкѣ еловай (?) платокъ.
Мнѣ жъ не жаль платка,
Что платочикъ носится,
Только жаль дружка,
Что съ иной водится,
Что съ иной водится,
А со мной младой здорится“.

„Карагодная.“

Хажу я гуляю удоль карагоду,
Заинька сѣренькій,
Сматрю, выбираю па всему народу.
Нашелъ же, выбралъ багатаго тестя.
Хажу я гуляю удоль карагоду
Заинька сѣренькій...
Сматрю выбираю харошую тещу.
Нашелъ же я выбралъ...
Хажу я гуляю и т. д.

Себѣ выбираю маладого шурина.
Нашелъ... и т. д.
Хажу я... и т. д.
Сматрю выбираю
Хорошу своячню и т. д.
Хажу я гуляю и т. д.
Харошу невѣсту...
Жилѣю, милѣю,
Семь разъ поцалую.
Хажу я гуляю по всему карагоду,
Зову, зазываю всѣхъ людей на свадьбу,—
Пожалуйте, люди,
Всѣ ко мнѣ на свадьбу,
А въ мине на свадьбѣ
Пива вина много,
Хлѣба, соли тожа.
Я жъ напивши пива,
Сваво тестя въ рыло,
Са таво же хмѣлю,
Сваю тещу въ шею.
А ты маладой шуринъ
Сѣдлай добра коня,
Съѣзжай съ двора скоро.
А маладой своячинѣ подарю подарочекъ,
Шелкавый платочикъ.
Ахъ веселъ я веселъ,
Что я одинъ остался
Съ молодой невѣстой.
Жилѣю, милѣю, семь разъ поцалую...

На дѣвишникѣ поютъ:

А чія въ поле жито не жато (2 р.)
Не жато жито Елизарово,
Не жато жито Ивановича.
Посылаитъ Марьюшку жито жать.
— „Не могу, сударь, головушку поднять,
Со головушки бѣло лицо горитъ,
Со бѣла лица вся не могу“.
— „Марьюшка! тебѣ въ гости завутъ,
Сидоровна, тебѣ въ гости завутъ!“

— „Сейчасъ, моя радость, соберусь,
Сама пайду, тибѣ въ домѣ пасажу,
Заставлю работу работàть,
Ужъ и первая работушка для тебѣ
Выгоняй съ огороду лебедень,
А вторая работушка для тебѣ—
Поставь самоваръ для мене,
Ужъ и третья работушка для тебѣ—
Сустрѣнь среди двора меня,
Называй меня душечкою,
Ужъ ты душечка, Марьюшка,
Ужъ ты душечка Сидоровна!..“

Разныя наиболѣе распространенныя пѣсни.

И билъ меня мужъ,
Колотилъ меня мужъ,
Ой же палочкою,
Да й со скалочкою.
Коханочка моя мамочка,
За што про што долго сердишься?

Ишла Машенька сы дыбровки,
Разчерныя Маши бровки
Со мной говорятъ.
Пастушка дружка просила:
„Сударь пастушокъ,
Сударь, сударь пастушочикъ,
Сударь миленькій дружочикъ,
Не спокинь меня!“
„Ахъ ни спокину я сиротину
При широкой при долинѣ
Во лужкахъ адну.
Ахъ, во лужкахъ адну...“
Въ лужкахъ Машинька гуляла,
За ракитовъ кустъ запала,
Пущай милъ прайдетъ,
Ахъ, пущай милъ прайдетъ.
Въ Маши сердце не стерпѣло—

Громкимъ голосомъ кричала:
„Я, миленькій, здѣсь!“
Мальчикъ голосу взрадовался,
За ракитовъ кустъ бросался
Началъ цаловать.
Онъ цалуить и милуить
Машею заветъ.
Ужъ ты, Машенька черноброва,
Пачему любишь инова?
Потаму люблю инова,
Што даруитъ всево много,
А ты ничево.

Окончивши битву, паѣхалъ дамой,
Паѣхалъ дамой въ атеческій домъ.
Атецъ сына сустрѣчаетъ
Середъ же пути.
— Здаровъ сынъ да любезнай,
Съ пріѣздомъ тибя!
— Здаровъ, мой да папаша,
Чи жива твая семья?
— Пиредъ тваимъ пріѣздомъ
Случилась бѣда (2 р.) небольшая,—
Жина сына радила.
Сынъ атцу да не молвилъ,
Залился слезми и заплакалъ,
Паѣхалъ дамой
Въ атеческій домъ.
Мать сына сустрѣчаетъ
Съ иконой святой,
Жина маладая съ гарючей слезой.
Мать сына прасила:
— Прасти, сынъ, жинѣ,—
Жина маладая малютку радила.
— Мать мая радная,
Не пращу жинѣ,
Погибла гречанка (?)
Погибла любовь.
Остался малютка
Навѣкъ сиратой.

Съ тебя снимутъ кафтанъ,
Съ меня синій сарафанъ.
Тебя къ войту поведутъ,
Меня къ старостѣ,
Тебя кнутомъ будутъ сѣчь,
Меня розочкою.

Распространены среди старообрядцевъ и нѣкоторыя „книжныя“ пѣсни, какъ напримѣръ:

„Ужъ ты вѣтка бѣдная,
Ты куда плывешь“ и т. д.

Или:

„Не брани меня, родная,
Что люблю я такъ ево,
Скушно было дорогая,
Жить одной мнѣ безъ нево“, и т. д.

Духовные стихи [1]).

Изъ пустыни старецъ.

Изъ пустыни старецъ въ царскій домъ приходитъ.
Онъ принесъ съ собою, онъ принесъ съ собою
Прекрасный камень драгій.
Іосафъ царевичъ спросилъ Варлаама:
— „Покажи сей камень. Сей камень я увижу,
Познаю цѣну его!“
— „Удобѣя ты можешь солнце рукою взяти,
А сего не можешь, а сего не можешь оцѣнити
Во вся вѣки безъ конца.
Родила сей камень Пречистая Дѣва,
Положенъ во ясли, положенъ во ясли
И являлся прежде пастухомъ“.
— „А купецъ премудрый, скажи, скажи мнѣ всю тайну,
Какъ на свѣтъ явился, какъ на свѣтъ явился,
И гдѣ пребываетъ камень тотъ?“

---

[1]) Списаны мною съ рукописей, полученныхъ отъ вѣтковскихъ келейницъ. *И. А.*

— „Той нынѣ пребываетъ выше звѣздъ небесныхъ,
Солнца со звѣздами,
А земля съ морями безпрестанно славятъ завсегда“.
Остался царевичъ безъ Варлаама,
Сталъ плакать, навсегда сталъ плакать:
— „Не хочу я нребывать безъ старца;
Оставлю царство, во пустыню жить пойду,
Взыщу Варлаама, взыщу.
И я буду свѣтозаренъ отъ него,
И я ему буду служить вѣчно, какъ отцу“.
Сказала пустыня отроку младому:
— „Горько во мнѣ жити, горько во мнѣ жити,
Всегда быти во молитвѣ и въ постѣ!“
Іосафъ царевичъ: „Какъ тебѣ угодно,
Такъ я буду жити...
Всегда нынѣ присно и вовѣки вѣковъ.“ Аминь.

«Стихъ—заключенному.»

Поздно, поздно вечеромъ,
Утихнетъ весь народъ,
Усыплется небо звѣздами,
Необъятный неба сводъ.
Тутъ въ безмолвіи глубокомъ
И унылой тишинѣ,
Въ заключеніи жестокомъ,
Запертой иа единѣ
Узникъ тяжко вздыхаетъ,
За полночь сидя безъ сна
И пѣснь прощальну припѣваетъ,
У тюремнаго окна:
Вѣтры буйны, полетите
Въ мой любимой и родной (?)
Вѣсть отъ меня отнесите,
Что случилось здѣсь со мной.
Пусть друзья мои узнаютъ,
Мнѣ чреда пришла страдать
И меня пусть не ожидаютъ
Въ край любимой никогда.
День тотъ вѣчно не настанетъ,
Что въ народѣ быть минѣ,

Жизнь моя въ грустяхъ завянетъ
Въ чюжой племенной странѣ.
Въ пиръ веселой разъ собрались
Наши ближніе друзья
И собравшись утѣшались,
Въ той бисѣдѣ былъ и я.
Забывъ горя и печали,
Вси сидѣли ввечеру,
Часы быстро пролетали,
Но я мраченъ былъ въ пиру,
Что то грусть мине смущала,
Горькой духъ мной обладалъ,
Буря въ сердцѣ волновалась,
А отчиго, я самъ не зналъ.
Скоро жъ таинство открылось:
Этотъ пиръ несчастной былъ,
Не напрасно сердце билось,
Воли онъ мине лишилъ,
Въ клѣтву съ крѣпкими стѣнами
Запертъ былъ, посаженъ за рѣшотками (?)
И замками, грозной стражей окруженъ.
Кромѣ неба голубого
Ничего не видать мнѣ было,
Или штыкъ часового
Просверкаетъ мнѣ въ окно;
Какъ еще ударъ печальной
Надо мною будетъ разъ:
Отошлютъ мине въ край дальной
На изгнаніе въ Кавкасъ.
Прикуютъ мою свободу
Ко Болканскіимъ горамъ,
Всѣхъ лишатъ друзей и роду,
Заключатъ навѣчно тамъ.
Пусть мине съ родными разлучаютъ,
Развели насъ навсегда,
Позабыть я ихъ не въ силахъ,
Не могу я никогда.
Не плачьте рóдныя за мною,
Нидолго намъ грустить,
Все окончится съ могилой,
Мы тамъ будимъ вѣчно жить.
Мы тамъ будимъ жить вѣчно,

Безъ счету, безъ конца,
И будутъ безпрестанно веселиться наши сердца.
Ни долинъ минѣ жаль цвѣтущихъ
Въ русской родинѣ моей,
Ни долинъ, ни ручьевъ текущихъ,
Селъ красивыхъ и полей,—
Какъ остался садъ прекрасный,
Гдѣ бывало я гулялъ,
Все по немъ грустно ужасно
Какъ бы садъ тотъ не увялъ!..

„Стихъ унылой".

Какъ уныло завываитъ
Томный тонъ стройныхъ пѣвцовъ,
Знать родного провожаютъ
Спать въ долинѣ средь гробовъ.
Скоро ль, долго ли съ землею
Всѣ сравняться не минемъ,
Можить завтра жа зарею
Я усну такимъ жа сномъ,
Можить также погребальный
Тонъ раздасться нада мной,
Павтарится стихъ пращальный
Со святыми упакой,
И никто маи радные
Ни поплачютъ нада мной
И на гробъ руки чюжія
Кинутъ горсть земли сырой,
И сердешнаво рыданья
Вѣкъ ни будетъ нада мной,
Изъ радныхъ ни будитъ знать,
Въ дни обычны поминанья
Вѣкъ ни будутъ посѣщать.
Развѣ странники унылы
Только сядутъ пагрустнѣть;
Или кто при пагребеньи
Сердцемъ къ Богу воздохнетъ,
И въ душевномъ умиленьи,
Слезку теплую пральетъ,
Или развѣ мимоходомъ

Кто изъ странниковъ зайдетъ.
И уставши на зеленомъ
Дерни сядетъ отдохнуть
И вздрогнувшися (?) душею
О усопшемъ воздохнетъ.
И никто, друзья былые,
Ни вспомянетъ аба мнѣ.
Погрустятъ маи радные
Тамъ, въ далекай старанѣ...

Воззрѣнія убѣгавшихъ въ пустыню старообрядцевъ достаточно ярко выражены въ нижеслѣдующемъ стихѣ, списанномъ мною съ рукописи, писанной уставомъ, принадлежащей вѣтковской келейницѣ: „**Бахксизмъ при нарушеніи вѣры, отъ отступника Никона, бывшаго патріарха. Сія псальма составлена преосвященнымъ Анфимомъ епископомъ, который бѣжалъ за р. Дунай съ донскими казаками, сирѣчь некрасовцами**“.

По грѣхомъ нашимъ на нашу страну
Осѣни облакъ зѣло мрачный.
Солнце угаси лучи свѣтлые
И свѣтъ свой пе яви на лицѣ земли.
Поздно съ вечера въ часы дневные
Наступила тьма несвѣтимая.
По пророчеству Даніилову
Станетъ мерзость запустѣнія
На святемъ мѣстѣ,
Во церквахъ святыхъ.
Въ тысящи шесть сотъ
Шестьдесятъ шестой
Антихристъ возмути всю вселенную.
Отнялъ благолѣпіе церковное,
Издалъ же свою печать мерзкую.
Вмѣсто Христова Креста—крыжъ латынскій,
За святыя иконы—картины.
Обладали святыми мѣстами вмѣсто учителей—злые мучители,
Издали свое лжи-ученіе—вмѣсто святыхъ поученій;
За крещеніе—обливаніе; вмѣсто ладону табакъ мерзскую.
Въ знаменіе креста двоеперстнаго,
Щепотъ гнусную троеперстную;
За благолѣпіе—брадобритіе;

Возлюбили тьму, ненавидимъ свѣтъ.
Никонъ лютый и съ поборники
Потребилъ книги старописмены,
Издалъ же свои—новоумыслены,
На погибель душамъ христіанскимъ,
Да увязнуть въ сѣть въ неизбѣжную,
Да наполненъ будетъ адъ вселютый
Тьма кромѣшная, огнь геенскій.
Никонъ лютый и способники
Воздвиже гоненіе великое,
На содержателей благочестія и пресвѣтлаго правовѣрія.
Погубилъ нашихъ вѣрныхъ пастырей:
Павла, епископа Коломенскаго,
Царскаго отца духовнаго архимандрита Никанора;
Разорилъ обитель киновію соловецкихъ чюдотворцевъ;
Погналъ вѣру христіанскую въ темны лѣса и пустыню;
Истребилъ нашихъ вѣрныхъ пастырей;
Запустѣли церкви безъ учителей,
Разогналъ овецъ по лицу земли,
Наполненъ овцами востокъ и западъ,
Югъ и сѣверъ и вся концы,
Пожалъ пшеницу не созрѣлую,
Уморилъ вѣрныхъ безъ причастія.
Пришли ко овцамъ злые волки,
Губятъ вѣрныхъ пожератели.
Лютые бѣгуны и предатели,
Кровопійцы и ругатели;
Вземлютъ съ нищихъ за крещеніе,
Грабятъ съ больныхъ сиротъ за причастіе.
Оле (?) увы, горе, православніи,
Горько и люто бысть сиротами.
Нѣтъ уже прежнихъ нашихъ вѣрныхъ пастырей
Кои душъ своихъ не щадили,
За Христову вѣру положили,
Преставились наши патріархи,
Скрылись съ глазъ нашихъ цари и князи!
О горе, братіе, въ сіе время,
Аще помяну благочестіе
И пресвѣтлое правовѣріе,
Когда процвѣталъ кринъ церковный,
Зѣло блисталъ чинъ священный,
То не можно быть безъ рыданія,

И безъ горькаго воздыханія!
Помолимся мы къ Высшему Творцу,
Да подастъ намъ вѣрныхъ пастырей,
Отогнати отъ насъ злые волки,
Лжи учители и мучители,
Патріарха Никона ученики,
Лицемѣры хищные ехидники.
И чего еще хощемъ ожидать,
Посредѣ мира долго пребывать.
Уже жизнь наша скончавается,
А день судный приближается.

„Сей стихъ сочиненъ о разореніи соловецкихъ чюдотворцевъ и киновій“ [1]).

Какъ въ насъ въ Москвѣ было на базарѣ,
Переборъ былъ боярамъ,
Пересмотръ воеводамъ.
Выбирали большову воеводу Салтыкова
Монастырь разоряти Зосимы, Савватія.
Соловецкихъ чюдотворцевъ.
Какъ промолвилъ воевода:
— Не мое, государь, дѣло
Монастырь разоряти,
Благочестіе попрати,
Христіянъ убивати,
Господа Бога прогнѣвати!
Разгнѣвался, распалился
Государь царь на воеводу.
Приказалъ приступити въ дѣлу
Воеводѣ иному,
Мещеринову лютому.
И собрали козаковъ четыре десять тысящъ,
И приказалъ царь козакамъ
Садится въ легкія судны
И плысти по синему морю.

---

[1]) На уставной рукописи этого стиха есть помѣтка, что въ 1875 г. мѣсяца декабря его писала (списывала?) нѣкая Ольга Широчинкова. Значительно отличающій варіантъ находимъ у г. Маркова „Бѣломорскія Былины“ 1901 г., стр. 470.

И садились козаки на легкія судны,
И поплыли съ Мещериновымъ
Вдоль по синему морю.
И преплыли козаки
Ко острову большому
И къ монастырю святому.
Какъ увидѣли старцы,
Стали врата затворяти,
И рѣшетками задвигати,
Желтымъ пескомъ засыпати;
И сказалъ воевода:
— „Вы не бойтеся, старцы,
По обѣщанію мы къ вамъ приплыли,
Молебны служити,
За царя Бога молити!“
Собиралися старцы въ соборную церковь
Молебны служити,
Милости у Бога просити,
И другъ съ другомъ прощались.
Единъ злоумысленный старецъ
Вышелъ изъ соборной церкви
И отверзъ Мещеринову ворота,
И предалъ неповинныхъ на смерть
Соловецкихъ чюдотворцевъ.
И понудилъ воевода соловецкихъ чюдотворцевъ
Къ новымъ книгамъ приступити
По нихъ службы совершати.
Святіи же имъ сказали:
— „Лучше смерть намъ получити,
Какъ намъ вѣры отступити“.
И въ томъ часѣ порубили
Соловецкихъ чюдотворцевъ.
Съ Москвы почта прибѣжала:
— „Не рубите, не губите
Соловецкихъ чудотворцевъ!
А въ насъ въ Москвѣ есть несчастье,—
Государя царя не стало.

Очерки Бѣлоруссіи.

I. Сябрына́.

(Изъ жизни Полѣсскихъ бѣлоруссовъ южной части Слуцкаго у. Минской г.)

> Калі́ са́беръ не памо́жэ, та й нихто, небожэ. Са́беръ — бо́жы сваа́къ. Ча́самъ атъ свайго́ памо́ги не чака́й, хі́бо ў са́бра папыта́й.
>
> *Изъ бѣлорусскихъ присловій.*

Въ словарѣ бѣлорусскаго нарѣчія И. И. Носовича приведены слова: „сябру́къ, а̀, с. м. Сотоварищъ, соучастникъ въ дѣлѣ или работѣ. Собрались сябруки. Сябръ, а̀, с. м. 1) Родственникъ, братъ. Ёны сябры межъ собою, а я чужій. 2) Сотоварищъ. Прійшовся съ сябрами своими". Но нѣтъ словъ сябрына́, ся́беръ и т. п. Повидимому, г. Носовичъ ставитъ термины сябру́къ и сябръ вмѣсто дѣйствительно существующаго повсемѣстно въ Бѣлоруссіи понятія «ся́беръ», но придаетъ этимъ словамъ не совсѣмъ вѣрное толкованіе. Слово ся́беръ означаетъ духовное родство, какъ это можно видѣть изъ настоящаго очерка.

Будучи мѣстнымъ уроженцемъ и въ теченіе многихъ лѣтъ проживая въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи мнѣ приходилось наблюдать среди бѣлоруссовъ обычай своеобразнаго духовнаго родства, называемаго „сябрыно́ю". Сябрына устанавливается какъ между родственниками, такъ равно и между чужими, независимо отъ родства и свойства. Возникаетъ она слѣдующимъ образомъ. Рой пчелъ вылетаетъ изъ улья одного хозяина и входитъ въ улей другого, встянутый на дерево. Съ этого момента данные два хозяина становятся сябрами, а рой пчелъ вмѣстѣ съ ульемъ считается собственностью обоихъ сябровъ въ равныхъ доляхъ. Это самая близкая сябрына; она почитается Богомъ данной, священной, такъ какъ тутъ пчелы вошли въ тотъ или иной улей по волѣ божьей.

Кстати нужно замѣтить, что пчелы въ Бѣлоруссіи почитаются священными насѣкомыми, вѣроятно, за то, что онѣ даютъ воскъ, изъ котораго изготовляются церковныя свѣчи. Есть загадка: „леціéў птахъ цéразъ бóжы дахъ; тамъ егó дзіéло ўсе пагарыэло [летѣла птица черезъ божью крышу; тамъ ея дѣло (издѣлье) все погорѣло]. Отвѣтъ—пчелá. Самка или царица пчелъ называется „бóжаю мáткаю“. По другому способу сябрына является такъ: во время свадьбы при дѣлежѣ каравая молодой четѣ дарятъ „палавину пчулъ“ и тѣмъ самымъ становятся совмѣстными владѣльцами подареннаго улья пчелъ и сябрами. Когда отъ подаренныхъ во время свадьбы кобылы, коровы или овцы рождается приплодъ, то и тутъ устанавливается сябрына. Вообще сябрына появляется въ такихъ случаяхъ, когда подаренный или даже проданный съ цѣлью разведенія домашній скотъ даетъ хорошій приплодъ и, какъ говорятъ: „идзе ў рýку“. Хотя при установленіи сябрыны никакихъ спеціальныхъ обрядностей не бываетъ, но съ момента ея появленія сябры обращаются другъ къ другу на вы, а не на ты, какъ это принято вообще между чужими простолюдинами. На вы обращаются только съ самыми близкими друзьями и товарищами да съ родителями и старшими родственниками.

Сябрына среди бѣлоруссовъ играетъ огромную роль. Каждый простолюдинъ считаетъ для себя священнымъ долгомъ помочь сябру въ бѣдѣ. По народнымъ воззрѣніямъ, почитается великимъ грѣхомъ, если кто обидитъ сябра или сдѣлаетъ ему зло. Ссора между сябрáми—большой позоръ для обоихъ. Во время гостьбы на семейныхъ торжествахъ, храмовыхъ праздникахъ и т. п., сябровъ сажаютъ на почетномъ мѣстѣ, усиленно угощаютъ и вообще относятся къ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Сябры нерѣдко играютъ роль совѣтчиковъ, защитниковъ предъ міромъ и т. п. Не даромъ бѣлоруссы говорятъ: „калú сяберъ не памóжэ, та й нихтó, небóжэ (коли сяберъ не окажетъ помощи, то и отъ другихъ не дождаться). Сяберъ лучше родственниковъ: отъ него скорѣе можно получить помощь, чѣмъ отъ сваякýў“—родственниковъ. Есть пословицы: „мнугó сваúхъ, да чортъ па ихъ, а сяберъ—божы сваякъ“. Или: часамъ отъ свайгó памóги не чакáй, хибо ў сябра папытáй“.

Каждый предусмотрительный бѣлоруссъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается возможно больше пріобрѣсть сябровъ какъ въ своемъ селеніи, такъ и въ сосѣднихъ. Сяберъ поможетъ въ трудную минуту жизни; онъ пустить переночевать и приметъ, какъ самаго лучшаго гостя. Вѣдь говорятъ старики,

„не май осьмакубӯ (денегъ), а май мнубго сябрубӯ,—віе́къ пражывё́шъ и зъ гбладу не памрэ́шъ“.

Такъ какъ въ каждомъ селеніи посредствомъ браковъ почти всѣ простолюдины состоятъ хотя бы въ дальнемъ родствѣ или свойствѣ, то и сябрына устанавливается въ большинствѣ случаевъ между родственниками, но это зависитъ только отъ условій даннаго селенія, а не является слѣдствіемъ того, что тѣ или иныя лица родственники. Въ числѣ сябровъ можно, конечно, встрѣтить кромѣ родни—кумовьевъ, сватовъ, побратимовъ, т.-е. духовныхъ братьевъ и т. п. Но это все отдѣльные самостоятельные институты родства, не вліяющіе безусловно на появленіе сябрыны.

II. Бо́нда.

Бубгъ дае́ на ӯсихъ дблю. И сабатцэ давай (кусокъ хлѣба) — мо не празъ чыю ля́ску жывубмъ.

Изъ бѣлорусскихъ присловій.

Въ такъ называемой Полѣсской Бѣлоруссіи, по среднему теченію р. Припети и ея лѣвымъ притокамъ, мнѣ повсемѣстно приходилось наблюдать народные обычаи, сохранившіеся среди простолюдиновъ, вѣроятно, отъ глубокой древности. Огромные лѣса, малопроходимыя топкія болота и „гнилыя“ торфяныя рѣчки и озера дѣлаютъ эту мѣстность недоступною для посторонняго человѣка. Самыя топографическія условія наложили свою особую печать на культурное развитіе и весь бытъ мѣстныхъ бѣлоруссовъ-полѣшуковъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, сохранились древніе обычаи, суевѣрія, предразсудки и старинный укладъ домашней жизни. Здѣсь народный говоръ менѣе подвергся вліянію другихъ языковъ и сохранился почти въ первобытной чистотѣ. Поэтому изученіе творчества и быта бѣлоруссовъ этой глухой полѣсской части представляетъ особенный научный интересъ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ мнѣ желательно указать на одинъ обычай, подтверждающій предположеніе, что и у бѣлоруссовъ была когда-то общность имущества, основанная на родовомъ строѣ. На всемъ пространствѣ полѣсской части Бѣлоруссіи до послѣдняго времени простолюдины строго соблюдаютъ древній обычай дѣлиться съ ближайшими сосѣдями и вообще односельчанами всѣмъ, что пріобрѣтаютъ. Этотъ обычай назы-

вается „бо́ндой“. Такъ, напримѣръ: когда кто-либо убиваетъ кабана, то обычай требуетъ давать сосѣдямъ и вообще односельчанамъ по куску свѣжаго мяса или сала—„бо́нду“. Такъ же поступаютъ, когда рѣжутъ овцу, теленка и т. п. Обычай раздавать сосѣдямъ „бонды“ распространяется въ равной мѣрѣ на пойманную въ большомъ количествѣ рыбу, убитыхъ на охотѣ звѣрей и т. п. Особенно характеренъ такой фактъ. Въ лѣсу, неподалеку отъ проѣзжей дороги, крестьянинъ вырѣзываетъ соты изъ улья, поставленнаго на „одрѣ“—палаткѣ, устроенной на соснѣ. По дорогѣ проходятъ односельчане. Крестьянинъ замѣтилъ ихъ, закричалъ и подозвалъ къ „одру“. Тѣ подошли и спросили, богата-ли взятка меда. Крестьянинъ положилъ на лубокъ по количеству односельчанъ нѣсколько кусковъ сотовъ и, при помощи „лѣзива“, опустилъ внизъ для угощенія. При вырѣзываніи сотовъ даютъ „бонду“ всякому, кто только попадется по близости. Сюда же относится обычай давать сосѣдямъ плоды съ садовыхъ деревьевъ, огородные овощи, хлѣбъ изъ новой ржи или пшеницы и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ говорятъ „дацъ бонду“ или „бо́ндачку“.

Обычай давать „бонду“ строго соблюдается, ибо существуетъ повѣріе, что кто не дастъ „бонды“, тотъ уже больше никогда самъ не будетъ имѣть даннаго продукта. Разсказываютъ много случаевъ несчастій, происшедшихъ отъ того, что нарушали этотъ обычай.

Данный обычай распространяется даже и на животныхъ. Такъ, когда простолюдинъ ѣстъ и замѣтитъ хотя-бы бродячую собаку, то онъ непремѣнно броситъ и ей кусокъ, говоря: „трэ и саба́тцэ дацъ,—мо не празъ чыю ла́ску жывуо́мъ“ („надо и собакѣ дать—можетъ-быть, не по чьей милости живемъ“). Раздавая „бонды“, крестьяне не жалѣютъ своего „добра“, такъ какъ глубоко укоренилось понятіе, что „Бу́огъ дае́ на ўсихъ до́лю“.

Все это указываетъ, что обычай давать бонду сохранился отъ глубокой древности, когда имѣла мѣсто общность имущества цѣлой общины или рода.

А. Сержпутовскій.

Сумасшедшій самозванецъ.

Въ 7199 г. (1690 г.), въ Вязьмѣ былъ задержанъ неизвѣстный бродяга, котораго воевода Романъ Грибановъ, согласно царскому указу, немедленно выслалъ въ Москву, въ Разрядъ, къ боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. 21 октября того же года неизвѣстный бродяга изъ Вязьмы, допрошенный въ Разрядѣ, показалъ слѣдующее:—Зовутъ де его Ивашкомъ, а отецъ де у него былъ царь Иванъ Васильевичъ, а былъ де онъ царемъ на Москвѣ тому нынѣ лѣтъ со сто. А онъ де родился отъ него, а женатъ де онъ не былъ. И которые де люди глазами не видятъ и руками, и ногами не владѣютъ, и тѣ де болящіе молитвою его здравы бываютъ. А по ихъ де молитву творятъ: „Сусе Христе, помилуй насъ!“ А крестилъ де себя онъ самъ. А живетъ де онъ на небесахъ и ходитъ де онъ на небеса въ дирю, а принимаютъ де ево ангели. А которая де душа сдѣлала добро, добро и будетъ. А какъ онъ ходилъ и къ нему пришли ангели: тысяча ангеловъ да шестьсотъ казаковъ донскихъ. А казаки де и ангели ѣли мясо, а онъ де говѣлъ и мяса не ѣлъ. Которые де люди мяса ѣдятъ, и тѣ пойдутъ на тотъ свѣтъ. А онъ де посылалъ грамоты по русскимъ городомъ—русскимъ языкомъ—самъ, что онъ царя Ивана Васильевича, и онѣ бъ то вѣдали. И нынѣ пошелъ было къ тотаромъ и хотѣлъ ихъ приводить къ вѣрѣ, чтобы они крестилися. А какъ де войско (съ) князь Васильемъ [1]) ходило, и онъ въ то время былъ въ Крымѣ и исъ Крыму шелъ въ Бѣлгородъ, а родомъ де онъ бѣлогородцкіе земли. А какъ онъ пошелъ изъ Орды къ Москвѣ съ казаками и на Москвѣ хотѣлъ женитца на русской, и бояре де его не женили, такъ бы де хорошо было. А взять

[1]) Кн. Вас. Вас. Голицынъ, „большого полка дворовый воевода, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель“ и намѣстникъ Новгородскій, стоявшій во главѣ войскъ въ Крымскомъ походѣ въ 1686 и 1689 гг.

было ему у большева боярина, а женясь бы пошелъ въ свою бѣлогородцскую орду, а въ бѣлогородцской де ордѣ всѣ его знаютъ и оттоле бъ послалъ ангеловъ. А какъ де на Москвѣ живетъ дымъ и ангели де не терпятъ, чтобъ невѣрныхъ не было. И написавъ въ книги, пошлётъ грамоты во многіе городы: въ Ярославль, въ Нижней, въ Муромъ, въ Юрьевъ, чтобы крестились всѣ до малого. А хотѣлъ де онъ управетъ вѣру и былъ на Дону и на Самарѣ. А былъ де онъ при Ѳролѣ Минаевѣ, а которая де сила была въ Паншину, и та де жива, а онъ де ее сдѣлаетъ съ крылами. Да у него жъ де есть гуси, и какъ ихъ пошлетъ, и они полетятъ, и голову свою съѣдятъ, и онъ ихъ оживитъ. А на небеси де больши ево нѣтъ. А какъ де онъ шелъ съ казаками, и велѣлъ имъ сказывать, что де къ Москвѣ идетъ сынъ царя Ивана Васильевича и они бы московскіе люди ево женили. И грамоты де онъ писалъ своею рукою и отдавалъ ангеломъ. А онъ нынѣ подъ паствою Божьей. А на Москвѣ бывалъ бояринъ Терентій Семеновъ, крещеной, и на Москвѣ де былъ семь лѣтъ, и послалъ брата своего въ Бѣлгородъ и за Бѣлгородъ подъ Ключь-городокъ. А онъ де Ивашка пошелъ въ Крымъ по-прежнему, а исъ Крыму де вышелъ онъ недавно. А какъ де князь Василій Голицынъ ходилъ подъ Перекопъ, и въ то де время былъ онъ въ Перекопѣ. И пришелъ въ русскіе городы тому нынѣ другой годъ. А послали де его казаки, было де ихъ триста человѣкъ; а пошли де они всѣ около Москвы по городомъ, а онъ де имъ сказался Иваномъ, царя Ивана Васильевича сыномъ. И чтобы де они не мѣшкавъ, а онъ де идетъ за ними. И послалъ во всю Москву, чтобы про него вѣдали, а ходили бъ, прося милостыни. А на Дону онъ де былъ при Ѳролѣ Минаевѣ. А что де донского атамана казнили на Москвѣ, и того де онъ зналъ. А нынѣ на Москвѣ два цари: Иванъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, а ему де Москвою не владѣть. А грамотѣ де и писать онъ русскимъ и иными языки умѣетъ. А нынѣ писать онъ не станетъ, для того что не видитъ.

Такое показаніе самозванца поставило Разрядъ въ большое затрудненіе и заставило прибѣгнуть къ врачебной экспертизѣ. При дѣлѣ есть письмо къ какому-то Вас. Григорьевичу, производившему, какъ видно изъ письма, допросъ, отъ неизвѣстнаго [1]), и отъ котораго, очевидно, зависѣлъ исходъ этого дѣла, слѣдующаго содержанія:

[1]) Вѣроятно бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ.

— Василей Григорьевичъ! писалъ ты ко мнѣ о мужикѣ, которой присланъ изъ Вязьмы, что ты иво роспрашивалъ; и ты вели иво осмотрить дохтуромъ въ какомъ онъ разумѣ, да что скажутъ, о томъ отпиши, а для дохтуровъ пошли въ оптѣку.

Внизу письма другою рукою приписано: — Стремянного полку со стрельцомъ съ Иваномъ Лызловымъ въ 5 часу дня.

На оборотѣ же: — в розряд выслать въ Село Преображенское оптекарской полаты дьяка.

Ивашку свидѣтельствовали три врача: Григорій Карбонарій, ихъ царскаго величества лѣкарь, Іоаннъ Алексѣевъ и Яковъ Пеларинъ, тотъ и другой греки. Вотъ свидѣтельства врачей.

Mosqua die 15-a mensis xbris [1]) anni 1690. Ego infrascriptus ex mandato examinavi mentis et corporis costitutione huius captivi, quem nullo adhititio morbo laborare indico. Atque videtur esse melancholia hereditaria, qua simpla rationatur, in testimonium huius meae opinionis manu mea propria munio.

Grigorius Carbonarius phil. et medic. et careae (sic) maiestatis medicus.

Вотъ переводъ этого свидѣтельства, сдѣланный въ Разрядѣ:

На Москвѣ дня 15 декабря, 1690 года. И я нижеподписанный по указу свидѣтельствовалъ есмь, есть ли въ разумѣ и въ тѣлѣ тотъ полоняникъ боленъ, которой въ себѣ никакой болѣзни адстіатицкой (прибылой) не имѣетъ. А только мнитца, что онъ природною меланхоліею (шальностью) болѣзнуетъ, отъ которой мало отпустя говоритъ; для свидѣтельства сего моего достовѣрія рукою своею прямою подписываю.

Григорій Карбонаръ, ихъ царскаго величества лекарь.

Переводъ съ латинскаго письма дохтура Григорія Карбонарія, каковой онъ, смотря бѣснующагося человѣка, свидѣтельствовалъ и написалъ въ нынѣшнемъ во 7199 году, октября въ 29.

Азъ нижеписанный пойманнаго человѣка, во оковахъ сущаго, смотря, свидѣтельствовалъ: отъ болѣзни онъ како разума лишился или же много паче лукавствомъ безумна ся показуетъ. Признаваю я по должности своей и по искусству своему того человѣка, зѣло причастна быти болѣзни ипохондріи, еже вну-

[1]) Decembris.

треннее нѣкое страданіе, отъ злыхъ кислыхъ мокротъ въ селезенкѣ рождающееся, отъ чего онъ не точію безуменъ учинился, но и весьма бѣснуется. Того ради должно его еще больше держать и чаще о измѣненіи его дозирать, свыше же того какъ и нынѣ вижду, что онъ небезпричиненъ великаго зла и лукавства.

Григоріусъ Карбонарій философіе и медицины и ихъ царскаго величества докторъ.

Переводъ съ письма греческаго дохтура Ивана Алексѣева.

Человѣкъ сей видится мнѣ отъ нѣкоихъ внѣшнихъ признаковъ меланхоликъ быти, не точію по словамъ его печальнымъ и жалостнымъ къ тому склоннымъ, но по самой ево меланхоличной природѣ. И во время годичное, въ которомъ меланхоличная болѣзнь больше обостряется, того ради такая мокрота и волгость злая, выводить ихъ лекарствами къ тому пригодными, пользовать и будетъ болѣзнь ево знатнѣе къ лучшему или паки въ томъ же останетъ состоянія; и надобно будетъ впредь надъ нимъ надзирать. Сіе есть мое разсужденіе.

Іоаннъ Алексѣевъ, дохтуръ медицины и философіи, подписахъ.

Переводъ съ писма греческаго дохтура Якова Пиларина, каково онъ написалъ, смотря того же бѣснующагося человѣка.

Видѣхъ человѣка, которой безумна ся являетъ. Таковъ ли онъ есть вправду высочайшимъ азъ повелѣніемъ вопрошенъ есмь, о чемъ о чемъ (sic) я краткое мое полагаю разсужденіе. Вышепомянутый человѣкъ, какъ разумѣю я, отъ природы своей меланхоличенъ есть, но меланхолія же есть двояка. И его, разсуждаю я, много паче жарка меланхолика быти, но и паче жъ признаки видѣхъ въ немъ молчаливыя на вопросы, а слова его, которые я отъ устъ слышалъ, разсудитися могутъ надвое и природою, и наукою. Немощь такая въ томъ человѣкѣ отъ науки жъ злой или отъ природы случилась, о наукѣ сказать не могу— Богъ единъ точію сердцевидецъ; о природѣ же твердо глаголю, что „отъ такова“ человѣка можетъ все быти и къ тому еще большія свидѣтельствуютъ признаки, которые я для окраченія (sic) оставляю больше еже увѣденье. Зѣло нужно, дондеже прочія люди немощь ево гораздѣе узнаютъ, якоже глаголетъ пророкъ Давидъ: „день дни отрыгаетъ глаголь и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ“.

Яковъ Дмитреевъ сынъ Пеларинъ, опасені врадп (sic).

Такое единогласное мнѣніе врачей повліяло на рѣшеніе судьбы Ивашки, хотя, какъ видно изъ приложенной ниже по дѣлу резолюціи, у правительства было все-таки сомнѣніе въ его болѣзни. Вотъ резолюція по этому дѣлу:—7199 г. генваря въ 11 день великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея великія і малыя, і бѣлыя Росиі самодержцы, слушивъ сеи выписки, указали и бояря приговорили: колодника Івашка послать въ Ростовъ, въ Аврамьевъ монастырь подъ началъ съ подьячимъ да съ сыномъ боярскимъ. И во Аврамьевѣ монастырѣ держать ево подъ крѣпкимъ началомъ, а во время церковнаго пѣнья приводить его къ церкви по вся дни, а съ монастыря ево спускать отнюдь не велѣть. А того надъ нимъ смотрить накрепко, чтобы онъ въ безумствѣ своемъ ни съ кѣмъ лишнихъ словъ не говорилъ. А буде отъ него объявитця какіе странные слова, а говорить станетъ отъ разума, а не зъ безумства, и о томъ писать для вѣдома въ Разрядъ. И о томъ послать въ Ростовъ, въ Аврамьевъ монастырь къ орхимандриту зъ братьею великихъ государей грамоту. А о пріемѣ ево въ тотъ монастырь въ приказъ Большого Дворца и о подводахъ въ Ямской приказъ послать памяти.

(Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столбцы Приказнаго стола.)

П. Зенбицкій.

Югославянскія древности въ изложеніи проф. Л. Нидерле. 1 ч. II т. Слав. древн. [1])

(Окончаніе).

Въ извѣстіи нашей лѣтописи о нападеніи влаховъ на славянъ придунайскихъ проф. Нидерле находитъ возможнымъ видѣть оттолосовъ преданія, имѣющаго реальную основу. Это преданіе могло бы быть относимо или къ нападенію Галловъ въ IV—III до Р. Хр., или къ нападенію римскихъ легіоновъ, предводимыхъ Трояномъ, на Дакію въ началѣ II в. по Р. Хр. Послѣдняя дата заслуживаетъ предпочтенія. И не столько имя Трояна, оставившее слѣды во многихъ мѣтныхъ названіяхъ, сколько преданіе о нападеніи Римлянъ на славянъ свидѣтельствуетъ о ихъ присутствіи въ Дакіи въ началѣ II в. Что имя Влаховъ [2]) славяне распространили на римлянъ и потомъ на итальянцевъ, подтверждается житіемъ Меѳодія и Кіевской лѣтописью. Ясно такимъ образомъ, что заимствованное первоначально отъ Галловъ, сосѣдившихъ съ славянами на югѣ, это имя было распространено на всѣ народы романскаго происхожденія, находившіеся на югѣ, будутъ ли то итальяицы, или романизованное населеніе Балкана и Карпатъ, позднѣйшіе румыны. По отношенію къ итальянцамъ имя Vlach сохранилось у западныхъ славянъ чешское Vlach, польское Wloch.

Переходя далѣе къ разбору топографической номенклатуры, проф. Нидерле выясняетъ свою точку зрѣнія въ этомъ пунктѣ. Многія изъ этихъ именъ извѣстны были и ранѣе, но напр. Шафарикъ видѣлъ въ нихъ доказательство того, что прародина славянъ была на Дунаѣ, что эти названія лишь остатки первоначальной славянской номенклатуры, которая позднѣе была вытѣснена иллирской, дакійской ѳракійской, гальской и римской. Иначе смотритъ проф. Нидерле. Славянскія имена въ его глазахъ служатъ доказательствомъ не старобытности славянъ, а того, что славяне въ эпоху, къ которой относятся эти данныя,

---

[1]) Slovanské Starožitnoste díl II. Původ a počátky Slovanů jižnich. sv. 1. V Praze. 1906.

[2]) Весьма вѣроятно оно возникло изъ гальскаго названія Volka, германскаго Walh.

находились рядомъ съ Иллирами, Ѳракійцами, Даками, Галлами и др.

Приводимыя далѣе имена расположены по группамъ.

1. Группа паннонская. Главнымъ образомъ у озера Блатна и по нижнему теченію Савы, отъ устья Врбаса къ Бѣлграду. Pelso, т. е. плесо, въ концѣ II в. у Аврелія Виктора, у Плинія Peiso. Вука—Vlka въ старшихъ формахъ Ulca, Ulcus, т. е. Волкъ, цѣлый рядъ слав. рѣкъ есть съ именами отъ этого корня. Vrbas отъ vrba, и это имя имѣетъ цѣлый рядъ аналогій. Pliva славянскимъ это имя считали Шафарикъ и Маретичъ; ср. Přiwka притокъ Вислы, русская и болгарская Pleva, болг. Плевен. Производили это имя отъ плоути, но возможно, что здѣсь измѣнено Pelva въ Pliva. Metubarris у Плинія быть можетъ изъ међу и бара,—предположеніе Первольфа. А слѣдовательно и въ Servitii у Птоломея и на Певтингеровой картѣ можно вмѣстѣ съ Шафарикомъ видѣть славянскихъ сербовъ, которые должны быть въ ряду первыхъ славянскихъ племенъ, подвигавшихся съ сѣвера на Вуку, Саву и Врбасъ. Civitas Pistrensis у Амміана Марцелина по объясненію Дринова, вѣроятно, отъ Pistra, т. е. Быстра. Имена отъ этого корня очень многочисленны въ слав. номенклатурѣ. Bolia вѣроятно слав. Bolja.

2. Дакійская группа. Въ нижней Дакіи при самомъ Дунаѣ имя рѣки Tsierna Черна, которая впадаетъ въ Дунай около Оршовы; также и поселенія этого имени. Имена эти встрѣчаются въ источникахъ съ начала II в. Въ другомъ правописаніи Dierna. На таблицѣ Певтингеровой Tierna. Еще варіанты: Zernensium colonia, Zerna. Имя Черна въ противоположность Бѣла не рѣдко въ славянской номенклатурѣ. Brzava недалеко отъ Черной также слав. имя, производимое отъ бръзъ быстрый. Въ связи съ этимъ именемъ рѣки станція Berzovia. Имя Тисы у Плинія Pathissus, въ другихъ источникахъ: Πάρισος у Страбона, Παρτίσκον у Птоломея, Parthiscus у Амміана Марцелина. Несмотря на то, что чаще встрѣчается форма съ r или rth, г. Нидерле видитъ въ Pathissus слѣды сербскаго Потисје. Наконецъ, имя рѣки Hron во 2 в. Γρανουάς, аналогія словацкому Hronek; hron шумъ, чешское hronutí, паденіе.

Всѣ эти имена въ глазахъ проф. Нидерле свидѣтельствуютъ, что въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Подунавья, а именно въ Паннoніи у Блатна, на рѣкѣ Вукѣ, при устьи Врбаса, на Тисѣ, Брзавѣ и Черной въ нижней Дакіи, начиная со II в. отъ Р. Хр., жили славяне. Объясненія, которыя для этихъ на-

званій предложены изъ другихъ языковъ, не выдерживаютъ сравненія съ объясненіемъ изъ яз. слав. Принять слав. этимологію этихъ именъ удерживало изслѣдователей лишь то соображеніе, что въ этихъ мѣстахъ не могли находиться славяне, пришедшіе на Дунай только въ V в. Этотъ скептицизмъ отпадаетъ самъ собой, послѣ того какъ прямыя и косвенныя доказательства убѣждаютъ, что славяне отчасти какъ отдѣльные роды или племена уже задолго до V — VI вв. проникали на югъ.

Нельзя поэтому предпочитать насильственное объясненіе этихъ именъ изъ другихъ языковъ. Не можетъ быть принято и возраженіе Мюлленгофа, что имена эти стоятъ одиноко. Это обстоятельство указываетъ только, что появленіе здѣсь славянъ было частичное, не было всеобщимъ.

Эти имена служатъ доказательствомъ, что первые славянскіе островки въ чуждой для нихъ области Подунавья были уже въ I—III вв. и находились на Хронѣ, въ Панноніи у Блатна, Вуки, Врбаса, въ Дакіи у Тисы, Черной и Брзавы. Если сопоставить съ этимъ извѣстія о Сарматахъ въ Потисьѣ въ IV—V стол., отъ которыхъ въ половинѣ V стол. Римляне услышали и записали слова *мед* и *страва*, если мы видимъ, что на Певтингеровой картѣ Венеды обозначены не только въ Бессарабіи, но и въ предѣлахъ отъ нижней Тисы на востокъ, гдѣ находятся рѣки Брзава и Черная и, наконецъ, если существовало преданіе, что Влахи-Римляне напали на славянъ придунайскихъ при императорѣ Траянѣ—то во всемъ этомъ можно видѣть доказательства движенія славянъ на югъ въ южномъ направленіи. Формулировать заключеніе можно такъ: Славяне пришли черезъ Карпаты въ Венгрію не въ V в. и къ венгерскому Дунаю и къ нижнему теченію Дуная не въ VI в., а они находились тамъ по мѣстамъ, образуя островки въ области иллирской на западѣ и дакійской, сарматской и ѳракійской на востокѣ, уже во II, а возможно и I в. по Р. Хр. Они постепенно подвигались отдѣльными родами и племенами вдоль сѣверныхъ притоковъ Дуная, главнымъ образомъ по Вагу и Хрону и бассейну Тисы, а на востокъ отъ Карпатъ по Серету и Пруту. Въ III в. движеніе это сдѣлалось сильнѣе подъ вліяніемъ переселенія сѣверныхъ народовъ, а въ IV и V вв. сѣверное Подунавье начало наполняться славянскими племенами, которыя готовы нахлынуть и на Балканы. Находя, что приведенныя соображенія даютъ прочность выводамъ о раннемъ проникновеніи славянъ къ Дунаю, проф. Нидерле под-

вергаетъ разбору еще нѣсколько народныхъ именъ. Онъ с ненъ видѣтъ славянъ въ Костобокахъ, Лугіяхъ, не считаетъ славянами Осеріатовъ Птоломея. Изъ именъ мѣстностей возможно, что слав. Πέσσιον ср. срб. Пећ, болг. Пешт; но едва ли славянскія Ακούμινκον слав. Каминка, Βόρμανον слав. боръ, Putea путь, Οὔσκενον узокъ—Flavium Solvense исправляемое въ Slovense, Λούγεον лугъ.

Культурныя слова koleda, župan, kmet, viverra, χαυνάκης, ζόμβρος, πῖνον не могутъ, по мнѣнію проф. Нидерле, быть приводимы въ пользу ранняго движенія славянъ. Коледа могло проникнуть въ слав. яз. позднѣе. Viverra и χαυνάκης вѣвера, вѣверица и куна, куница заимствованныя у славянъ римскими купцами всего вѣроятнѣе на сѣверѣ, не могутъ подтверждать существованія славянъ въ придунайскихъ краяхъ, а развѣ только свидѣтельствуютъ, что и здѣсь торговали этими мѣхами. Славянское происхожденіе слова жупанъ не выяснено. Кмет не слав. происхожденія; ζόμβρος слав. зубръ, но встрѣчается въ позднихъ источникахъ; πῖνον у Аристотеля арійскаго корня, слав. пиво не находится съ нимъ въ тѣсной связи.

Скорѣе возможно признать слав. характеръ въ названіяхъ растеній, приведенныхъ Діоскоридомъ въ числѣ дакійскихъ: σέβα Sambucus nigra; βλής Hyoscyamus niger, διέσεμα Verbascum, Προδίορνα Helleborus niger серб. зоба, чешское blín, дивизма, или чесма, чесмина, διόρνα чрьнъ.

Въ концѣ этой главы приведены рисунки, изображающіе группу варваровъ на столбѣ Траяна и варвара на памятникѣ въ Адамклиси, въ которыхъ нѣкоторые видятъ славянъ. Проф. Нидерле въ настоящее время находитъ затруднительнымъ считать эти заключенія надежными.

Четвертая глава касается извѣстныхъ изъ историческихъ источниковъ нападеній славянъ на Балканскій полуостровъ. Проф. Нидерле начинаетъ эту главу съ утвержденія, что всѣ доказательства прихода славянъ на Балканскій полуостровъ во II—VI вв. по Р. Х. не даютъ основанія заключать, чтобы они въ это время уже заняли Балк. земли. Можно допускать лишь съ большимъ правдоподобіемъ, что Славяне проникали за Дунай и Саву внутрь полуострова, но не можетъ быть рѣчи о славянской колонизаціи въ это время. Г. Нидерле не находитъ возможнымъ придавать значеніе извѣстіямъ Моисея Хоренскаго, который говоритъ о нападеніи на славянъ Готовъ въ 376 г. въ Дакіи, откуда тѣснимые ими славане перешли за Дунай. Хронологія у Моисея Хоренскаго не надежна и источ-

никъ приведеннаго имъ извѣстія не можетъ быть указанъ. Также явно ошибочно Константинъ Багрянородный относитъ взятіе славянами Салоны ко времени нападенія Готовъ въ 449 г. Всего вѣроятнѣе это могло произойти между 602 и 640 гг. Топографическія названія, приводимыя въ пользу ранняго прихода славянъ, не имѣютъ той убѣдительности, какъ названія на Савѣ и Дунаѣ, при томъ же часть ихъ находится только у Прокопія, слѣдовательно въ позднемъ источникѣ. На стр. 178—180 приведены всѣ такія названія съ параллелями къ нимъ или же съ указаніемъ сомнительности ихъ славянской этимологіи. Но проф. Нидерле допускаетъ, что отдѣльные роды или группы славянъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ другими народами въ набѣгахъ на Балканы, могли оставаться въ опустошаемыхъ краяхъ, на мѣстахъ разрушаемыхъ укрѣпленій.

Переходя за тѣмъ къ извѣстіямъ источниковъ, начиная отъ VI в., которые съ именемъ славянъ соединяютъ, представленіе о нихъ, какъ о народѣ новомъ, жившемъ ранѣе за Дунаемъ, проф. Нидерле предпосылаетъ замѣтки о изданіяхъ источниковъ. Какъ видно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, старыя изданія смѣнились новыми лучшими, иныя же и до сихъ поръ не могутъ быть признаны удовлетворительными. Имѣющіе значеніе восточные источники не всѣ доступны, потому что не переведены вполнѣ. Не смотря на то, что извѣстія о нападеніяхъ славянъ на Балканскій полуостровъ были разсматриваемы, не все исполнено вполнѣ обстоятельно, а потому есть нужда въ новомъ ихъ обслѣдованіи. Замѣтивъ, что изъ позднѣйшихъ трудовъ по этому предмету лучшимъ слѣдуетъ признать книгу Станојевича Византија и Срби, проф. Нидерле, не вездѣ съ нимъ согласный, представляетъ подробный пересмотръ этихъ извѣстій, сопровождаемый постоянными критическими замѣчаніями. Этотъ пересмотръ, за который нельзя не благодарить автора, относится къ сѣвернымъ придунайскимъ областямъ балканскаго полуострова и къ его южной Солунской окраинѣ. Отмѣтимъ при этомъ, что напр. чудеса св. Димитрія, изданныя въ Четьихъ Минеяхъ, могли бы быть привлечены при обозрѣніи нападеній славянъ на Солунь. Мало важности представляетъ житіе св. Димитрія въ сборникѣ Θησαυρός Дамаскина Студита. Въ немъ къ славянамъ имѣетъ отношеніе только одно чудо, находящееся въ первой легендѣ чудесъ, о которой проф. Нидерле говоритъ на стр. 228. Изъ недоступныхъ автору похвальныхъ словъ въ честь св. Димитрія, замѣтимъ, нѣтъ никакого упоминанія о славянахъ въ Похваль-

номъ словѣ св. Димитрію Іосифа архіепископа Солунскаго, изд. архим. Арсенія. Эта глава оканчивается замѣткой объ отдѣльныхъ слав. именахъ, сохранившихся въ источникахъ; списокъ этихъ именъ будетъ приложенъ ко II тому слав. древностей; при этомъ сдѣлана оговорка, что извѣстія о слав. происхожденіи Юстиніана, какъ теперь доказано, вымышлены въ Далматіи въ XVI или XVII стол.

Послѣдняя глава посвящена вопросу о приходѣ на Балканскій полуостровъ Хорватовъ и Сербовъ. Проф. Нидерле печатаетъ греческій текстъ Константина Багрянороднаго изъ его сочиненія de administrando imperio, въ которомъ есть подробный разсказъ о приходѣ и поселеніи того и другого народа, присоединяя чешскій переводъ. Согласно извѣстіямъ Константина, въ царствованіе императора Ираклія, по его призыву для борьбы съ Аварами, Хорваты и Сербы пришли изъ Великой или Бѣлой Хорватіи и Сербіи. Въ началѣ къ этому извѣстію относились съ полнымъ довѣріемъ, и возбуждался только рядъ второстепенныхъ вопросовъ, откуда именно они пришли, въ какіе годы и какимъ образомъ они заняли свои новыя земли. Великая Хорватія и Сербія въ представленіи Константина находились на сѣверѣ за Дунаемъ и за Карпатами, онѣ были удалены отъ моря, лежали рядомъ съ землей Франковъ и Саксовъ, за землей турецкой, т. е. мадьярской и нерѣдко подвергались нападеніямъ Франковъ, Мадьяръ и Печенѣговъ по близости отъ рѣки Вислы; значитъ гдѣ-то на сѣверѣ Венгріи въ сосѣдствѣ съ германской имперіей.

Но такое опредѣленіе все же далеко неточно, поэтому особенное вниманіе обращали имена Βαγιβάρεια, которымъ ближе опредѣлялись жилища Хорватовъ и Bо̆ki, которымъ обозначались границы Сербовъ, а также θάλασσα ἡ λεγομένη Σκοτεινή.

Въ толкованіи границъ великой Хорватіи и Сербіи можно отмѣтить два направленія. Согласно одному южные Хорваты и Сербы были выводимы отъ западныхъ полабскихъ славянъ. Согласно другому различіе языка Сербовъ и Хорватовъ южныхъ и Сербовъ и Хорватовъ Приморья не позволяло ихъ смѣшивать и потому ихъ родину искали далѣе на востокѣ, объясняя Багиварію какъ Бабью Гору въ Карпатахъ и привлекая извѣстія Плинія и Птоломея о существованіи Сербовъ въ восточной Сарматіи. Эта гипотеза была поддержана Шафарикомъ. Въ имени Багибарія онъ видѣлъ Баварію, но великую или бѣлую Хорватію онъ отодвигалъ далѣе на востокъ отъ Чехіи къ Вислѣ и отъ Кракова къ восточной Галиціи. Въ свою очередь Бѣлую Сербію онъ помѣщалъ далеко отъ полабскихъ Сербовъ въ обшир-

номъ пространствѣ на сѣверѣ и востокѣ отъ Бѣлой Хорватіи въ области средняго теченія Лабы, Лужицахъ, Силезіи и Польшѣ до губерніи Минской и Буга. Южные Хорваты и Сербы выселились изъ восточной Галиціи, а не изъ Чехіи и Лужицъ. Имя Βόϊκι Шафарикъ сопоставлялъ съ именемъ Карпатскаго края, въ которомъ и понынѣ живетъ русское племя Бойковъ. Только съ Сербіей и Хорватіей въ этихъ границахъ можно согласовать извѣстія Кіевской Лѣтописи о Хорватахъ и Сербахъ между русскими племенами. Совпаденіе имени для Шафарика не имѣло значенія, потому что имя Сербовъ онъ считалъ первоначально общимъ всѣмъ славянамъ.

Этотъ взглядъ получилъ подтвержденіе со стороны филологовъ, которые извѣстія о позднемъ приходѣ Сербовъ и Хорватовъ въ предѣлы, ранѣе занятые славянами, сопоставляли съ наблюдаемымъ ими отношеніемъ между югославянскими нарѣчіями. Копитаръ, напр., утверждалъ, что первоначально все пространство отъ Тироля и Аквилеи до береговъ Чернаго моря занимали Задунайскіе славяне, говорившіе языкомъ словинскимъ, и только съ приходомъ въ VII в. сербо-хорватовъ изъ Баваріи они раздѣлились на двѣ части, западную словинскую и восточную болгарскую.

Нѣсколько видоизмѣняя подраздѣленіе діалектическихъ группъ принялъ этотъ же взглядъ и Миклошичъ. Во второмъ изданіи сравнительной грамматики славянскихъ языковъ Миклошичъ объяснялъ, что славяне, извѣстные у византійскихъ писателей подъ именемъ Σκλαβηνοί въ VI в. заняли область на западѣ въ Альпахъ и позднѣйшую Болгарію и говорили почти однимъ и тѣмъ же языкомъ. Этотъ ихъ общій языкъ Миклошичъ подраздѣлялъ на группы западную въ Альпахъ, новословинскую, среднюю отъ Дуная къ подножію Карпатъ, паннонско-словенскую или древнесловенскую, сѣверовосточную дакійско-словенскую и восточную болгарскую; общей ихъ особенностью въ началѣ были носовые звуки. Эта однородная среда была раздѣлена на двѣ части приходомъ сербо-хорватовъ.

Совершенно иное отношеніе къ извѣстіямъ Константина Багрянороднаго находимъ у историка Рачкаго. Рѣшительно отвергая какую-либо связь между южными Сербами и лужицкими и между южными Хорватами и западными Рачкій объясняетъ извѣстія Константина о Бѣлой Сербіи и Бѣлой Хорватіи тѣмъ, что, зная о Хорватахъ чешскихъ и польскихъ и Сербахъ лужицкихъ, Константинъ дѣйствительно такъ и думалъ, что южные Сербы и Хорваты вышли изъ среды западныхъ. Но допустить этого

нельзя: западные Сербы и Хорваты до VI в. не жили у Лабы и принадлежали другой славянской вѣтви. Если языкъ лужицкихъ Сербовъ въ X в. сильно отличался отъ языка южныхъ, то онъ не менѣе отличался и въ VII в. За Карпатами гдѣ-то при Вислѣ и Днѣстрѣ были Хорватія и Сербія родина югославянъ, а не на западѣ у границъ германской имперіи, гдѣ ее помѣщаетъ Константинъ. Это одна его ошибка. Но Константинъ ошибается и тогда, когда приходъ южныхъ Хорватовъ и Сербовъ относитъ къ половинѣ VII в. Тѣ Славяне, которые позднѣе получили имя Хорватовъ и Сербовъ, вышли изъ своей закарпатской родины уже въ началѣ VI в. на Дунай и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ заняли Далматію и Босну. Относить приходъ Хорватовъ и Сербовъ къ VII в. не позволяютъ другія историческія данныя.

Взглядъ Рачкаго встрѣтилъ поддержку со стороны проф. Ягича. Взаимное отношеніе юго-славянскихъ нарѣчій убѣждаетъ, что между сербо-хорватскимъ и словинскимъ съ одной стороны, а болгарскимъ съ другой, не было такого рѣзкого различія, чтобы можно было заключать о вторженіи въ среду словинско-болгарскую клиномъ сербо-хорватскаго нарѣчія. Наоборотъ, мы видимъ столько естественныхъ связей, столько переходовъ на той и другой сторонѣ какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ, что съ точки зрѣнія лингвистической возможно лишь одно заключеніе: языкъ сербохорватскій не выступаетъ между языками словинскимъ и болгарскимъ, какъ элементъ чуждый, хронологически поздній, на оборотъ онъ издавна органически занималъ между ними среднее мѣсто и гармонически развивался съ ними одновременно. Этому безъ сомнѣнія противорѣчатъ извѣстія Константина о приходѣ Сербовъ и Хорватовъ въ VII в.

Выводя ихъ съ береговъ Лабы, Константинъ былъ введенъ въ заблужденіе извѣстіями о Хорватахъ въ Чехіи и о Сербахъ на рѣкѣ Салѣ, Лабѣ и Шпрее. Другіе историческіе источники не знаютъ ничего подобнаго тому, что говоритъ Константинъ, въ правленіе Ираклія. Ягичъ шелъ дальше въ отрицательномъ отношеніи къ Константину, высказавшись въ томъ смыслѣ, что и великая или Бѣлая Сербія, о которыхъ говоритъ Константинъ, есть его вымыселъ, или заимствованное имъ старое преданіе. По мнѣнію Ягича, Сербы и Хорваты пришли одновременно съ другими южными славянами, въ постоянномъ соприкосновеніи какъ съ предками Словинцевъ, такъ и съ предками Болгаръ. Они пришли съ сѣвера, откуда то изъ-за Карпатъ, гдѣ была

родина всѣхъ славянъ, но какой-либо сѣверной великой Сербіи или великой Хорватіи, въ смыслѣ Константина, славянская исторія не знаетъ. Племена, которыя съ начала VI в. черезъ Саву переходили въ Далматію, византійцы называли именемъ Славянъ. Только позднѣе быть можетъ въ VII в. Хорваты, какъ отдѣльное племя, взявъ верхъ надъ другими и свергнувъ иго Аваровъ, распространили свое народное имя; то же было и съ Сербами. Только тогда на югѣ возникла великая Хорватія и позднѣе великая Сербія. И вообще раздѣлять Сербовъ и Хорватовъ до VII в., какъ два цѣлыхъ, есть анахронизмъ.

Упоминая о мнѣніяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ, не согласившихся съ заключеніями Рачкаго, или же предложившихъ иное объясненіе, проф. Нидерле принимаетъ, какъ положительные результаты, слѣдующія положенія: 1) что южные Сербы и Хорваты не могутъ быть соединяемы въ одно цѣлое съ чешскими Хорватами и лужицкими Сербами; 2) почти единогласно отвергается существованіе закарпатской великой Хорватіи и Сербіи, и 3) отвергается и дата Константина о приходѣ Сербовъ и Хорватовъ только въ VII в.

Опредѣляя свое отношеніе къ этимъ выводамъ, проф. Нидерле въ основѣ признаетъ ихъ вѣрность, но онъ не идетъ такъ далеко, чтобы великую Хорватію въ особенности, а также и великую Сербію считать фикціей Константина. Онъ обращаетъ вниманіе, что есть рядъ источниковъ независимыхъ отъ Константина, которымъ извѣстна на сѣверѣ великая Хорватія, менѣе такихъ данныхъ для великой Сербіи.

Одни источники пріурочиваютъ Хорватовъ на западѣ къ Чехіи въ верхней Вислѣ, другіе на востокѣ, но все же въ Закарпатьѣ и наконецъ есть источники, подтверждающіе существованіе какой то сѣверной хорватской державы.

На западѣ ихъ помѣщаетъ географическое описаніе короля Альфреда подъ именемъ Horiti, чешская легенда о св. Вячеславѣ, грамота объ основаніи пражскаго епископства. Извѣстія Ѳомы Сплѣтскаго отъ XII в., Лаоника Халкондила отъ XV в. и преданіе, записанное у Далимила, должны быть исключены: два первыхъ отголоски извѣстій Константина, а Далимилъ разумѣлъ южныя Сербію и Хорватію.

Что касается второй группы извѣстій, то сказанное въ Кіевской лѣтописи о разселеніи славянъ отъ Дуная и о поселеніи бѣлыхъ Хорватовъ рядомъ съ Чехами, Сербами и Словинцами Нидерле считаетъ невѣроятнымъ и видитъ во всемъ этомъ отголосокъ Константина. Иное дѣло мѣсто въ IX главѣ, въ пе-

речнѣ русскихъ племенъ и подъ 907 г. и 992 г. Изъ этихъ мѣстъ ясно, что въ восточномъ Закарпатьѣ жило племя хорватовъ, находившееся въ сношеніяхъ съ Кіевомъ. Значитъ въ IX и X вв. Хорваты выступали какъ особое племя на западѣ у Вислы и чешской границы и на востокѣ у Днѣстра въ соединеніи съ русскими племенами.

Заключая изъ этихъ извѣстій, что въ IX—X в. Закарпатскіе Хорваты представляли значительный этнологическій слой, хотя бы и раздѣленный другими славянскими племенами, проф. Нидерле считаетъ неправдоподобнымъ видѣть здѣсь три различныхъ племени чешскихъ, польскихъ и русскихъ хорватовъ. Наиболѣе вѣроятно это были отрѣзанныя части одного большого племени.

Къ этимъ извѣстіямъ примыкаютъ извѣстія восточныхъ источниковъ изъ конца IX и X в., согласно которымъ въ это время въ Закарпатьѣ или еще существовала великая Хорватія, или же по крайней мѣрѣ была жива о ней память. У Массуди рядомъ съ Моравами и Чехами народъ Chorvatin, значитъ сѣверные Хорваты. Къ недавно открытымъ источникамъ относятся хроника Кардизи 1050—1051 и анонимная персидская географія 982—983 гг., заключающая описаніе сѣверной и восточной Европы, источникъ котораго можно относить къ IX в. Разбирая транскрипцію славянскихъ племенныхъ названій у этихъ авторовъ сравнительно съ извѣстными ранѣе, проф. Нидерле находитъ, что у сѣверныхъ славянъ въ IX в. выдѣлялись двѣ большія группы Vantit и Chordab, т. е. Анты и Хорваты.

Всѣ эти данныя въ совокупности, независимо отъ Константина, говорятъ о какой то странѣ Хорватовъ на сѣверѣ. Проф. Нидерле думаетъ, что это народное имя перешло съ горъ отъ Карпатскаго хребта на жившее у подошвы его населеніе, и уже то обстоятельство, что это неславянскаго происхожденія имя носили племена на югѣ а также оставшіеся между чехами поляками и русскими, говоритъ за то, что они были общаго происхожденія. Что касается возраженія Добровскаго съ точки зрѣнія языка, то оно имѣло силу, когда предполагали, что прямо отъ чешскихъ хорватовъ пришли на Балканы южные хорваты; иначе обстоитъ дѣло, если представлять, что всѣ хорваты суть части одного распавшагося и неодинаково развившагося цѣлаго. Нельзя отвергать, что въ X в. южные славяне по языку строго отдѣлялись отъ западныхъ или восточныхъ, и однако различіе не было такъ велико, чтобы за нѣсколько столѣтій ранѣе при благопріятныхъ условіяхъ не могло произойти сближеніе и слі-

яніе. Въ X в. различіе еще не было такъ глубоко; у насъ есть доказательства, что много позднѣе въ XVII—XIX в. достаточно было двухсотъ лѣтъ, чтобы хорватскія колоніи въ Моравіи и на Словачинѣ почешились.

Менѣе данныхъ для подверждения Великой Сербіи. A priori можно допустить, что сербы до прихода къ Дунаю жили гдѣ нибудь въ Закарпатьѣ и быть можетъ представляли изъ себя сильное племя; возможно, что часть ихъ осталась и пользовалась политическою самостоятельностью, но доказательствъ въ пользу этого, независимыхъ отъ Константина, нѣтъ. Сербы, которыхъ Плиній и Птоломей знаютъ въ Подкавказьи, не могутъ здѣсь быть принимаемы во вниманіе, а что касается объясненія Споровъ Прокопія въ смыслѣ сербовъ, какъ это дѣлалъ Шафарикъ, то проф. Нидерле раньше опровергалъ его. Остается затѣмъ извѣстное мѣсто географа баварскаго IX в., который въ Закарпатьѣ между сѣверными славянскими племенами называетъ Zerviani, quod tantum est regnum, ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exortae sint et originem, sicut affirmant, ducunt. Здѣсь проф. Нидерле, соглашаясь, что всего ближе разумѣть подъ именемъ этого племени Сербовъ, находитъ возможнымъ разумѣть также русскихъ и сѣверянъ, и даже Сарматовъ, по нашему мнѣнію и то и другое сравнительно съ первымъ будетъ натяжкой. Скорѣе можно согласиться что Σέρβιοι въ IX главѣ Конст. Багрянороднаго относится къ сѣверянамъ, что же касается Surbin у Массуди, которые приводятся рядомъ съ Моравами и сѣверными Хорватами, то и самъ проф. Нидерле допускаетъ, что здѣсь могли разумѣться восточные сербы рядомъ съ русскими племенами, если только Массуди не разумѣлъ здѣсь Лужицкихъ Сербовъ.

Намъ поэтому думается, что и относительно сербовъ есть указанія, но только великая Сербія, изъ которой вышли всѣ славяне, указывала бы скорѣе на европейскую прародину всѣхъ славянъ. Такъ точно, какъ бы ни объяснять имя Споры, важно то, что имя сербовъ носятъ разныя славянскія племена, какъ и имя словенъ, а потому какъ это послѣднее могло быть общимъ именемъ славянъ, такъ и первое, которое въ свою очередь и могло повести къ искаженію въ Споровъ.

Далѣе сохраняетъ интересъ и преданіе о происхожденіи рода захолмскихъ Вышевичей съ рѣки Вислы и быть можетъ неясное. (Δ)Λιτζική есть Вислица. Это частное преданіе о приходѣ одного рода стоитъ въ связи съ общимъ преданіемъ о приходѣ съ сѣвера сербо-хорватовъ.

Что касается имени императора Ираклія, то всего удачнѣе, повидимому, объясненіе проф. Иречка, по мнѣнію котораго на Константина могъ вліять фактъ возстановленія римскаго господства въ далматскихъ городахъ, которое удалось Ираклію послѣ окончанія персидской войны въ 629 г.

Разумѣется нельзя принять достовѣрность этого извѣстія о позднемъ приходѣ хорватовъ и сербовъ. Позднѣйшіе историческіе сербо-хорваты составляли однородное цѣлое. Въ ряду многихъ племенъ сильнѣйшими были хорваты и сербы, которые и одержали верхъ надъ другими. Они были на Балканскомъ полуостровѣ уже въ II—VI вв., за это говоритъ поселеніе Serbinon на Савѣ, Serbition и Serviti итинераровъ IV в. Изъ нихъ многіе отъ Савы направились къ Солуню, а часть сербскаго племени проникла на границы Македоніи и Θессаліи, откуда опять какая то колонія перешла въ Малую Азію, гдѣ называется около Никомедіи Γορδόσερβα въ VII в., позднѣе Σερβοχώρια. Мы при этомъ прибавили бы, что и въ языкѣ македонскихъ славянъ нельзя отвергать такихъ чертъ, которыя отдѣльные говоры приближаютъ въ нѣкоторой степени къ сербскому языку.

Общее заключеніе къ этой главѣ формулировано такъ. Въ Закарпатьѣ, гдѣ была первоначальная родина всѣхъ славянъ, создавались діалектическіе центры, одинъ изъ нихъ, зародышъ позднѣйшихъ сербовъ-хорватовъ, возникъ въ сосѣдствѣ прачешскаго, прапольскаго и прарусскаго центра по другую сторону Карпатъ. Этотъ центръ былъ могучій, изъ него вышли на югъ частію черезъ Мораву, частію черезъ сѣверныя ущелья Карпатовъ къ Дунаю, Савѣ и далѣе на Балканъ тѣ славяне, среди которыхъ были сербы съ хорватами. Началось это движеніе до VI в. Во II—V вв. ихъ свидѣтельствуютъ имена Ulca, Vrbas, Metubarris, Servitii. Несомнѣнно хорваты и сербы были въ числѣ славянъ, которые въ V—VII вв. заняли Сербію, Боснію и Далмацію, отчасти проникли и до границъ Греціи.

Но при этомъ въ закарпатскомъ сербо-хорватскомъ центрѣ остались частично племена, носившія имя хорватовъ и сербовъ. Эти оставшіеся, подвергшись вліяніямъ западныхъ и восточныхъ славянъ, отъ которыхъ еще немного отдѣлялись, быстро ассимилировались съ тѣми изъ нихъ, съ которыми были въ сношеніяхъ. Такъ можно объяснить появленіе и исчезновеніе хорватовъ русскихъ, польскихъ, чешскихъ и сербовъ на ряду съ русскими племенами.

П. Лавровъ.

Особенности психическаго міра якутовъ Колымскаго округа въ зависимости отъ ихъ культуры.

А. Омерякъ.

Психическія разряженія, вызванныя фактами извнѣ, дѣйствующими на субъекта разряженія, не проходящими черезъ сознаніе: 1. Словомъ, повтореніе словъ. 2. Приказаніемъ, исполненіе приказаній. 3. Дѣйствіемъ повтореніе дѣйствій. 4. Видомъ предмета или названіемъ его.

(Сентябрь 1885 г). Въ Жулейскомъ наслежномъ домѣ сбоку камелька на низкой скамейкѣ сидитъ старая якутка. Лицо у нея страдальческое, нервное. На колѣняхъ небольшая почернѣвшая отъ времени дощечка. На дощечкѣ приготовлена смѣсь табаку съ золою. Кончикомъ ножа смѣсь переложена на ладонь; сдѣлана аккуратная маленькая кучка, достаточная на одну понюшку.

На почетномъ оронѣ (лавкѣ) у стола сидитъ жирный огромный якутъ Кирилинъ. Онъ писарь четырехъ наслеговъ: Жулейскаго, двухъ Игидейскихъ и 1-го Хаяхсытскаго (Ботурусскаго улуса Якутскаго округа). Якутъ-писарь напился чаю, на его жирномъ лицѣ полное удовольствіе, въ юртѣ онъ самый важный гость и почетный человѣкъ.

Мина Егоровъ, содержатель наслежнаго дома Жулейскаго, сидитъ съ видомъ непоколебимаго спокойствія человѣка, видавшаго много видовъ, на скамьѣ спиной къ камельку. Рубаха снята со спины черезъ голову, держится рукавами на рукахъ, лежитъ скомканная на колѣняхъ, подъ руками. Спину ласкаетъ лучистая теплота камелька. Мина Егоровъ былъ богатый якутъ; обѣднялъ въ роковой 1883 г., памятный для якутовъ Якутскаго округа. Лѣто было жаркое, дождливое. Земля оттаяла глубже обыкновеннаго. Провалились берега озеръ. Вода вылилась изъ низкихъ береговъ, затопила покосныя мѣста. Часть сѣна, убранная въ копны, была спасена, много по-

гибло въ покосахъ. На долгую полярную зиму не хватило сѣна для скота, главнаго источника жизни якутовъ Якутскаго округа. Пришлось бить и продавать скотъ. Мясо подешевѣло въ Якутскѣ. Вырученныя деньги были истрачены нерасчетливыми. Нерасчетливые скотоводы-якуты обѣднѣли; въ числѣ ихъ и Мина Егоровъ... Мина Егоровъ стоически, какъ истинный философъ, переносилъ измѣненіе своего положенія... Жена его не была стоикомъ. Нищета послѣ богатства подѣйствовала на ея внутренній міръ... Прежде Мина Егоровъ угощалъ пріѣзжающихъ и проѣзжающихъ въ своей страннопріимной юртѣ хорошей пищей, теперь почетные гости развлекали себя, заставляя его жену, несчастную женщину, повторять слова и дѣйствія.

Кирилинъ занятъ своимъ дѣломъ, онъ не смотритъ на бѣдную женщину. Онъ разбираетъ свои бумаги на столѣ.

Якутка подноситъ ладонь къ носу, собирается втянуть себѣ въ носъ табакъ. Она предвкушаетъ наслажденіе.

— „Эмяхсинъ!“ (старуха)—громко кричитъ Кирилинъ.

— „А! Э! Э! Эмяхсинъ!“ — повторяетъ женщина, вздрагиваетъ, нервно выправляется; испуганно, какъ виновная, смотритъ на Кирилина.

— „Эмяхсинъ, смотри!“—говоритъ Кирилинъ серьезнымъ тономъ.

— „Э! Э! Э! Эмяхсинъ, смотри!“—повторяетъ женщина.

Якутъ подноситъ свою ладонь къ лицу, дуетъ на нее...

Женщина дѣлаетъ то же: табакъ разлетается...

Кирилинъ углубляется въ свое занятіе.

Якутка постояла нѣсколько секундъ. Нервно повторила два-три раза печальнымъ голосомъ: „что это такое, что это такое!“ посмотрѣла на пустую дощечку, на ножъ въ другой рукѣ... Сѣла опять на скамеечку. Бережно развязала узелокъ на своемъ головномъ платкѣ, вынула оттуда маленькій кусочекъ табачнаго листика, опять завязала голову платкомъ. Принялась растирать ручкой ножа табакъ, прибавляя понемногу золы.

Приготовленіе понюшки окончено. Смѣсь опять на ладони. Женщина опять подноситъ табакъ къ носу...

— „Эмяхсинъ!“—зоветъ ее Кирилинъ.

— „Э! Э! Эмяхсинъ“—повторяетъ женщина нервно съ дрожаніемъ въ голосѣ.

— „Смотри!“ — говоритъ Кирилинъ. Повторяется та же исторія: табакъ разлетается...

Дощечка пуста.

Кирилинъ опять принимается за свои бумаги...

— „Что это такое! что это такое!“ —говоритъ якутка, постоявъ въ нерѣшительности нѣсколько секундъ. На этотъ разъ въ голосѣ женщины слышны слезы. Женщина садится приготовлять новую понюшку.

Жирный Кирилинъ еще не окончилъ своей забавы.

Онъ дѣлаетъ это еще два-три раза. Каждый слѣдующій разъ ему приходится успокаивать женщину обѣщаніемъ, что онъ ея уже больше не тронетъ...

Она съ недовѣріемъ смотритъ на него, приготовляетъ понюшку, искоса боязливо посматривая на Кирилина...

Послѣ третьяго или четвертаго раза, говоря: „что это такое:! что это такое!“ женщина плачетъ.

Исполняя повторныя дѣйствія, она видимо сопротивляется, дѣлаетъ усиліе, чтобы не повторять, и—не можетъ.

Когда въ послѣдній разъ понюшка разлетѣлась и доска опустѣла въ ея рукахъ. бѣдная женщина схватила скамеечку и съ силой замахнулась на писаря. Еще моментъ—и тяжелая скамеечка изъ корня лиственницы полетѣла бы въ жирнаго писаря...

— „Эмяхсинъ! что ты хочешь дѣлать! Нельзя! Оставь!“ — приказываетъ Кирилинъ. Эмяхсинъ опускаетъ руку со скамейкой, какъ виновная...

— „Что это такое, что это такое! У меня нѣтъ больше табаку!“—плачетъ женщина...

Кирилинъ досталъ изъ своей сумы большой листъ табаку.

— „На, возьми!“—даетъ онъ листъ женщинѣ.

Плата дана. Увеселеніе окончено... Кирилинъ принялся писать... Женщина приготовляетъ понюшку. Она нервно вздрагивала, посматривая на Кирилина.

Мина нагрѣлъ уже спину и вышелъ изъ юрты.

Зарядивъ носъ табакомъ, вышла изъ юрты и жена Мины Егорова.

Декабрь 1894 г. Родчево (Колымскій окр.). Собраніе двухъ наслеговъ: 1-го Байдунскаго и 4-го Мятюжскаго... День собранія окончился... Поздній зимній вечеръ—9—10 часовъ. Юрта Топаныра полна народу... Тутъ на почетныхъ мѣстахъ размѣстились почетные люди: къ дверямъ ближе и въ женской половинѣ—менѣе почетные и на самомъ плохомъ мѣстѣ у дверей пріютились два-три „листа-кiһита“, т.-е. люди, не вносящіе никакихъ налоговъ и податей.

Якутъ Карась-Балагуръ, говорунъ, любитъ занимать „народъ“ разными шутками.

Онъ заставляетъ Эрюку повторять слова и движенія, недопустимыя въ нашемъ болѣе культурномъ обществѣ. Это увеселяетъ „народъ".

Натѣшившись вдоволь, Карась началъ разсказывать какую-то исторію.

Оставленная въ покоѣ, возбужденная Эрюка выходитъ изъ юрты. Выходитъ и Карась.

Они встрѣчаются на дворѣ за юртой.

— „Эмяхсинъ, кёръ[1])!" — обращается къ Эрюкѣ Карась.

Карась дѣлаетъ видъ, что беретъ снѣгъ и кладетъ въ свои спущенные штаны. Движенія Карася быстры. Иллюзія полная: онъ накладываетъ снѣгъ себѣ въ штаны.

„Э! Э! Э! Эмяхсинъ, кёръ!"—нервно повторяетъ Эрюка. Эрюка дѣйствительно обѣими руками быстро кладетъ снѣгъ въ свои теплые штаны.

Занятая своимъ дѣломъ, она не замѣчаетъ, какъ тихо уходитъ Карась въ юрту. Въ юртѣ смѣхъ. Карась картинно изображаетъ работу Эрюки.

Снѣгъ начинаетъ таять. Онъ охлаждаетъ тѣло Эрюки. Она дрожитъ отъ холода, плачетъ отъ досады—обиды. Эрюка осматривается. Никого нѣтъ. Она хватаетъ топоръ, бѣжитъ въ юрту, съ намѣреніемъ наказать Карася... Она уже въ юртѣ... Карась прячется за спины.

— „Его нѣтъ!—кричитъ онъ,—не надо! не надо! положи топоръ за камелекъ! Положи за камелекъ!..

Эрюка раздражена; она не хочетъ класть топора... Топоръ въ поднятой вверхъ рукѣ.

— „Положи топоръ! Положи топоръ! Его нѣтъ!"— настоятельно говоритъ Карась изъ-за спины.

— „Э! Э! Э!.. Его нѣтъ... Э! Э! Э! Его нѣтъ!"—нервно повторяетъ Эрюка; она блуждающимъ взглядомъ ищетъ Карася, рука съ топоромъ опускается.

— „Его нѣтъ!" подтверждаетъ посторонній голосъ.

— „Его нѣтъ!" повторяетъ Эрюка покойнѣе, кладетъ топоръ на дрова за камелькомъ и нервно проходитъ въ женскую половину.

Около нашего лѣтняго поселка озеро. Берега его топки. Лѣтомъ я часто купаюсь. Раздѣваюсь вдали отъ юртъ (ихъ всего три) на берегу топи и иду въ озеро нагой... Пройти нужно по топи саженей 200.

---

[1]) Смотри.

Кто-нибудь, желая подурачиться, кричитъ: „Эрюка! Эрюка! смотри! смотри! Русскій сталъ духомъ, смотри! смотри!“.

Эмяхсинъ выскакиваетъ изъ юрты...

— „Духъ! Духъ!“—кричитъ она, бѣжитъ ко мнѣ, машетъ руками. Она хочетъ прогнать Духа, напугать его. Въ одной ея рукѣ палка..

— „Домой иди! Домой! Брось палку!“—кричу я ей. Она возвращается. Она идетъ, какъ виновная, покорно; у нея недоразумѣніе; она палки не бросаетъ...

Якутъ Афанасій обтесываетъ бревно. Эрюка проходитъ мимо него.

— „Куда ты, эмяхсинъ, ходила? къ Духу въ гости?“ — спрашиваетъ Афанасій, не прекращая работы и не смотря на Эрюку. Работа его идетъ хорошо; всякое дѣло онъ дѣлаетъ любовно.

— „Что такъ скоро вернулась?—не отрываясь отъ работы своихъ мыслей говоритъ Афанасій.—Онъ тебя зоветъ. Иди къ нему! Видишь? Духъ около озера стоитъ!“ Эрюка опять бѣжитъ ко мнѣ, машетъ руками, кричитъ:—„Духъ! Духъ...“

Я спѣшу къ сухому берегу, быстро одѣваюсь...

Въ одеждѣ я перестаду быть Духомъ... Эрюка возвращается домой.

Лѣтомъ во время дождя иногда я влѣзалъ на крышу своей юрты и принималъ душу: подставлялъ свое тѣло подъ дождь... Мою юрту отъ юрты Эрюки раздѣляло пространство саженей въ 75—100.

Желая позабавиться, кто-нибудь кричалъ:

— „Эмяхсинъ! Эмяхсинъ! Смотри, что дѣлаетъ русскій!“

Эрюка выскакиваетъ изъ юрты.—„Э! Э! Э!... Духъ, Духъ!“ Бѣжитъ ко мнѣ, машетъ руками... Хватаетъ по пути палку... Она хочетъ сражаться съ Духомъ...

— „Не надо! Эмяхсинъ!“ кричу я ей... „Иди домой!“

— „Не надо, иди домой!“—повторяетъ она немного сконфуженная и медленно возвращается домой...

1890 г. Ноябрь. Колымскій округъ. Родчево или Уродчево.

Въ юртѣ якута Топаныра сидитъ протоіерей.

Онъ уже благословилъ всѣхъ приходящихъ якутовъ...

Сзади его за орономъ лежатъ бѣлки, горностали, нѣсколько лисицъ... Это мзда за требы, плата за свѣчи и уплаченные долги за взятый въ предшествующій пріѣздъ якутами, духовными дѣтьми, товаръ.

Онъ уже раздалъ въ долгъ товаръ, слегка, любовно, пожурилъ неисправныхъ плательщиковъ, напоминая этимъ, чтобы они не

забыли его доброты и вознаградили ее благодарностью въ формѣ „подарка“...

Теперь онъ, довольный собой, якутами, горносталями, бѣлками и лисицами, гора которыхъ нѣжно напираетъ на его спину, какъ вещественное доказательство его добродѣтелей,—онъ, довольный всѣмъ, вливаетъ въ свою массивную утробу теплый ароматный чай... Столъ уставленъ различными якутскими закусками... Стоитъ графинчикъ съ водкой, блюдечко съ сахаромъ, тарелка съ сухарями... Водку, сахаръ, сухари онъ возитъ съ собою. Остальное угощеніе на счетъ наслега...

Попъ благодушествуетъ. Есть „хлѣбъ“, нужны еще „зрѣлища“.

Мать Топаныра — Эрюка, старая якутка.

Попъ обращается къ ней...

— „Эмяхсинъ! какъ поживаешь?“

— „Хорошо, тоёнумъ! (господинъ мой)

— „Эмяхсинъ! на чемъ ты сидишь?“—спрашиваетъ попъ.

Эрюка сидитъ въ женской половинѣ юрты около камелька... Она безпокойно оглядывается. Во взглядѣ тревога.

— „Ты сидишь на человѣкѣ!...“

Старуха вздрагиваетъ, вскакиваетъ.

— „Нѣтъ! Нѣтъ!...“—вскрикиваетъ она потеряннымъ голосомъ, желая увѣрить себя, что она сидѣла не на человѣкѣ.

— „Какъ нѣтъ? развѣ ты не видишь, что это человѣкъ?... смотри лучше!“

— „Э! Э! Э!...“ нервно вскрикиваетъ Эрюка. — „Человѣкъ! Человѣкъ!.. Нѣтъ! Нѣтъ!“... Она видитъ еще оронъ; въ ея воображеніи онъ принимаетъ очертанія человѣка.

— „Ты посмотри хорошенько, вотъ ноги, онъ обувь снялъ“.

Эрюка въ волненіи... Она не можетъ очевидностью орона побѣдить составляющуюся въ ея мозгу картину человѣка... Очертанія человѣка неясны.

— „Посмотри, посмотри на него, это...“ священникъ называетъ имя знакомаго ей якута.

Конкретная форма человѣка дана. Эрюка машетъ руками.

— „Э! Э! Э!“—кричитъ она сквозь слезы, повторяя имя названнаго якута.

— „Что ты хотѣла съ нимъ дѣлать, эмяхсинъ?“—спрашиваетъ попъ. „Скажи-ка, скажи!“

— „Э! Э!. Что ты хотѣла съ нимъ дѣлать?“—повторяетъ Эрюка вздрагивая, плачущимъ голосомъ. „Что ты хотѣла съ нимъ дѣлать?“—опять повторяетъ Эрюка. Она вся трясется.

Попъ видитъ, что зашелъ далеко. Присутствующіе смѣялись

въ угоду тоёну. Топаныръ вначалѣ кисло улыбался. Теперь его физіономія стала серьезною. Онъ всталъ.

— „Господинъ мой!“—сказалъ онъ, обращаясь къ попу—„моей матери можетъ быть не хорошо!“...

— „Эмяхсинъ, возьми!“—попъ протянулъ старухѣ листъ табаку.

Эрюка подошла, взяла табакъ; походка ея была нервная, она слегка дрожала.

Эрюка женщина разсудительная, „кӧрсӧ“, съ „хорошими мыслями“ — „ючюгей саналахъ“—всегда готовая помочь ближнему.

Весна 1886 г.

Изъ Жулейскаго наслега ѣду я къ Пекарскому. Дорогу знаю плохо. Этой дорогой проѣзжаю въ первый разъ. На пути попадается поселокъ достаточнаго якута... У большого хотона [1]) усердно работаетъ бѣдно одѣтый якутъ. Онъ отбрасываетъ навозъ отъ стѣнъ хотона, дѣлаетъ стокъ воды... Весь поглощенъ онъ работой. Тихо подъѣзжаю я къ нему. Меня онъ не замѣчаетъ.

— „Скажи, какъ проѣхать къ Карловичу?“—спрашиваю я, вплотную подъѣзжая сзади къ якуту.

— „Э! Э! Э! проѣхать къ Карловичу!“—мерячитъ якутъ, пораженный неожиданнымъ появленіемъ русскаго.

— „Гдѣ дорога къ Карловичу?“—измѣняю я форму вопроса, думая прекратить меряченья якута...—„Э! Э! Э! Гдѣ дорога къ Карловичу?“—скороговоркой, нервно, повторяетъ якутъ..

Я вижу, что ничего не добьюсь; уѣзжаю отъ якута.

— „Э! Э! Э! Нюча барда (русскій пошелъ), нюча барда!..—кричитъ якутъ машетъ руками, бѣжитъ за мною...

Этотъ якутъ жилъ въ хотонѣ.

Насколько мнѣ приходилось наблюдать, въ Якутскомъ округѣ мерячатъ преимущественно женщины. Мужчины очень рѣдко. Если мужчины, то, преимущественно, не прилагающіе свои силы къ самостоятельному труду—„хотонные якуты“.

Особенныя условія якутской скотоводческой культуры создали особенный типъ батраковъ. — Эти батраки завѣдуютъ зимою „хотономъ“ своего хозяина: возятъ сѣно, наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы давать скоту сѣна не болѣе того, сколько нужно, чтобы скотъ не пропалъ съ голоду и дотянулъ до поднож-

[1]) Зимній хлѣвъ для скота.

наго корма. — Самъ „хотонный якутъ“ съ семьёю питается тоже такъ всю зиму, чтобы не умереть съ голоду и дотянуть до весны, когда можно разсчитывать на ловъ рыбки „мундушки“, мелкихъ карасей, на большее обиліе молока. На кормленіе хотонному якуту хозяинъ даетъ коровы двѣ-три въ тѣло, то-есть первый пользуется ихъ снятымъ молокомъ, масло же долженъ доставлять хозяину. Количество топленаго масла опредѣлено было въ 1885—6 годахъ за корову средняго качества—30 фунтовъ съ подножнаго корма до 14 сентября или 1-го октября, за хорошую—40 фунтовъ.

Лѣтомъ хотонный якутъ коситъ хозяину сѣно. Хотонные якуты обыкновенно люди семейные. Часть длиннаго узкаго хотона, сажень въ ширину, отгорожена низкою изгородью отъ всего помѣщенія. Здѣсь поставленъ камелекъ, сдѣлано два низкихъ орона, стоятъ двѣ-три якутскихъ скамейки, грязный низкій засаленный маленькій столъ на искривленныхъ ножкахъ. Тутъ помѣщается семья „хотоннаго якута“. Здѣсь же помѣщаются зимою болѣе слабыя телята, временно—тельныя коровы ранняго отела. Камелекъ для тепла топить не приходится—лучистая теплота отъ скота отопляетъ низкій хотонъ,—камелекъ топятъ для освѣщенія. Въ этомъ маленькомъ хотонномъ отдѣленіи для человѣческаго существованія—всегда полумракъ. Маленькое окно въ шесть квадратныхъ вершковъ съ вставленной въ него льдиной пропускаетъ тусклый слабый свѣтъ.

Человѣкъ здѣсь приниженъ, подавленъ обстановкой—однообразной, гнетущей его.

Среди этихъ людей и бываютъ омеряки.

Есть другой типъ бѣдноты. Представители его одѣты сравнительно прилично. Цѣлыми стаями они носятся отъ одного богатаго якута къ другому, узнаютъ и разносятъ новости; послѣ сытнаго ужина гостей у богатаго якута, разсказываютъ исторіи (усгуоруја), сказки, анекдоты, летаютъ вѣстовщиками. — Это ходачія газеты. Они подобострастны въ юртѣ богатаго якута и свободны, съ творческой иниціативой,—по пути отъ одной юрты въ другую. Холодъ въ 40—50° градусовъ; въ короткомъ плисовомъ на заячьемъ мѣху верхнемъ платьѣ, въ теплыхъ узкихъ штанахъ и теплой мягкой обуви, плотно обхватывающей ногу, быстро проходятъ эти разносчики новостей пространство отъ одной юрты къ другой. Всегда они интересные гости. Якуты цѣнятъ ихъ такъ, какъ наши интеллигенты свои газеты. Они также заполняютъ свободное зимнее время якутовъ новостями съ большимъ элементомъ личнаго творчества. Творчество сужи-

вается до узкихъ размѣровъ въ юртѣ богатаго якута, получаетъ большой просторъ въ юртѣ средняго и не ограничено предѣломъ въ юртѣ бѣдняка. За чашку „выварокъ“ или миску „чернаго бутугаса“ (похлебки) разносчикъ новостей надѣляетъ хозяина новостями съ преобладающимъ элементомъ личнаго творчества. Скудость угощенія пополняетъ онъ самоудовлетвореніемъ своимъ творчествомъ.

Эта профессія всегда занята мыслью найти и сообщить новое. У нея психическія силы пристроены. Это не заряженная психическая батарея, разряжающаяся отъ внѣшняго прикосновенія съ искрами и звукомъ. Она разряжается въ работѣ, направленной къ опредѣленной цѣли.

Между ними мнѣ не случалось встрѣчать омеряковъ.

Изъ своей бѣдности они нашли себѣ полупочетный выходъ. Ихъ психика не сжата въ сильный зарядъ.

Въ Колымскомъ округѣ нѣтъ спеціализаціи профессій. Семьи богатыхъ якутовъ сами исполняютъ обязанности „хотонныхъ якутовъ“. Имъ помогаютъ „дюка́ки“ [1]) или бѣдные родственники женскаго пола. Скотоводство въ Колымскомъ округѣ— подспорье, и подспорье въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ какимъ для якутовъ Якутскаго округа въ 1885—6 было рыболовство. Въ то время въ Якутскомъ округѣ не было ни одного якута, который не употреблялъ бы въ пищу, кромѣ рыбы и дичи, даже въ извѣстное время года, еще и продуктовъ скотоводства. Въ Колымскомъ округѣ, до 1904 года іюля 17 включительно, только для одной трети продукты скотоводства имѣли серьезное значеніе. И только двѣ трети употребляли ихъ, эти продукты, какъ подспорье; остальная треть, если и любила эти продукты и пользовалась ими, то потребляла ихъ, пріѣзжая, въ юртахъ скотоводовъ, или вымѣнивала у скотоводовъ за продукты рыбнаго, или звѣрного промысла или получала въ обмѣнъ за „кеһи“ (подарки).

Въ 1885—6 гг. въ Якутскомъ округѣ были якуты, имѣвшіе по 60 и болѣе штукъ дойныхъ коровъ. Въ Колымскомъ, до іюля 1904 года, изъ якутовъ двухъ наслеговъ: 1-го Байдунскаго и 4-го Мятюжскаго не наберется 4—5 человѣкъ, у кого было бы болѣе 10 шт. дойныхъ коровъ. Единицы, рѣдкія хозяйства запасали на зиму „суоратъ“ (варенецъ). „Таръ“ (прокисшее молоко), ни бѣлый, ни черный, не былъ въ обычаѣ, ни, тѣмъ болѣе, предметомъ рынка, какъ въ Якутскомъ и другихъ

[1]) Постояльцы.

округахъ до 1885—6 годовъ. Его, этотъ „таръ“, замѣняла „сыма“ —квашеная („кислая“) рыба.

Преобладаніе охотничьей-рыболовной культуры давало большой просторъ личной инициативѣ, создавало увѣренность въ себѣ, поддерживало болѣе теплыя отношенія равной взаимной нужности людей другъ въ другѣ.

Въ Колымскомъ округѣ промышляли многія женщины, особенно молодыя; незамужнія—почти поголовно. Въ послѣднее время промыслы уменьшились, и женщины начали принимать въ нихъ болѣе широкое участіе...

Въ Якутскомъ округѣ далеко не всѣ мужчины занимались исключительно промыслами... Тогда какъ тамъ мужчины нерѣдко возили сѣно и дрова, въ Колымскомъ, въ „улусѣ“, дрова и сѣно мужчины возили въ исключительно рѣдкомъ случаѣ...

За 14 лѣтъ пребыванія я не знаю ни одного примѣра омеряка-мужчины въ формѣ повторенія словъ, не говоря уже о повтореніи дѣйствій, и также не знаю примѣра вызова впечатлѣній и подсказаннаго отвѣтнаго дѣйствія на вызванное впечатлѣніе у мужчинъ. Даже не могу назвать лица, мужчину, изъ якутовъ, который, пораженный внезапнымъ стукомъ, вскрикивалъ,—кромѣ себя самого, зараженнаго якутской психикой. Мнѣ приходилось жить въ атмосферѣ рыболовно-звѣрного промысла; занимаясь скотоводствомъ, какъ средствомъ къ существованію, я былъ почти „хотоннымъ человѣкомъ“. Личный уходъ за скотомъ и по обработкѣ молочныхъ продуктовъ приковывалъ меня къ погребу, амбару, сѣннику, хотону...

Критическая мысль и умственный трудъ, не безъ-инициативный, удержали развитіе изъ меня омеряка на первой ступени отвѣтнаго разряженія на поражающій звукъ подражательнымъ вскрикиваніемъ „тыртъ“, безъ всякаго нарушенія психическаго равновѣсія, даже безъ прекращенія покойнаго теченія мысли... Тутъ не бывало испуга даже въ самомалѣйшей долѣ... Психическія силы на разрядъ уходили въ предѣльномъ для омеряка минимумѣ... Теперь прошло почти три года, какъ я оставилъ этотъ міръ людей — сильно заряженныхъ психически—и у меня первая форма омеряка атрофировалась... При внезапномъ звукѣ я только, безъ нарушенія покойнаго теченія мысли, вздрагиваю, какъ всякій сильно заряженный психически субъектъ высшей культуры...

Сильное психическое заряженіе необходимо въ охотничьей культурѣ... У насъ, людей иной культуры, оно—пережитокъ... Для охотника нужно постоянное напряженіе внѣшнихъ чувствъ:

зрѣнія, слуха... Нужно разбираться быстро въ ощущеніяхъ, получаемыхъ отъ внѣшняго міра; быстро нужно давать отвѣтное дѣйствіе... Отвѣтное дѣйствіе—центръ, цѣль... Быстро разбираться—необходимое условіе; но, по отношенію къ цѣли, въ охотничьей культурѣ, отвѣтное быстрое дѣйствіе—всё... Всё для него, для этого отвѣтнаго дѣйствія...

Омерякъ, пораженный внезапнымъ звукомъ, вздрагиваетъ и отвѣчаетъ быстро подсказаннымъ словомъ или дѣйствіемъ. Поражаетъ предметъ—онъ или бѣжитъ къ нему, или вскрикиваетъ фразу, образно изображающую фактъ изъ области половыхъ отношеній, или кричитъ: „Духъ!“ (абáһы)—какъ символъ неизвѣстнаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Даниловъ.

ОТДѢЛЪ II.

Сибирскія пѣсенныя старины.

(Продолженіе).

33.

Дорожкя, ты моя дороженкя!
По тебѣ, моя дороженкя, вѣтры дуютъ-подуваютъ.
У насъ то, у насъ, добрыхъ молодцевъ,
Серцо ноетъ-унываетъ по тобѣ, моя дороженкя.
Тутъ стояли три садочка:
Во пе́рвомъ то было садичкѣ —
Кокушка̀ сидитъ, ко́куетъ;
Во вто́ромъ то было садичкѣ —
Соловеюшко громко свищетъ;
Во третьемъ то было садичкѣ —
Ро́дная матушка сидитъ-плачетъ:
Она плакала-рыдала...
И во солда̀тушки сына снаряжала:
„Ужъ ты, сынъ, мой сыночикъ,
„И сынъ, ты мой ясной соколочикъ!
„Ужъ какъ я тибя, сыночкя, но́сила-болѣла
„И рожала-обмирала;
„Я тибя, сыночкя, ро́стила-подымала,
„Ро́стила-подымала и замѣно́чку себѣ поджидала.
„Не могла я отъ тибя, сыночкя, сибѣ замѣночку дождати, —
„Нынче надо тибя, сыночкя, въ солдатушки отдати".

Д. Кежем. Заимка, 1904 г. Евф. Поповъ, 66 л.

34.

Дорожка, моя дороженкя, дорожкя моя широкая!
Ны тибѣ, моя дороженкя, сто́ять эти сады зеленые.
Во пе́рвомъ то во садичкѣ-соловейко то громко свищетъ;
А во вто́ромъ то во садичкѣ ко́кушечкя ско́кувала;
А во третьемъ то во садичкѣ ро́дная то матушка плачетъ.
Она плакала-рыдала са̀ма сыну говорила:
„Сынъ, ты мой сыночикъ, сынъ мой, ясной соколочикъ,

Ты скажи ко, мой сыночикъ,—изъ трёхъ ково пуще любишь?"
„Рòдную сéстрицу люблю, мамонька,—люблю я ею по привѣту;
Молодую жену люблю, мамонька,—люблю я ею по совѣту;
А родимая моя мамонька скóрбѣла-болѣла,
Скòрбѣла-болѣла-смéртный часъ прúмала;
Зúбала-качала-замѣнòчку себѣ ждала.

Дер. Каменка. Аѳ. К. Кокоринъ.

35.

(Запѣвало) Куликъ куликаетъ, (хоръ) по морю гуляетъ,
По морю да гуляетъ [1]);
По морю гуляетъ, думаетъ-гадаетъ;
Думаетъ-гадаетъ—хочетъ въ Москву ѣхать,
Хочетъ въ Москву ѣхать, въ Каменну пробратьца;
Въ Каменку пробратьца—съ кубчикамъ спознаться,
Съ кубчикамъ спознатьца—товару набратьца,
Товару набратьца—съ купцамъ разругатьца. —
Ѣхать дорогой пыльно, лѣсомъ ѣхать страшно,
Ѣхать лѣсомъ страшно, Москва украшена;
Москва украшена, уличка метёна;
Улочка метёна, камушкамъ кладёва;
Не мы ее клали—холопы робята,
Холосты робята—донскіе казаки;
Шли они горою, крýтымъ косогоромъ,
Крýтымъ косогоромъ мимо царскихъ оконъ,
Мимо царскихъ оконъ—царя увидали,
Царя увидали; тутъ остановились, шапочки сымали;
Шапочки сымали—честь царю воздовали [2]).

С. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

36.

Сизой голубочикъ, ясный ты, соколикъ!
По лужку гуляетъ, думаетъ, гадаетъ
Какъ въ Москву проѣхать, въ каменну пробратьца
Въ каменну пробратьца, съ милой увидатьця.
Лѣсомъ ѣхать тёмно, степью ѣхать пыльно,
Степью ѣхать пыльно, въ Москву ѣхать стыдно:

---

[1]) Припѣвъ хора повторяется дважды; съ него запѣвало вновь начинаетъ пѣсню.

[2]) Эта же пѣсня, по словамъ красноярскихъ ямщиковъ, поется въ с. Устюгѣ, Сухубузимской вол., Краснояр. у., съ небольшими измѣненіями, а именно: вм. „съ кубчикамъ спознатьца"—„съ милой повидатьця"; вм. „лѣсомъ ѣхать страшно"- „ѣхать лѣсомъ грязно"; вм. „Шли они горою" поется: „ѣхали мы горою" оканчивается такъ:

„Крутымъ косогоромъ—мимо царскихъ оконъ:
Цари выходили,—шапочки сымали,
Шапочки сымали,—съ полкомъ проздравляли".

Марта 10-го, 1895 г.

Улочки метёны, камушкамъ кладёны;
Клали—выкладали молодцы робята,
Молодцы ребята—тòнскіе казаки
Ѣхали уваломъ, мòрскимъ косогоромъ;
Морскимъ косогоромъ мимо царскихъ оконъ—
Цàря увидали, шапочки скидали.
Шапочки скидали, цàря проздравляли;
Цàря проздравляли съ молодой жоною;
Съ молодой женою, съ малыми дитями.

Д. Кежем. Заимка. Наталья Заборцева, 17 лѣтъ.

37.

Не шуми ко, матушка, зелена дубровушка,
Не греми ко, те батюшко, широкое раздольицо,
И не мѣшай ко те мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Думу думати, мысли мыслити!
И за утра миня, дѣтинушку, на допросъ ведутъ,
И поставили миня, дѣтинушку, передъ грознова судью,
Передъ грознова судью—передъ бѣлова царя.
И сталъ то миня, дѣтинушку, царь допрашивати:
„И скажи ко, те дѣтинушка, и не тай себя,
„И скажи ко, те дѣтинушка, съ кѣмъ разбой доржалъ?".
—„И пéрвой у миня, говоритъ, товаришъ—осённая тёмноя ночь;
А втóрой мой товаришъ—тýгой лукъ;
А трѐтій мой товаришъ—добрый конь;
Сылочки-посылочки—калены́ стрѣлы́,
Куда стрѣлу пошлю—туды и пóлетитъ".

Кежем. Заимка. Евгр. Сизыхъ.

Одна изъ старинныхъ пѣсенъ. У А. Соболевскаго отмѣчено нѣсколько сходныхъ съ нею варіантовъ; одинъ м. пр. заимствованъ изъ „Пѣсенника", ч. II, 1791 г. („Великорус. нар. пѣсни", т. IV, стран. 332—335). Терещенко, стран. 23.

38.

За Сибирью солнцо свѣтитъ, } запѣвало.
А вы хлопци знайте,
Што на миня, Карналюгу, } хоръ.
Вы надежду майте.
Вы надежду майте [1]... голосъ.
Славной хлопецъ Карналюга
По горамъ гуляетъ,
Што не одну то дѣвчöночку
Съ разума сбиваетъ;
Што за эту за дѣвицу
Самъ попалъ въ темницу;

---

[1]) Послѣдняя строфа каждаго четверостишія, для сокращенія, служитъ начиномъ для запѣвалы.

Тюрьма крѣпка и высока
Подъ тижолымъ подъ замкомъ,
Што за етимъ за дверями,
Безотвѣтной часовой.
Отворите мнѣ темницу,
Дайте свѣтлова мнѣ дня,
Черновокую дѣвицу,
Винохода мнѣ коня:
Я дѣвицу поцѣлую,
На коня сяду, помчусь.
Я поѣду въ село Рыбно [1]),
Тамъ миня всѣ знають—
Енералы и маѳры
Все за мной гоняють.

С. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

Карналюга, кажется, былъ вполнѣ реальная личность, прославившаяся нѣкогда въ Малороссіи своими разбоями. По отзывамъ „казаковъ“ Кременчуг. у. Полтав. г., замѣчу „Карналюга“ не столько былъ разбойникомъ въ худшемъ смыслѣ этого слова, сколько мстителемъ крѣпостникамъ того времени. Отъ имени „Карналюга“ или „Кармелюка“ поется, напр., слѣдующее:

„Кажуть люды, що вбываю я“—
Не вбываю я, бо самъ дітей маю.

Въ пору своего хожденія „въ народъ“ по Кременчугскому уѣзду, я выучился, м. пр., слѣдующей пѣснѣ о „Карналюгѣ“ къ которымъ по нѣкоторымъ словамъ и отчасти сходству напѣва приближается выше приведенная сибирская пѣсня:

Славный хлопець Карналюга } зап.
По світлонці ходе,
Та й не одну чорнявую } хоръ
З разума все зводе.
Ой запрягай Карналюга
Коня вороного,
Та й поідемъ Карналюга
Ажъ до кумі въ гості...
Ой здорова кума моя!
Щось маю сказаты
Та й не знаю кума моя,
Як тебе назваты;

Назвы мене Карналюга—
Туманъ долиною...
Есть у мене хата, сіни
Колыною шиты...
У неділю пораненько
Усі дзвоны дзвонять,
Ой вже того Карналюгу
У Сибирь вже гонять;
У недію пораненько
Тай передзвоныли,
Ой вже того Карналюгу
У Сибирь згоныли.

1882 г. Хутора Богояны, Джулаи и др.

39.

Всѣ люди живутъ, какъ цвѣты цвѣтутъ,
Моя голова вянетъ, какъ трава,

---

[1]) Въ Енисейской губерніи имѣется два села „Рыбное“: одно на р. Ангарѣ—въ Пинчугр. в., Енисейск. у.; другое въ сѣвер. части Канского уѣзда, гдѣ существовали каторжные солеваренные заводы. Можетъ быть на одномъ изъ нихъ и отбывалъ каторгу „Карналюга“.

Куда ни пойду, въ бѣду попаду;
Съ кѣмъ совѣтъ сведу—нѐ въ комъ правды нѣтъ;
Не въ комъ правды нѣтъ, не въ комъ истины.
Брошу я Ужуръ [1]), пойду въ монастырь,
Буду тамъ я жить, манахамъ служить.
Ты воспой, воспой, жаворёночикъ,
Ты подай голосъ черезъ темный лѣсъ,
Черезъ темный лѣсъ, въ Москву каменну,
Въ Москву каменну, въ тюрьму крѣпкую.
Я сидѣлъ ни годъ, ни два, показалось за девять лѣтъ;
На девятый годъ сталъ письмо писать,
Сталъ письмо писать къ отцу съ матерью,
Отецъ съ матерью отказалися:
Што у насъ то въ роду такихъ не было—
Ни воровъ, ни плутовъ, ни разбойничковъ [2]).

С. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

Сходныя съ варіантами тюремныхъ пѣсенъ, отмѣченныхъ А. Соболевскимъ (т. VI, стр. 388—390; № 485 изъ „Пѣсенника“ 1780 г. и др.; № 486—Якушкинъ, стр. 592).

---

[1]) Эта пѣсня поется на тотъ же мотивъ: въ селѣ Погорѣльскомъ (Погорѣл. в.) с. Устюгѣ и д. д. Подсопки, Гляденки, Краснояр. у., Сухубуз. в. Всего поразительнѣе было слышать эту пѣсню въ „тюрьмѣ крѣпкой“ (въ г. Красноярскѣ), гдѣ и мнѣ пришлось отсидѣть „предварительнаго“ заключенія годъ съ лишкомъ (1890—1891 гг.). Выпустили на прогулку. Не успѣлъ я сдѣлать два оборота, какъ слышу, кто-то началъ пѣть: что пѣлось въ тюрьмѣ—въ этомъ не было сомнѣнія, но въ какомъ мѣстѣ тюрьмы и кто, главное? Пошелъ потихоньку на голосъ, который сдѣлалъ въ этотъ моментъ заключительный аккордъ съ такой силой, что звучное эхо вырвалось изъ-за тюремныхъ стѣнъ и раскатилось на волѣ. Это потому случилось, что самъ пѣвецъ появился у окна. То было окно „секретнаго“, замуравленное до верхнихъ стеколъ, чтобы лишить заключеннаго лишняго свѣта и возможности созерцать со второго этажа надъенисейскія горы съ ихъ таёжной волей... Я стоялъ противъ окна и явственно различилъ крупную голову, обритую на половину; продолговатое лицо, обрамленное окладистой русой бородой, прямой мясистый носъ и крупный глазъ, который оттого, что былъ единственно зрячимъ, казался особенно крупнымъ и загадочно блестѣлъ. Голосъ у пѣвца былъ немного осипшимъ, но заключалъ въ себѣ задушевныя ноты. Пѣсня „Всѣ люди живутъ“ какъ нельзя болѣе подходила къ голосу и обстановкѣ; она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Пѣлъ, какъ потомъ узналъ, самый настоящій бывалый „потюремщикъ“, извѣстный „чаёвникъ“ Овчииниковъ (крест. Сухубузим. в., Краснояр. у.)—занимавшійся срѣзываніемъ чаевъ по тракту и за свою „удачу“ долженъ былъ слѣдовать въ каторжныя работы срокомъ на 35 лѣтъ (осужденъ по совокупности за грабежи и побѣги). Въ „секретной“ его держали въ наручняхъ и ножныхъ кандалахъ; какъ О. подымался въ такомъ состояніи на высоту окна—то составляло его „секретъ“. Былъ слухъ, однако, что О. бѣжалъ съ дороги на каторгу...

[2]) Въ с. Казачинскомъ, Енисейскаго у. эта пѣсня поется съ такимъ окончаніемъ:

„Написалъ письмо къ отцу—батюшкѣ,
Къ отцу, матери родной, ко женѣ молодой:
Отецъ съ матерью отписалися,
Молодая жена отказалася“.

40.

Межу городомъ было въ Енисею
Роздавался въ тёмной лѣсъ.
Сидѣлъ несчасной, бѣдной мальчикъ
За удачу за свою.
Мальчикъ рученьки ломаетъ
И судьбу свою онъ проклянаетъ.
Ты, судьба моя, судьба несчасня̀я,
Злонесчасная судьба моя,
Зара̀зила ты миня.
Съ тово то мальчикъ съ горя́ и съ кручины
Розгуляюся пойду,
Зайду я на Ильинской на базаръ,
Ку́плю я себѣ сальную свѣчу;
Съ тово я, мальчикъ, съ горя и со кручины
За̀жгу я воску ярова свѣчу:
„Гори ты, моя воску ярова свѣча,
„Пропадай ты, моя молодецка кра̀сота!“

С. Богучаны. М. Мутовинъ.

41.

Межу горъ Енисею раздается тунный гласъ:
Тутъ сидѣлъ бѣдной мальчишко
И съ заунывною сво̀ей думою;
Бѣлыя то рученьки ломаетъ,
Проклинаетъ свою судьбу:
„Судьба же моя несчастная,
Ты только разишь сердце кое, —
Всѣ то люди пьютъ, гуляютъ,
И забавляютца съ дружми́;
А я то горькой, несчасной
Умываюся слезми́“.

Д. Кежем. Заимка. Е. Поповъ, 66 л.

42.

Пропилася моя буйна̀ головушка, пропилася ай намоталася;
Намоталася и наскиталася моя голова на чужой сторонушкѣ..
Случилося ко мнѣ, доброму молодцу,
Ѣхать черезъ тынъ-огородь и базаръ,
И мимо каменной тюрьмы.
Во теремочки на большомъ окошкѣ
Си́дѣлъ отъ-то, си́дѣлъ потюремщичекъ,
Чо̀салъ онъ Ирьинскимъ грѐбешкомъ,
Ра̀счасовалъ свои русыя кудри и волосы;
Чо́салъ онъ, при́росчасовалъ:
Самъ слёзно при́говаривалъ,
„Вы подуите, подуите, буйные вѣтры,

Скажите рo̊дной матушкѣ,
Челобытьё отъ миня молодой жонѣ—
Штобъ не ждала миня домой:
Засватала миня сабля вострая,
Свѣнчала миня свинцовåя пуля“.

С. Богучаны. Еф. Мутовинъ.

43.

Было время веселое, —
Я съ друзьями пировалъ;
Ищо, братцы, случилось —
Въ тюрьму каменну попалъ.
Это што, братцы, за шутка
Просидѣть въ острогѣ годъ:
Ничево въ тюрьмѣ не видно,
Ничево въ ней не видать.
Только видно было слышно,
Ключникъ въ камеру идетъ,
Ключи на полъ онъ бросаетъ,
Звонъ по камеру пошелъ, —
„Хто не какъ знаетъ за собою,
Собирайся поскоряй!“
Серцо кровью обольётца...
Весь измученной народъ
На широкой дворъ выходитъ,
Окружился весь конвой.
Оглянулся онъ назадъ,—
Отецъ съ мåтерью стоятъ.
„Вы не плачте, тятька съ мамкой,
Не тужите обо мнѣ:
Далѣ солнца не угонятъ,
Изъ Сибири не сошлютъ.
Кому каторжны работы,
Мнѣ ка молодцу растрѣлъ.
На рукахъ надѣты персьни,
На ногахъ ту кандалы,
На головѣ сѣрой кåртузъ,
На спинѣ бубновый тузъ“.

д. Богучанская Заимка; дѣвица (?)

PS. Съ Алекмы „прошлово году привезена“.
Сходна по сюжету у А. Соболевскаго (т. VI, стр. 426—428; № 431—Поволжк. у.

44.

Ужъ ты, садъ, мой ли садокъ,
Садъ зеленой виноградъ!
Въ саду молодецъ гулялъ,
Сладки яблочки щипалъ,

На бѣлое блюдо клалъ,
На серебряной подносъ,
На тальянскій платъ вязалъ,
На добра коня взиралъ:
„Ужъ ты, конь, мой ли конь,
„Конь, повывези миня
„Изъ напасти, изъ бѣды,
„Бѣлокаменной тюрьмы!"
Свѣтилъ мѣсяцъ на закатъ,
Красно сонцо на восходъ...
Повели Ваню въ походъ,—
Вдоль по городу вперетъ.
Попередъ ево казакъ идетъ;
По бокамъ жона съ дѣтьми;
Наказалъ ево палачъ плетьми;
А жона просила у нево прощенницо,
Съ правой руки кольцо...

С. Ужуръ. Осипъ Клейменовъ.

Сходный варіантъ, за исключеніемъ конца, имѣется у А. Соболевскаго (т. VI, стр. 417, № 521—Пермская губ.).

45. [1]

Што ни вѣтеръ вѣтку клонитъ,
Ни дубравушка шумитъ,— } запѣвало.
То мое сердечко ноитъ,
Какъ осенный листъ дрожитъ. } хоръ 2 раза.
Извела меня кручина—
Подколодная змѣя;
Догорай моя лучина,
Догорю съ тобою я!
Не житье мнѣ здѣсь безъ милой,
Съ кѣмъ поѣду я къ вѣнцу,
Знать судьба-рокъ съ могилой,
Оввѣнчаться молодцу;
Скоро, скоро гробовая,—
„Со святыми упокой!"
Пріюти миня родная
Въ тихій теремъ, гробовой;
Пріюти миня, родная,
Въ тихій теремъ гробовой,
Роступись земля сырая,
Дай мнѣ молодцу спокой.

С. Ужуръ. Б. Еф. Ананьинъ 24 л.

С. Устюгъ и др. Красноярск. у.; Казачинская, Кежемская волости, Енисейск. у.; Полтавская тюрьма, 1885 г.

[1]) Извѣстный романсъ.

46.

Птички и звѣречки забавляютця въ лѣсу.
Бѣдна Сашинька страдаетъ—старичекъ на бережку:
Голова ево сѣдая, ветхимъ рубежомъ покрытъ.
„Это Сашинька неправда, говорилъ Сашѣ старикъ,
„Когда пройдутъ тихи воды, я спѣшу восточный край...
„Ужъ я тридцать лѣтъ, братцы, въ Сибирѣ, и спокою не найду;
„Отъ сибирскихъ саватеекъ мозоли на плечахъ;
„Соловаренны заводы состарили миня;
„Отъ иркутскихъ дорожекъ померкъ бѣлой свѣтъ въ глазахъ;
„Забайкальскими горами и жисть свою скончалъ".

Д. Павловшина, Краснояр. у. С. Е. Латынцевъ, 65 л.

47.

Вѣтеръ дуетъ, сподуваетъ,
Садъ зелененькій шумитъ.
Я млада не знала,
Которова съ трехъ любить?
Я люблю тово мальчишка,—
Живетъ въ городѣ въ Одесьвѣ,
На улицѣ на ровной,
Тамъ стоятъ двѣ башни,
На середкѣ большой домъ,—
Онъ не домъ отъ, не больница,
Настоящая тюрьма;
За двѣнадцатью дверями
Сидитъ вьюношъ молодой;
Онъ сидитъ, ничево не слышитъ,
Только слышитъ клюшной звонъ.
Клюшникъ двери отворяетъ:
„Выходи-ко, братъ, сюда!"
Вышелъ, братецъ, на свѣтъ Божій,
Станулъ, взглянулъ онъ на право,—
Стоитъ, плачетъ весь народъ.
„Вы не плачте не рыдайте,
„Знать судьба моя така!"
Ниоткуль взялся судебной,
Сталъ рѣшенне мнѣ читать,
Прочиталъ онъ мнѣ рѣшенне—
Двадцать выстрѣловъ придать.
Ниоткуль взялся священникъ,
Началъ по духу шоптать...
Девятнадцать пролятѣло,
А двадцата то злодѣйка
Пронозила бѣлу грудь;
Ручки, ножки оторвали,
Знай: землѣ ево придать.

Улусъ Шуточкинъ, Ачинскаго у. Иванъ, 15 лѣтъ.

48.

Сидѣлъ Лонцовъ въ тюремномъ замкѣ.
Въ секретномъ номерѣ одинъ.
Звонокъ звенитъ нашшотъ повѣрки...
Лонцовъ задумалъ убѣжать.
Не сталъ зари онъ дожидатца,
Проворно печи сталъ ломать,
Въ трубу онъ тѣсную пробрался,
На тюремный на чердакъ,
По стѣнкѣ тихо пробирался,
На землю зглянулъ—просто страсъ;
По стѣнкѣ тихо сталъ спускатца,
И кандалами застучалъ...
Солдатикъ скоро здогодался,
По атаману выстрѣлъ далъ...
Бѣжалъ Лонцовъ отъ оглядался,
Сказалъ: „Солдатикъ не попалъ!"
Бѣжалъ Лонцовъ отъ, торопился
Прямо къ милочкѣ къ своей:
„Я гуляю здѣсь по волѣ,
„Пострадай, братъ, за миня!"
На ево красотка рассердилась,
Да на Лонцова донесла.
Тутъ Лонцова та забрали,
Да заковали въ кандалы,
Да и къ растрѣлу повели.

Ул. Шуточкинъ. Иванъ, 15 лѣт

49.

Пудко по сѣно поѣхалъ,
За угóлъ Пудко задѣлъ, (2 р.)
Зáзнобу запѣлъ:
Зáзноба, ты моя, зáзноба,
Зáзнобила ты, меня (2 р.)
Доброва молодца,
Не могу я по свѣту ходити,
Тебя милую забыти.

Мѣстнаго происхожденія. Поется въ д. Кежем. Заимка.
Сообщилъ Аѳ. К. Кокоринъ.

50.

(Запѣвало) Ты куда же мой (хоръ) соколи́чекъ, отлетаёшь,
Отлетаешь... [1])
На ково свою любезную спокидаёшь?

[1]) Одна изъ „проводинныхъ"—любимыхъ „проголосныхъ" пѣсенъ въ Ужурской вол. Ачинск. у. Голосъ запѣвалы покрывается хоромъ; окончаніе каждой строфы служитъ началомъ для запѣвалы.
Нѣсколько приближается по сюжету къ пѣснѣ № 550, отмѣченной у А. Соболевскаго (т. V, стр. 427—Тверская губ).

Остаюсь я, дѣвченочка, въ тоскѣ-горѣ,
Во слезахъ то я, ровно въ синемъ морѣ;
На морѣчкѣ то волны бьютца,
У моёй то любезной слёзы льютца,
Слёзы льются то, онѣ не уймутца,—
Шибко жалко то дружка да милова,
Жалю то же ево придорогова:
У маёва то дружка у милова
Волосочки то ево на помадѣ,
Кудерочки то ево въ три рядочка,
Што со радощи ево кудри вьютца,
Со печалюшки русыя да сѣкутца.

С. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

51.

На родиму на сторонку ясной сокόлъ прилеталъ (2),
Онъ на вольху да зеленую тихо жалосно да присялъ (2).
Што-же ты, сокόлъ, не веселъ, буйну голову повѣсилъ,
Буйну голову повѣсилъ, хвостъ печально распрустилъ;
Али кто тебя обидѣлъ въ поднебёсной высотѣ,
Али горя много видѣлъ въ чужой-дальней сторонѣ?
„Былъ я во лѣсахъ дремучихъ, соколиху спалюбилъ,
Другой соколъ сизокрилой у меня ее да отбилъ“ [1]).

Г. Ужуръ. Бр. А. Ѳ. и Р. П. Ананьины.

52.

(Запѣвало) При дάлинушѣ да калинуша стоитъ,
(хоръ) Ой да на калинѣ соловей-птица сидитъ [2]),
Ой да горьку ягоду калинушу клюётъ,
Ой да малинушой призакусываётъ,
Ой да прилетали къ соловьшку два сокола [3]),
Ой да звали, звали, соловьюшка съ собою,
Ой да посадили соловьюшка въ клѣточку,
Ой да за серебряну рѣшо-рѣшоточку,
Ой да заставлили соловьюшка пѣсни пѣть:
Ой да ужъ ты пой ко, воспѣвай, мой соловей,
Ой да при компаньи взвесели моихъ гостей,
Ой да при кручинѣ добра молодца меня,
Ой да щеголюхи разорили до конца,
Ой да тамъ за рѣченькой слободушка стоитъ,
Ой да во слободушкѣ молода вдова живетъ,
Ой да у вдовушкѣ дочь хорошая ростетъ:

---

[1]) Поется также на „проводинахъ“ въ д. Емельяновой, Зеледѣевской в., Красноярскаго у,—записано со словъ ямщиковъ той мѣстности въ мартѣ 1895 г.

[2]) Припѣвъ хора служитъ каждый разъ начиномъ для запѣвалы, но лишь безъ прибавки „ой да“.

[3]) Въ Казачинской волости употребляютъ вмѣсто „два сокола“—„сабаи“.

Губки алы, какъ въ полѣ цвѣтокъ,
Щечки бѣлы, какъ въ полѣ снѣжокъ [1]).

С. Ужуръ. Осипъ Вас. Клейменовъ, 20 л.

Десятью первоначальными строфами сходна съ имѣющейся пѣснею у А. Соболевскаго („Великорус. народ. пѣсни", т. V, стр. 493, № 633).

53.

Закатилось сонцо за лѣса,
А мелки пташечки приуныли,
Да вотъ не стало не слыш... не слышно ни одной,
Только видно деревцо-ветли... ветлинка.
Въ полѣ хиженка мала,
Розмалымъ то она малымъ мален... маленька;
Молодая тутъ вдовушка живетъ,
Ждетъ невзгоду боль... большую на сибя.
Со востушной и съ дальной стороны
Разъ нѐ руски два ли-два молодца идутъ,
Вотъ нѐ русски они то хрещӧ... хрещӧные,
На рукахъ то они по ружьецу несутъ,
Они ружицами сбренча... сбренчали,
Ровно-ровно, какъ сильной громъ всгремѣлъ,
А замочки у ружье... ружьецовъ,
Словно сырой боръ горитъ;
Да подходятъ они къ мало... малой хиженки:
„Ты пусти ка, поштенна наша хозяюшка,
„Насъ ночку ночевать!"
— „Избушичка у миня малы... малымъ маленька
И ничево у миня не вàрено!"
— „Не нужно намъ тво... твоѐ вàренье
„А только нужно намъ ночку ночевать!"

С. Кежемское. Өедоръ Кокоринъ.

Сходные варіанты у. А. Соболевскій („Великор. нар. пѣсни". Т. I. стр. 429, № 430). Считается въ Рязанской губ.—„протяжной".

54.

Отчево стала былинкой, охъ былинкой?
Исповышушилъ парень—дѣтинка, охъ дѣтинка;
Вложилъ въ серцо вложилъ мысли, охъ вложилъ мысли;
Не могу я по свѣту ходити, охъ ходити;

---

[1]) Эта же пѣсня поется и въ Красноярскомъ у. (д. Подсонки и села Погорѣльское, Устюгъ; поется и въ Енисейскомъ уѣздѣ (Казачинская, Маклаковская и отчасти Кежемская в.в.) на иной напѣвъ и съ инымъ нѣсколько зачиномъ послѣ второй строфы:

„Э-э-э стоитъ"...
„Ой да на-на-накали-и-и-и-инѣ сб-ло-вей соловей птица да-да сидитъ."

Не могу дружка забыти, охъ забыти;
Ужъ какъ миленькой дружечикъ, охъ дружечикъ;
Ходилъ, гулялъ по садочку, охъ по садочку;
По зёленому лужочку, охъ лужочку;
Дошолъ Ваня до тыночку, охъ до тыночку;
Простоялъ бы всю я ночку, охъ, всю я ночку;
Злы собаки забрежжали, охъ забрежжали;
Миня молодца испужали, охъ испужали.

С. Кежемское. Аѳ. К. Кокоринъ.

55.

Дѣвоньки да дѣвоньки, тупайте да домой;
Тупайте домой, тушите огонь;
Тушите огонь, да лежитеся спать;
Лежитеся спать да вамъ некова ждать,
А мнѣ красной да дѣвчонкѣ всю ночку не спать,
Всю ночку не спать, дружка въ гости ждать.
Пéрвой спень да проспала—пѣтухи поютъ,
Дрýгой спень да проспала—бѣлой день-заря.
„Што же ты, да дружечикъ, вечоръ не пришелъ,
Вечоръ не пришолъ, какъ мѣсяцъ взошолъ?

С. Ужуръ. М. П. Анаина, 17 л.

56.

Не во времячко къ дѣвкѣ горе привязалося!
Привязалося горе въ малыхъ лѣтахъ.
„Куды, *говоритъ*, топерь съ горемъ сподѣватися?
Возьму, говоритъ, горе въ правý руку,
И пойду съ горемъ въ чисто полé,
И разсѣю это горе по чисто полю.
Уродись, говоритъ, горе не рожь, не пшеницы,
Уродись горя́—лютая крапива,
Нельзя штобы ее нельзя ни жать, ни рвать,
Нельзя въ руки взясть“.

Кежем. Заимка. Бр. Пудовы,

Варіанты съ подобными же жалобами дѣвицы на преслѣдующее ее горе встрѣчаются у А. Соболевскаго („Великорус. народ. пѣсни“, т. I, стр. 533—35. Губерніи: Рязанская, Саратовская и Курская).

57.

Противъ солнышка было на крýтой горѣ,
Тамъ лѐжалъ бѣлъ горючъ—камень,
Камень самый цвѣтлинькой.
У етова-то камню-лýча не было,
Не лучà-то ему, не свѣтлости.

Какъ любилъ парень дѣвушку,
Въ немъ правды не было;
Нѐ правды-то, правды, нѐ совѣсти:
Любилъ-то онъ ею, любилъ,
Та самъ спокинулъ.

С. Кежемское. Ае. К. Коворинъ.

58.

Цвѣли цвѣтики, да споблекли,
Любилъ парень дѣвицу, да спокинулъ,
Да спокинулъ... (голосъ).
Спокинулъ душа молодецъ, не надолго,
Не надолгое времячко на часочекъ.
Мнѣ часочекъ кажотца за денечикъ;
Денечикъ мнѣ кажотца за недѣльку;
Недѣлюшка кажотца за май мѣсяцъ;
Май мѣсяцъ мнѣ кажотца за полгода;
Полгода мнѣ кажотца за годочикъ...
Поѣхалъ мой миленькой въ городочикъ...

(Не окончена).

С. Ужуръ. Ананьина Варвара Ал. (дѣвица).

А. Соболевскій („Великорус. нар. пѣсни", т. V, стр. 457, №№ 589 Костромская губ.) и 590 (Курская губ).

59.

Пришло растованицо—
Нѐ милъ бѣлой свѣтъ!
Бѣгу въ темной лѣсъ;
Близко къ лѣсу подбѣгаю,
Въ лѣсѣ вѣтру нѣтъ;
Вглянула подъ ножѐньки—
Дорожѐньки нѣтъ;
Взглянула во садичекъ,
Тамъ колескȧ бѣгутъ,
Въ этихъ во колесочкахъ
Бѣжитъ тройка лошадей.
Ужъ я крѐчала, ревѣла,—
Воротись милой назадъ!
Ужъ бы я радъ бы воротитьца,
У меня кони не стоятъ.

Д. Богуч. Заимка. Марья Лаврентьева, сред. лѣтъ.

А. Макаренко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Образецъ говора села Большія Можары.

Въ декабрѣ 1902 г. въ селѣ Раменскомъ, Бронницкаго у. Московской губ., мнѣ пришлось случайно встрѣтиться съ крестьяниномъ села Большія Можары, Сапожковскаго у. Рязанской губ. Крестьянинъ этотъ, имѣя 54 года отъ роду, въ первый разъ выѣхалъ, по его словамъ, изъ родного села и прожилъ внѣ его, въ селѣ Раменскомъ, до моей встрѣчи съ нимъ, около девяти мѣсяцевъ. Изъ наблюденій надъ рѣчью этого крестьянина выяснилось, что на его говоръ оказалъ все же нѣкоторое вліяніе обще-русскій языкъ. Отъ этого крестьянина я записалъ приводимый ниже текстъ, изданіе котораго не считаю лишнимъ при нашей скудости діалектологическаго матеріала вообще и записей живой народной рѣчи въ частности.

Особенности говора Можарскаго крестьянина слѣдующія:

1) Сильное аканье: в *ва́*скре[і]се́н'*ья* (мѣстн. ед.), *ся*ло, *ра*здя*ли́*ли *ба*л'ша́я р*я*ка, *я*во́, Бав*ы́*кинск*ай* (им. ед. прил. отъ собств. имени) 2 в*я*рст*ы́*, *я*з*ы́*к, э́т*ъ*к*а́й*, за ч*а*тыре[і] в*я*рст*ы́* *ся*ло „Ключи", а дв*я*на́тц*и*т' вёрст Валчофка; в*а* вся́к*а* вре́м*я*, ф Шува́*ла*фк*и*; ни з*я*м*я*ча́л, на́ дватц*и*т' кап*е́*ик.

2) Звука г нѣтъ: γвари́лъ, чаγо́, γутарит' и т. д.

3) *кя кю* вм. *ка ку*: у ра́дничк*я*, тол'к*я́*, табачк*ю*.

4) *жж* и *шш* мягки: *щ*юка, до*жж*ик, бал'шы́*щя*.

5) *ч*—какъ у насъ (чаγо), *ц иногда* мягко: двянатцит', мѣсяц'. Мѣны *ц* и *ч*, а равно шепелявости въ произношеніи не наблюдалось.

6) Пропускъ *в* и стяженіе *ао* постоянно въ словѣ *пра́* (=пра́во).

7) Род. ед. сущ. ж. р: у жане, у Царе (Цара—назв. рѣки).

8) Род. ед. прил. на γо, хотя нѣсколько разъ слышалъ слово: „яво".

9) Род.—мѣстн. мѣст: у тибе, гля сибе.

10) 3 л. глаг. на *т'*: значит', знаит', γутарют'.

11) Вмѣсто *еще* слышалъ часто *ишто́*, вм. *что—що*.

Эти особенности отмѣчены исключительно во время разговора, и нижеприводимый текстъ не принимался въ расчетъ при характеристикѣ говора крестьянина.

Жыл ба́γатъй купец'. У няво дитей не́ былӑ: тол'ки их двоя жжӑнόи и работ'ники. И имел бал'шόй капита́л. И патом купцю прис'нилсе" э̆таму сон. Ты свой кӑпитал мален'кя убаф' и спасёш сваю душу. Он и хаяяйки сваёй сказываит': мне прис'нилси э̆такай сон

(ты ня машáй, яɣатка). Тóт хазяин ɣварит': „кáкжă нам быт'". А хазяйкя яму ɣварит': „Смастим мост". У них ходют' Боɣу в маластыр' малицца за сим'сот вёрст. А чеⁱреⁱз речкю сем'дисят. И ани мост смастили. Пашли люди добрыи мăлитца вдвоеⁱ бол'шы. И пасылаит' куп'ец' работ'ника: „пóд мъст сят': паслŷшăй, што люди һварят'". Патом люди ɣварят': „ест' он жыф, и дай яму һóспади добрăя здаров'ья, а пóмяр—царства неᵃбёснăя —места (у)пакой". И патом шли три лиця: ɣаспот' Исус Христос и Микалай Уɣóдняк. И патом Микалай Уɣóдняк ɣварит' ɣóсподу (sic): „Какую этаму купцу (sic) щяс'т' дат'?" Но ɣаспот' сказал: „я йим дам сына и этат сын што у мене ни папросит', то я йиму дам". Хърăшó. Работ'ник вылес (sic) ис пад мосту; пришол дамой. И купец' яво спрашываит' што люди ɣварят'. Нóн яму сказал, купцу: „ɣварят': ест' он жыф, дай яму ɣоспади добрая здарóвья и мнóɣă лет пажыт', ас'ли пóмяр, даяму (sic), ɣоспади, царсвă Божія места упăкой". Но пра эта яму работ'няк ни сказалъ. Ноᵒн тутжа атправляитца в ынуя именья на два ɣода. А яму создал прикас: вот ты с мине триста рублей пăлучăл, вот тибе пят'сот прибавляю, тол'ки праф' ту должнас'т', как я правял. Но он уехал. Хазяйкя яво забрюхáтела (sic). Ну патом прашэччи ɣода, и время хазяйки яво радит'. Но тот работ'някъ пăдыскалъ бапку, шты как ни можна, бапка, вот сто рублей я тибе дам: ты рибёнъка скрат'. Та бапка рибёнъка скрадила и пир'дала работ'нику. Работ'няк ф шпитал' яɣо ат'нёс. И ета бапка з'делала нат купчихай: разарвала ат сабаки щанка и вымъзăла ей устá и самаѣ, и патом зашумела краул: „такъ и такъ, ɣварит': купцова хазяйкя радила сына и разървала". Сабрался нарот, уряд'ники, панятыи и паверили эта дéла. Патомъ пріяж'ж'яит' купец' исваб (sic) именья и спрашываит работ'ника: „как дяла, ɣриɣорій?" ɣриɣорій ɣварит': „дяла плахіи: нящясья"! Он и һварит': „штош такоя?" — „Хазяйкя твая рăдила сына и ръзървала éɣó" (sic). Купец' ɣриɣорій и ɣварит'· „када ана ръзăрвала. ана—сабака и сабачья ей чест'. Прашло этаму делу три ɣода. И работ'ник просит' у хăзяина ращёт. Тот ни пускаит'. Вот ты палучал от мене пят'сот цалковых, а вот тебе тыщю рублей,—ни хади! Он и ɣварит': неⁱ нада мне ничаво, давай ращ'от. У мене падрасли рабяты: адин жанит' пас'пел, он беⁱз меⁱне не можыт'. Ну тот работ'ник ращ'олси пăᵒлучил с нявó полтăры тыщи и пашол дамой. А у няво и дома нет и дятей нет. Взашол ф шпитал' и взял этава мал'чика и патом вышалъ ис шпиталя: пашли ани. Он яво и называит': „Ваня, я атец' тибе, ты мяне зăви атцёмъ". И ɣварит' яму мал'чик: „тят'кя, далёка-ли мы пайдёмъ?"—Мы падем к царю. Пришли ани х царю. Он һварит': „Ваня, скажы: дай, һоспади, мне мáтярю". Патходит' к дому, стаража дапускают' да царя́. Тот цар' спрасывает' (sic): „Вы што?"—„мы пришли къ вашай миласти: вы нам на дадитеⁱ ли каких дялишэⁱк, я б нам стал служыт'." Цяр' ɣварит' яму: „Я б рат царства здал. Ты б дяла заступил, исправлял ба. У мене ес'т' доч: я тебе пăвян'чаю с' ней. Дă. И паɣаворка пашеⁱская: ни браɣа (sic) варит' и ни вино курит', а у нас фсё ɣатóвă". И пъвян'чал и здал яму царства, а сам сибе—кой-што. Патом он мал'чикъ оддал в ученья. Ну патом мал'чак выдит' из ученья — ани балуютца. Он энтих рябят: ухват' зá руку—увуэнтава рука далой (Так ɣаспот' сказал на масту ишто). ɣриɣорій хочит' бит' яɣó. Мал'чик за-

плакал. Царица и γварит': γриγорій за што ты яво—он γлуп: ни понуγрат' фсем хоцца. А он γварит': „Как паиγрат' хоцца!—он руку атарвал!" И патом γварит': „нас нихто ни засудит'." Ну патом прашла нидели, то он ишто иво пабил и пъсадил еіво ф кам̆орку. Ну и сам сел чай пит' с царицай. И патом царица γварит': „γриγорій, он фсе̇ равно как ня сын тибе". А он и һварит' царицы: „И то он ня сын: он вот этакай и этъкай, и вот как я яво взял". Мал'чик этӑ фсе̇ слышыт' и фсе̇ разабрал. Патом мал'чик аделси и сказал: „Мамаша царица, пращай: я ат вас уйду". Но мал'чик γварит': „γоспади, γбсподи (sic), ыбрати маво атця псом". И ён пирекутырнулси и стал пес. Ну мал'чик фсётаки сказал: „пращай, мамаша царица: пайду я сваю родину искат'—и пашли. Шли пблγада, патом он и спрашиваит', мал'чак, пра сваю родину: „дѣ мая родина?". „Далёка, сто вёрс ишто", γварит'. И праходят' ани сто вёрс: пришли ани ф сваю родину, патходют' к этӑму купцу и ка двару. У купца дявишняк. И пуостучал ув акошко: „Пустити нас начават'". Работ'ник яму атвичаит': „у нас некуда пустит': нын'че дявишняк, а зафтра свад'ба". Купец' (яму γаспот' на ум на разум наставял) и пўстял яво̆ на дваре в баню начават' с сабакай. Ну ани пьют' и γуляют'. Хазяин и γварит' взят' мал'чика пaужинат'. Мал'чику паднясли стакан'чакъ вбдӑчки. И ходют' ани разγаваривают': „Какая у нас з'делалас' бяда. Мая хазяйкя радила сына и сьела". Мал'чик и γварит': „неі можит' этъвӑ быт', штӑ бы этӑ случилбс'. Этӑ пус'тяки или з'делали валхвы!" Патом: „атправляйси ф сваю баню начават'". Начавал. Па утру встают'. Зачили γулят' и пбзвали мал'чика апят'. И заγварили пра то: „Как жа ты нам сказал фчарас': „валхвы". Мал'чик отвячаит': „Што у вас сабаки жар ядят', ал' нет". Ани γварят': „нет. Ништо сабаку заставиш' жар йис'т'". Мал'чикъ пашол в баню и взял сваю сабаку вызбу и γварит' мал'чик: „Куфарка, пӑчар'пи́ плиту жару". Стряпуха пачар'пла и γварит' „Паснбф' на́ пал". Мал'чак γварит': „Сабака, жри жар"! И сабака начала жрат' и фсе̇ сибе сажгла. Патом мал'чак и γварит': „Сабака, будит' жар йис'т', а то уш ты фся изажγлася" (sic). Та ня стала. Мал'чик γварит' купцю: „Вот так и тваю хазяйкю заставили мал'чика с'ьис'т'". И γварит': „купец', што у тибе́ работ'ник был?" Он һварит': „был". — „Как зват' еіво̆, γриγорій? Купец', вот этат твой работ'няк!" Купец' и γварит': „Эта—ня работняк, этӑ—сабака". Мал'чик стал, ухватил за хвост, дёр'нит', — тот стал добрӑи моладец'. Мал'чик γварит': „Этат твой работ'няк?"—„Этат". Тот работ'няк падаит' купцу в ноги: „Прас'ти мине, з'делал эта фсё я: хазяйкю тваю приказали жывую зарыт' череіз минѐ. А вот этат мал'чак самӑй соп'ственнай твой сын". И купец' как мал'чика ухватил — и упали оба на́ пал. И патом фстали. Мал'чик γварит': „Папаша, самай я твой рбднай сын. Папаша, брасай фсе дялѧ̀, ня жанис'". Што не́ былӑ народу — фсе са страху страшылис'? Тот мал'чик и γварит': „Пайдитя, папаша, укажитя мне маγилу, я мамушку ваз'му". И пашли на маилу и мал'чаку указали матирёну маилу. Мал'чик упал на маилу и заплакал: „Радимая мая кар'милица, выйди ка мне!" И раззынулас' фся зямля и γроп наружы стал и мат' γласит' мал'чику: „Чада мая милая и чада мая дараγая, я маγу вытит', я ни маγу тибе аслушытца. Сып мой ваз'люблинпай, пажылей мине. Мне тут добрѐ

хърашо́. Я вытит’ х тибе маγу: тольки я месту эту пати"ряю. Я палучила ат γоспада Воγа царства нибе́сная. Ступай, γаспот’ с Вами: жывитя, как Вам γаспот’ вялит’“. И апят’ матушка зямля здинулас’, как была. И он пакланилси три рас в землю: „Пращай, γ-т, матушка, и паγибла ты че́рнс’ мине. И пришли ани дамой. И γварят’ работ’нику: „Разыщи эту бапку. Работ’ник разыскал бапку, привел. И придали йих на сут, как ани смаγлис’ так зделат’ и зарыт’ купчиху ф сырую землю жывую и присудили: этовъ купця были на стойли два жыряпца--и вывес’т’ этих жыряпцоф ф поля и вывес’т работ’ника и бапку ф поля и пас’мнатцати сажан канаты привязали к жиряпцам и патом х к этим х канатом: к адному жирявцу—бапку, х друγому — работ’ника. И жиряпцоф фсе̄таки увяли ве̄рст за́ пят’ ат сяла. Знчыт’, поснямали с’ них о́брӑти,—то кани́ памчалис’, и у бапки и у работ’ника розмыкали де рука, (γ)де наγа (и кос’ти фсе растрясли, ни то̀ шта фсе масла́).

Я там был ме̄т вино пил пусам тякла в рот ня папала.

Ишто страшне́я ес’т’.

Н. Каринскій.

Печорскіе стихи и пѣсни.

(Продолженіе).

9.

Агрикъ [1]).

Благословите мнѣ сказать да про вѣщину,
Про вѣщину про светителя Миколу да Чудотворца,
Про его свѣта великія чудеса.
Ужъ во томъ-ле крѣпкомъ градѣ Антіохіѣ
5. Жилъ былъ тутъ мужъ благочестивой,
У его былъ на́ имя себѣ Агрикъ,
И былъ у его возлюбленный да сынъ Василей.
Они вѣруютъ светителю Миколы,
Ужъ построили соборную Божью церковь
10. Какъ отъ града ростоянья да за петь попрыскъ.
Посылаетъ Агрикъ сына Василья
Ужъ на память ко светителю Миколы,
Поѣзждятъ его сынъ да Василей,
За имъ много-же народу собиралось,
15. Пріѣзжали они къ соборной Божьей церкви.
Они мѣстныя иконы да поднимали
Воску яровыя свѣчи да затопляли,
Они служатъ вечернія службы.
Всё всеночное стояньё да предстояли,
20. Начинаётъ свитую да литоргію.
Ужъ изъ издёлече, издалёче да чиста поля,
Изъ того-же изъ широкого раздолья,
Подымалася великая буря,
Поевилисе Срачинскаго князя люди;
25. Кругъ соборную Божью церковь обходили,
Ани много-же народу въ полонъ брали,
Роздѣляли народъ-отъ да на три доли;
Ажъ меньшу долю подъ мечъ да приклонили,
А втору доль съ собою да отвозили,
30. Третью доль продали Амиру,
Ты Амиру Срачиньскому князю,
Туды-же Агрикова сына Василья.
Съ того Агрикъ на Миколу да осердился,
Не много не мало да на три года;

---

[1]) Алексѣй Андр. Носовъ, Устьцыльма.

35. Приходили къ Агрику тутъ знакомы,
Говорили-то Агрику всѣ сротши:
„Почему ты, Агрикъ, не вѣруешь светителю Миколы?
Светитель-то Микола да Богомъ силенъ,
Онъ выручитъ у тя сына Василья,
40. Изъ великой неволи да изъ полоны".
Тогда Агрикъ сталъ сряжаться кабы въ церковь да со жоною.
За имъ много-же народу да собиралось,
Пріѣзжали они ко соборной да Божьей церкви;
Они мѣстныя иконы да поднимали,
45. Воску яровыя свѣчи да затопляли,
Они служатъ вечернія службы,
Всё всеночное стояньё да предстояли,
Начинатце святую литургію;
И поѣзжать Агрикъ сталъ въ бѣлокаменны палаты,
50. Пріѣзжатъ онъ въ бѣлокаменны палаты,
Они много тутъ народу поятъ, кормятъ
Серебромъ меньшу братью да надѣляютъ,
И проходитъ тутъ весь день-же.
„Почему-же кобели злы притугáютъ?"
55. Говоритъ Агрикъ рабамъ своимъ домочадцамъ;
„Ужъ вы ой еси, рабы мои домочадцы,
Вы сходите-ко на дворъ да досмотрите—
Почему-же кобели злы притугаютъ?"
Ужъ сходили тамъ рабы да досмотрѣли,
60. Ничего-же какъ рабы да тамъ не узрятъ,
Всталъ Агрикъ самъ да со постели,
Выходитъ онъ на дворъ да со свѣщéю,
Онъ узрилъ тутъ сына да Василья,
Середи двора стоитъ въ платьи стращинскомъ,
65. Во правой рукѣ держитъ чару да золотую,
Во лѣвой рукѣ держитъ скляницу вина полну,
Говоритъ тутъ вѣдь сыну онъ да Василью:
„Азъ есь сынъ-ле ты-ле мнѣ Василей,
Але стѣнь-ле тобою да мнѣ-ка кажетъ?"
70. Ужъ-ко батюшку Василей да отвѣчаётъ:
— Азъ есь батюшко сынъ твой Василей.—
Говоритъ да Агрикъ сыну Василью:
„Ты откуль же мое чадо объевилось?"
Говоритъ-то ему сынъ да Василей:
75. — А стоялъ за столомъ предъ Срачинскіимъ князёмъ,
Вдругъ не видомо отъ князя меня не стало.
Только здѣся мнѣ объевился свѣтъ Микола".
Тогда бралъ Агрикъ своего сына Василья,
Онъ бралъ его за бѣлыя за руки,
80. Заводилъ его въ бѣлокаменны палáты;
Во палáты его матушка зрадовалась,
Ужъ во радости слезами да уливалась,
Ужъ брала его за бѣлыя за руки,
Чѣловала она въ уста его сахарны.

10.

Агрикъ[1]).

Сказати братцы-ле про вѣщыну,
Про светителя Миколу-ли Чудотворца,
Да-бы про его про чудныя чудеса,
Да про Агрикова сына-ли про Василья.
5. Да жилъ былъ нынь мужъ благочестивой,
Жилъ-былъ Агрикъ-ли со жоною,
Да вѣровалъ въ светителя Миколу онъ Чудотворца,
Да построилъ Агрикъ соборную божью церковь,
Да пе близко не далеко-ли онъ построилъ,
10. Да бы за двѣ-де попрыщи лошадиной.
Поѣзжаетъ-ле Агрикъ-де къ божьей церкви,
Вси народы за имъ ныньце поѣжжаютъ,
Пріѣзжаютъ ко соборной божьей церкви,
Заходили во соборную божею церковь.
15. Вси помѣстныя свѣщи ныньце затеплили,
Да служили чесны они молебны,
Отслужили чесны они молебны,
Заслужили свѣтую да литургею.
Да во то-ле братцы времё, да во ту пору,
20. Набѣгали страчинского князя люди,
Обостали всю соборную божію церковь,
Да изъ церкви народъ весь выгоняли,
На три части народъ весь роздѣляли,
Кабы первую часть они срубили,
25. Да вторую на волю да отпустили,
Да третью въ полонъ да сибѣ взяли,
Кабы взяли у Агрика сына
Да бы взяли они сына Василья.
До во ту ли братцы пору, да во то времё,
30. У того-то у мужа благочестива,
У того-то у Агрика со женою,
Да не сталъ-то Агрикъ ѣздить въ божью церковь
Ко светому Миколы Чудотворцу.
Да не сталъ Агрикъ служить свету литоргею,
35. Осердился на Миколу да на светого.
Да ко Агрику сротцы да приходили,
Да Агрику сротцы да говорили:
„Ужъ ты ой еси, мужъ благочестивой,
Ты пошто-же ты не ѣздишь въ божью церковь,

---

[1]) Николай Петр. Шальковъ. с. Великая Виска.

40. Ко светителю Миколѣ ты Чудотворцу,
Да пошто-же ты не служишь чесны молебны,
Да светитель-отъ Микола онъ Богомъ силенъ,
Онъ то вынесётъ твоя сына изъ полона".
Поѣжжаетъ-ле Агрикъ да къ Божьей церкви.
45. Вси народы за имъ ныньце поѣжжаютъ.
Пріѣжали ко собору божьей церкви,
Заходили во соборную Божью церковь,
Вси помѣсныя свѣщи ныньце затеплили,
Да служили чесны они молебны,
50. Да со теплыма нынце да со свѣщами,
Со усёрдныма нынце да сордоцами,
Со горючима-ле вотъ нынце со слезами;
Ослужили чесны они молебны,
Да служили святую да литоргею,
55. Отслужили святую да литоргею,
Да пошли вси изъ соборной Божьей церкви,
Во свои де бѣлокаменны палаты,
Садились за столы они дубовыя,
Да за ти-жо за яствы да сахарныя,
60. Да за ти-жо за печенья да мёдовыя.
До ту-ли братцы пору, да во то-ли времѐ,
Подымалась туця да тёмна грозна,
Туця грозная, со подéрой,
На дворѣ-то кобели стали притугáти;
65. Говоритъ тогда мужъ благочестивой:
„Ужъ вы родные мои сродцы,
Ужъ вы потьте на дворѣ скоро досмотрите".
Да пошли-то ныньце сродцы да досмотрѣти,
Не кого-то на дворѣ они не видали.
70. Да пуще кобели стали притугáти,
Да пошолъ-то-ле мужъ благочестивой,
Да пошолъ на дворъ онъ досмотрѣти,
Ювидалъ-то-ли чудо да право чудно,
Увидалъ то-ли диво да ныньце дивно:
75. Да стоитъ его сынъ ныньце Василей,
Во рукѣ держитъ да ныньце скляну,
Во лѣвой-то подносъ держитъ золоченой,
На подносѣ три цяры да золотыя,
Кабы полны напитку да налитыя,
80. Да не сколькё тѣ цяры да не слитыя.
Говоритъ-то-ле мужъ благочестивой:
„Ище што-же тако мнѣ-ка мечтуётъ
Ле стѣнь-то Васильёва показуётъ?"
Говоритъ-то и сынъ ему Василей:
85. — Да не стѣнь-то моя тибѣ мечтуётъ,
Я сынъ твой Василей да показуюсь;
Я стоялъ предъ срачинскимъ нынце князёмъ;
Я явился предъ мужемъ благочестивымъ.

11.

Никола Чудотворецъ [1]).

Светитель Микола Меркирьской чудотворецъ,
Лежатъ свѣты мощи въ Турской дальнёй земли,
Чудеса у свѣта у насъ на светой Руси.
Пишомъ образъ твой на страшну икону,
5. Украшаемъ свѣтлый образъ серебромъ-ли чистымъ,
Украшаемъ образъ золотомъ-ли краснымъ,
Украшаемъ образъ жемчугомъ закатистымъ;
Церковь содвигаемъ, служимъ нынь молебны,
Служимъ нынь молебны, чесные обѣдни;
10. Светитель Микола, онъ былъ Богомъ силенъ,
По морю плаваше, онъ свѣтъ направляётъ,
Онъ свѣтъ направляетъ, волны да укращаетъ,
Волны укрощаетъ, врага пострамляётъ;
Онъ больныхъ лежащихъ онъ свѣтъ свобождаетъ
15. По лѣсу блудящихъ онъ свѣтъ выправляётъ.
Слава Отцу Богу, слава-ле Сыну Божью.

12.

Василій великій [2]).

Свѣтъ Василей Великія Кесаримскія чудотворецъ,
Стоялъ Василей семнадцать лѣтъ во Божей во церкви,
Въ паперти у притвору на молитвы,
Молитця Господу Богу отъ желанья,
5. Съ теплыма Василей сердецáми,
Съ горючима Василей со слёзами,
Гласитъ ему Присвятая мати Божья Богородича:
„Хоть стоишь Василей семнадцать лѣтъ во Божеей во церкви,
Въ паперти у притвору на молитвы,
10. Молишся Господу Богу отъ жаланья,
Съ теплыма Василей сердецами,
Съ горячима Василей со слёзами,
Пашетъ отъ тя духы злыя прокляты хмѣльной корень“.
Чуётъ Василей гласъ отъ святыя отъ иконы,

---

[1]) Ник. Петр. Шальновъ. В. Виска.
[2]) Пав. Григ. Марковъ, 76 л. д. Бѣдовая, Пустозерск. вол.

15. Изъ устъ Василей молитву выпускаетъ,
Молитва ко Господу, ко небесамъ.
Какъ сильный громъ прогрянулъ,
Кланелса Василей головою о полъ,
Проломилъ свою голову до крови;
20. Сама Присвятая мати Божья Богородича,
Сама съ престолу ставала,
Пречисты ручи свои подъ Василья подлагала,
Василья на ноги здымала.
„Свѣтъ Василей великій Кесоримскія Чудотворечъ,
25. Нѣтъ твоего столпа ко Господу выше,
Нѣтъ твоихъ чудесъ, молитвъ ко Господу болѣ,
Не подобатъ священнымъ архиреямъ и ереямъ,
Не подобатъ хмѣльного питья вкушати,
Не подобатъ пьяничи святая ранная литоргея совершати,
30. Не подобатъ пьяничи въ божьи церковь впущати:
Пьянича идетъ въ Божью церковь не обиходенъ,
Лица своего крестомъ не изображаетъ,
Исусовой молитвы сысполна не сотворяетъ.
Пьяница стоитъ смѣётъ и галитъ,—
35. Отца попа духовнаго осуждаетъ,
Грѣхъ грѣхомъ на души не исчисляетъ,
Отцу попу духовному не исповѣдаетъ.
О, горё тому человѣку
Кой человѣкъ въ пьянствѣ и умрётъ,
40. Изъ того косья 25 лѣтъ хмѣльнія духы злыя прокляты корень не выходитъ.
О горё, тому человѣку,
Кой человѣкъ на дорогѣ съ пьяницей встрѣтитця, не своротитъ,
Станетъ съ пьяничей говорити,
Станетъ пьяничу на умъ наставлети,
45. Пьяничу роздразнитъ и пьяничу осердитъ,
Пьянича его или деревомъ убьетъ или ножомъ зарѣжотъ,
Та душа за не видъ потеряцца,
Ту душу на второмъ Христовомъ пришествіи Господь не пріемлетъ.
О, горе, тому человѣку,
50. Кой человѣкъ помáтерну избраницца,
Или женскій полъ поматерну избранницца,
Трижда небо и земля потресуцца,
Трижды кровью уста запекутця;
Или мужьской полъ трижды поматерну избранитця,
55. Трижда небо и земля потресетця,
Трижда кровію уста запекутця;
Не ту мать они сквернятъ, бранятъ и поносятъ,
Котора ихъ мать родила,
А ту мать они сквернятъ, бранятъ и поносятъ,
60. Котора родила Сына Божья,
Которой сотворилъ небо и землю,

Которой сотворилъ сончо и мѣсецъ,
Которой сотворилъ утренну зорю и вечёрну,
Которой сотворилъ ангеловъ и архангеловъ,
65. Которой сотворилъ херувимовъ и сарафимовъ,
И которой сотворилъ на земли всяку тварь плодоносну,
Ту они мать бранятъ, сквернятъ и поносятъ".

13.

Христосъ и нищіе[1]).

Какъ пришло приходило нонь свѣтло Христово воскресенье,
Господь на небеса вознесса,
Со всей онъ своей небесной силой,
Со всѣми онъ со свѣтлыма
5. Со ангелами и феруи́мамъ,
Со истинныма серафимамъ,
Оставляетъ на земли низчюю братью.
Нищая братья—убогіе сирота,
Возмолилась ноньце нищая братья:
10. „Да ой еси, Христосъ царь небесной,
Да на кого ты насъ, сиротъ, оставляешъ?
Да на кого ты насъ, сиротъ, покидаешъ?
Да нагими да босыми находитце,
Отъ темной ночи не покрытца,
15. Голодною смертью померети".
Воспроговорилъ Христосъ-Царь Небёсной:
— Да ой еси, моя нищая братья,
Оставлю я вамъ гору золотую,
Да будите вы сыты и пьяны,
20. Да будите обуты, одены,
Да будите отъ темной ночи укрыты.—
Воспроговорилъ Иванъ Златоустъ:
„Да ой еси, Христосъ царь небёсной,
Не оставляй ты нищимъ гору золотую,
25. А нищимъ горою не владати,
Какъ будутъ на земли князія, бояра,
Нижныя власти московски,
Какъ будутъ на земли судіи власти,
Отоймутъ у нищихъ гору золотую;
30. Оставь ты имъ лучше свое имя Христово,
Да станутъ ходить по селамъ, по деревнямъ;
Да станутъ ходить по городамъ, по уѣздамъ,
Да станутъ тя Христа поминати,
Да станутъ Христа прославляти,
35. Да слава Христу Богу,
Да слава тебѣ Сыну Божію.

---

[1]) Игнатій Дуркинъ, Усть-Цыльма.

14.

Молитва къ Богородицѣ [1]) „Ермáсъ.“

Чюдная Царица Богородица,
Услыши мою молитву души рабъ своихъ,
Пролей мои слезы горечіи,
Научи человѣка, чимъ душа спасти,
5. Душа-де спасти постомъ, молитвою,
Да въ рай-отъ затти чесной милостыной;
Да хоть намъ долго жить, да умереть будётъ,
Пора человѣкъ тебѣ покаятце,
На истинну путе обратитисе:
10. А день-отъ идетъ ко вецеру,
Ко вечеру день да приближаитце,
Человѣческій вѣкъ нашъ коротаитце,
А доски калоды дубовыя
Ти домовища вѣковѣчныя,
15. И долго намъ жить да умереть будетъ,
А умъ съ головой разставаитце,
И съ тѣломъ душа распрощаитце,
Намъ смёртная чаша наливаитце.

15.

„Стихъ соловцкихъ Чудотворцевъ“ [2]).

Что было во Царствѣ
Во Московскомъ государствѣ:
Переборъ былъ боярамъ,
Пересмотръ воеводамъ,
5. Еще изъ бояръ бояръ выбирали,
Во воеводы сажали,
Что Петра сына Алексѣева
Роду непростого,
По фамиліи Салтыкова:
10. Посылали воеводу къ саловецкимъ чудотворцамъ
Манастырь ихъ разорити,
Стару вѣру порушити,
Старыя книги изодрати
И огню ихъ предати.

---

[1]) Екат. Өед. Торопова, 81 г. Усть-Цыльма.
[2]) Списанъ подъ такимъ заглавіемъ изъ тетрадки стиховъ, принадлежащей Анисьѣ Иван. Безумовой, въ дер. Устье, Пустозерской вол. Печорскаго у., она изъ рода Поповыхъ, что жили въ скиту на р. Индигѣ (см. ст. „Печорская старина,“ „Изв. Отд. русск. языв. и сл. И. А. Н.“ т. X, кн. 2, стр. 345).

15. И всѣхъ старцевъ прерубити
И всине море пометати.
Что возговорилъ то воевода,
Что нельзя сударь сотворити,
И невозможно подумати
20. На светое то мѣсто.
Что возговоритъ Государь Царь
Алексѣй сударь Михайловичъ:
Ты, добро, воевода
Я велю тебя казнити
25. Руки ноги отрубити,
Буйну голову отпилити.
Погоди сударь казнити,
Прикажи рѣчь говорити,
А дай же силы сударь много стрѣльцовъ,
30. Борцовъ и салдатовъ;
Что садился воевода
Во легонькіе стружечки:
Потянули буйны вѣтры,
Со полуденной сторонки,
35. Приносило воеводу
Къ монастырю ко святому,
Ко игумену чесному:
Что стрѣляетъ воевода
Во соборную божью церковь:
40. Уронилъ воевода Богородицу съ престола,
И все старцы испугались,
По стѣнамъ помѣтались,
Водно мѣсто собирались.
Водно слово говорили:
45. И мы главы положимъ
Да по старому отслужимъ,
Вѣчно Богу слуги будемъ,
Съ нимъ во царствіи пребудемъ;
Во Москвѣ было во царствѣ,
50. Во Московскомъ государствѣ,
Во грановитоей во палаты,
Отворились церкви двери,
Воскричали возопили:
Уже есть ли у васъ караулы.
55. Гонцы скоры посылали
Бы скорѣе монастырь бы не разорили,
А старцевъ бы не рубили
А вѣру бы не рушили.
Что возговоритъ игуменъ —
60. Вы духовніи мои дѣти,
Ужъ вы стойте, не сдавайтесь,
За Христа Бога умирайте,

Аминь.

16.

Чернорizецъ и Господь [1]).

Идетъ старецъ ис пустыни,
Да прiуплакася черноризецъ,
Да идетъ на встрѣчю ему Господь Богъ,
Ты о чемъ-же старецъ плачешь,
5. Да чернорizецъ возрыдаешь?
Да какъ мнѣ Господи не плакать,
Чернорizцу не рыдати.
Да ужъ я младъ зѣло пострихся,
Да всѣхъ я добрыхъ дѣлъ лишихся,
10 Потерялъ я златую книгу
И уронилъ я ключи отъ церкви въ черное море.
Да тутъ сказалъему Господь Богъ,
Поди старецъ о атнся,
Да со слезами Богу молися,
15. Я найду златую книгу;
Да изсушу я черное море
И достану ключъ отъ церкви,
Да награжду я тя своимъ градомъ
Да ты живи до скончанiа вѣка.

Аминь.

Н. Ончуковъ.

(Окончанiе слѣдуетъ).

[1]) Списано изъ той же тетрадки.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины" (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи"), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія. Т. I (XIII в. — 1825 г.) Спб. XI + 1248 стр. 8°.

Русское языкознаніе—молодая наука, и первыя произведенія, вполнѣ достойныя этого названія, начали у насъ появляться, строго говоря, не раньше первой четверти прошлаго столѣтія. Поэтому, на первый взглядъ можетъ показаться удивительнымъ, что проф. Буличъ нашелъ возможнымъ даже только въ „Очеркѣ" исторіи русскаго языкознанія (какъ скромно назвалъ онъ свою книгу) посвятить почти 1250 страницъ лишь одному, такъ сказать, „доисторическому" періоду развитія этой науки. Это, крайне подробное и не вызываемое даже самыми строгими требованіями эволюціоннаго метода, изложеніе объясняется тѣмъ, что добросовѣстный авторъ слишкомъ широко поставилъ свою задачу: онъ разсматриваетъ въ своемъ сочиненіи не только произведенія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ исторіи русскаго языкознанія, какъ науки,—напр., теоретическія грамматики и словари разныхъ языковъ,—но и тѣ явленія, которыя къ ней имѣютъ только косвенное отношеніе, какъ, напр., буквари и хрестоматіи, изданія и описанія памятниковъ, археологическія путешествія и экспедиціи и т. д. Благодаря этому, трудъ проф. Булича, не упускающій къ тому же изъ виду ни одного изъ многочисленныхъ отдѣловъ языкознанія, даетъ гораздо больше того, что обѣщаетъ его заглавіе: кромѣ лингвистовъ, изъ него могутъ черпать много интересныхъ и поучительныхъ фактовъ также этнографы и историки культуры, въ частности историки литературы. А если прибавить къ этому, что трудъ проф. Булича составленъ въ громадной своей части по первоисточникамъ, что авторъ ея обладетъ широкимъ лингвистическимъ образованіемъ, дающимъ ему возможность вѣрно оцѣнивать

удѣльный вѣсъ каждаго разсматриваемаго явленія, и что книга написана, живымъ увлекательнымъ литературнымъ стилемъ, то станетъ ясно, что она является цѣнной „Fundgrube" для изслѣдователя лингвиста и желаннымъ пріобрѣтеніемъ для библіотеки каждаго интересующагося судьбами родного просвѣщенія читателя.

Еще болѣе увеличиваетъ значеніе книги Булича переводъ прекрасной работы проф. Дельбрюка „Введеніе въ изученіе языка", сдѣланный учениками и слушателями проф. Булича и служащій „введеніемъ" и въ его книгу.

Г. И.

Ал. Харузинъ. Славянское жилище въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ. Вильна, 1907.

Книга подъ этимъ заглавіемъ заключаетъ въ себѣ 323 страницы текста со множествомъ чертежей, 18 стр. алфавитнаго указателя терминовъ и 105 листовъ съ 202 рисунками, исполненными въ большинствѣ случаевъ съ фотографическихъ снимковъ.

Обширное изслѣдованіе г. Харузина составлено на основаніи его личныхъ наблюденій на мѣстахъ, а также на основаніи трудовъ цѣлаго ряда лицъ—по описанію построекъ согласно особой программѣ (Руководство для собиранія свѣдѣній о крестьянскихъ постройкахъ. Изд. Имп. Русск. Географ. Общ. С.-ПБургъ, 1902 г.), по снятію плановъ, изготовленію рисунковъ, снятію фотографій. Кромѣ того, авторъ пользовался довольно богатой литературой предмета и изучалъ въ разныхъ музеяхъ коллекціи моделей славянскихъ сооруженій.

Кромѣ краткаго предисловія (стр. 3—14) и алфавитнаго указателя терминовъ, трудъ автора содержитъ слѣдующіе пять отдѣловъ: I. „Вмѣсто введенія", въ коемъ изложены данныя изъ статистики населенія Сѣверо-Западнаго края; II. Постройки (жилой домъ и хозяйственныя строенія); III. Деревня и усадьба; IV. Развитіе жилья (составныя части жилого дома и типы его) и V. Заключеніе.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ задался цѣлью „разсмотрѣть жилища славянской части населенія Сѣверо-Западнаго края въ общемъ ходѣ его развитія и въ связи съ крестьянскими постройками другихъ мѣстъ Россіи, а равно иныхъ мѣстностей, заселенныхъ славянами" (стр. 3). Объектомъ своихъ изслѣдованій авторъ взялъ постройки бѣлоруссовъ, какъ сохранившихъ болѣе другихъ первобытныя типичныя черты обще-славянской архитектуры „Въ литературѣ о бѣлорусскомъ племени—говоритъ авторъ—уже неоднократно высказывалась мысль, что въ лицѣ этого племени надлежитъ видѣть наиболѣе чисто сохранившійся славянскій типъ. Къ этой мысли (?) дѣйствительно существуетъ не мало данныхъ" (стр. 11). Къ сожалѣнію, авторомъ для изученія типичныхъ славянскихъ построекъ взята по преимуществу та часть Бѣлоруссіи (Ковенская, Гродненская и Виленская губ.), которая, благодаря вліянію сосѣднихъ иноплеменныхъ народовъ и неблагопріятнымъ историческимъ условіямъ, менѣе всего соотвѣтствуетъ намѣченной цѣли. Правда, авторъ отчасти удѣляетъ вниманіе жилищамъ и коренной Бѣлоруссіи (Минская, Могилевская и Витебская губ.), но дѣлаетъ это лишь для сравнительнаго изученія построекъ

жителей Литовской ея части. Такой неудачный для цѣлей изслѣдованія выборъ мѣстности неизбѣжно долженъ былъ въ почтенномъ трудѣ г. Харузина вызвать нѣкоторые пробѣлы и неточности. Такъ, мы не находимъ въ книгѣ автора достаточныхъ указаній на столь распространенныя въ полѣсской части Бѣлоруссіи, расположенной по среднему теченію лѣвыхъ притоковъ рѣки Припети, хозяйственныя сооруженія, которыя устраиваются на столбахъ, какъ то: „свиронки", клѣти, „одры" (устроенныя на деревьяхъ палатки для пчелиныхъ ульевъ), „одёнки" или „сцѣжары" (основанія для стоговъ хлѣба или сѣна), палатки на деревьяхъ для ночлега и засады при охотѣ на медвѣдей, волковъ и дикихъ свиней, рыбачьи хатки, устроенныя на сваяхъ, дѣтскія гнѣзда на сучьяхъ деревьевъ, охотничьи помѣщенія въ дуплахъ огромныхъ деревьевъ и т. п. сооруженія, болѣе или менѣе приподнятыя надъ поверхностью земли. Кромѣ того, авторъ совершенно умалчиваетъ о постройкахъ, предназначенныхъ для религіозныхъ цѣлей, какъ то: кресты, „каплицы" (часовни), церкви и костелы, „брамы" (часовни и костёлки надъ воротами), могильные памятники и т. п.

Поэтому намъ кажутся преждевременными и недостаточно обоснованными предположенія автора, что „однокамерной хатѣ въ современномъ ея видѣ" предшествовала „по всей вѣроятности... клѣть—помѣщеніе безъ печи, согрѣваемое вѣроятно очагомъ", а „этому жилищу въ свою очередь предшествовали еще болѣе простыя жилища, какъ землянка и шалашъ, едва замѣтные нынѣ въ формѣ разнаго рода переживаній" (ст. 286.) Что современныя жилища эволюціонировали отъ болѣе простѣйшихъ и даже самыхъ примитивныхъ вплоть до пещеры, землянки, шалаша, станка, куреня, гнѣзда или палатки на деревѣ, а то и берлоги въ дремучихъ лѣсахъ или одёнка—сцежара, устроеннаго на сваяхъ среди озеръ и труднопроходимыхъ болотъ, чтобы укрыться отъ змѣй и дикихъ звѣрей—смотря по мѣстнымъ условіямъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, но, какое именно первобытное сооруженіе было прототипомъ славянскаго жилья — остается не выясненнымъ и послѣ кропотливаго труда г. Харузина. Тѣмъ не менѣе, по обширности собранныхъ матеріаловъ и богатству чертежей, плановъ и рисунковъ изслѣдованіе г. Харузина является весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу предмета.

А. Сержпутовскій.

Е. П. Поповъ. Нѣкоторыя данныя по изученію быта русскихъ на Колымѣ („Этнографическое Обозрѣніе" 1907, № 1—2).

Если не ошибаюсь, еще въ 1894 году В. Ѳ. Миллеръ,—узнавъ объ организаціи въ г. Якутскѣ такъ называемой Сибиряковской Экспедиціи, задавшейся, между прочимъ, цѣлью изслѣдовать бытъ населенія отдаленнаго Колымскаго округа, — писалъ въ Якутскъ о необходимости возможно полнаго собиранія сохранившихся въ этомъ округѣ памятниковъ русскаго народнаго творчества, которые, по мнѣнію г. Миллера, должны были тамъ подвергнуться меньшему искаженію, чѣмъ это имѣло мѣсто на ихъ прародинѣ. И г. Поповъ, авторъ статьи, заголовокъ которой выписанъ нами выше, подтверждаетъ,

что „для этнографа колымчане представляютъ большой интересъ во многихъ отношеніяхъ“, такъ какъ „здѣсь, въ особенности въ сѣверной части округа, успѣли въ полной неприкосновенности сохраниться формы, обороты и даже фонетика древне-русскаго нарѣчія, сохранились въ изустной передачѣ съ XVI столѣтія (а можетъ быть и раньше) былины, историческія пѣсни, мотивы ихъ и т. д.“. Редакція журнала прибавляетъ отъ себя, что авторъ, къ сожалѣнію, „не далъ фонетической записи образцовъ колымскаго творчества“ (стр. 160). Если это такъ, то собранный авторомъ матеріалъ теряетъ значительную долю той цѣнности, какую онъ могъ бы имѣть при соблюденіи указаннаго редакціей условія. Тѣмъ не менѣе, записанные авторомъ образцы колымскаго творчества и въ теперешнемъ своемъ видѣ не лишены интереса: въ нихъ мы находимъ не мало чисто мѣстныхъ словъ, выраженій и грамматическихъ формъ. Весь свой матеріалъ авторъ систематизировалъ по четыремъ (а не по тремъ, какъ сказано у автора) отдѣламъ: 1) старинныя пѣсни, 2) мѣстныя любовныя пѣсни, 3) сатирическія пѣсни и 4) разсказы и сказки (стр. 163—181). Собраніе образцовъ не велико по размѣрамъ, но „въ рядѣ другихъ изслѣдованій—по справедливому замѣчанію автора—и эти отрывочныя данныя могутъ имѣть нѣкоторое значеніе въ смыслѣ пополненія имѣющагося въ литературѣ матеріала“ (стр. 159),—очень скуднаго, прибавимъ отъ себя.

Заслуживаетъ вниманія подтвержденіе авторомъ наблюденнаго ранѣе факта, что русскіе колымчане сѣверной части округа, несмотря на продолжительное общеніе съ инородческими племенами, „въ отношеніи родного языка оказались настолько стойкими, что даже совершенно руссифицировали обитающихъ вмѣстѣ съ ними... якутовъ I-го Мятюжскаго наслега“, тогда какъ въ остальной части округа якуты не только не поддаются вліянію русскихъ, но, наоборотъ, „наблюдается... процессъ „объякучиванія“ казаковъ и мѣщанъ, живущихъ по Колымѣ выше т. наз. заимки Крестовъ“ (стр. 160). Процессъ объякучиванія, какъ извѣстно, констатированъ не только въ Колымскомъ, но и во всѣхъ остальныхъ округахъ Якутской области. Тѣмъ любопытнѣе этотъ чуть ли не единственный примѣръ „стойкости“, проявленной на крайнемъ сѣверѣ русскими-колымчанами хотя бы въ одной области родного языка.

Эд. Пекарскій.

А. Орловъ. Происхожденіе названій русскихъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ рѣкъ, городовъ, племенъ и мѣстностей. Вельскъ. 1907. IV + 430 стр.

Главнѣйшіе выводы, къ которымъ пришелъ авторъ этой обширной работы, формулированы имъ въ концѣ книги въ слѣдующихъ тезисахъ: 1) Всѣ рѣки Европейской Россіи получили свои названія отъ предковъ финскихъ народностей, въ полукочевой охотничій періодъ ихъ жизни, въ глубокой древности, задолго до прихода славянъ. Судя по тому, что русскіе, за цѣлое тысячелѣтіе своей жизни, не успѣли измѣнить этихъ названій, можно думать, что тысячелѣтіе представляется короткимъ періодомъ, въ сравненіи съ той продолжительной эпохой, которую прожили здѣсь народности, давшія названія рѣкамъ.

2) Тѣ нарѣчія, на которыхъ названы рѣки, вымерли, и изъ языковъ нынѣшнихъ финскихъ народностей, повидимому, нельзя объяснить этихъ названій.

3) Ни одно названіе рѣки не является единственнымъ и исключительнымъ; напротивъ, каждое названіе повторяется на пространствѣ Европейской (и Азіатской) Россіи много разъ; большая часть названій мало, или совсѣмъ неизвѣстны; за то, иногда одно изъ многихъ одинаковыхъ названій прославилось на весь міръ.

4) Такъ какъ эта слава совершенно случайная и создалась послѣ того, какъ рѣка безъизвѣстно существовала съ даннымъ названіемъ много столѣтій и даже не одно тысячелѣтіе, то, значитъ, въ названіяхъ, хотя бы такихъ какъ Русь, Москва, Волга нельзя искать глубокаго смысла, которой бы соотвѣтствовалъ тому величію, которое связано нынѣ съ этими именами.

5) Въ виду того, что всѣ русскія рѣки носятъ финскія названія, всякія попытки произвести эти названія, отъ русскихъ словъ, должны быть оставлены, какъ претензіи обывательской наивности.

6) Разселеніе финновъ въ новыя прочныя мѣста осѣдлости, вслѣдствіе естественнаго прироста людей, возможно было и совершалось только по рѣкамъ.

7) Такъ какъ рѣка играла первенствующую роль въ жизни этихъ народностей, представляя собою комплексъ жизненныхъ условій, т. е. сухого участка земли, дороги, источника пропитанія и т. д., то первоначальныя поселенія всегда возникали на рѣкахъ и принимали имена рѣкъ.

8) Русскіе города, продолжавшіе жизнь финскихъ поселеній, или возникшіе на давно заброшенныхъ мѣстахъ этихъ поселеній (могильникахъ, городищахъ), приняли названія этихъ поселеній, т. е. финскія названія рѣкъ: Онега, Мезень, Кострома и т. д. Поэтому, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ городѣ есть хотя бы самая ничтожная одноименная рѣчка, надо считать, что именно ея имя принялъ городъ, и всякія легенды о происхожденіи названія инымъ путемъ должны быть отброшены.

9) Не только села и образовавшіеся на мѣстѣ ихъ города приняли имена рѣкъ, но и населеніе по нимъ и самая мѣстность носятъ имя рѣки. Такъ образовались названія Ваганы, Пинежане, Пошехонцы, Кержаки и т. д. Названія эти, по виду похожія на названія отдѣльныхъ народностей, или племенъ, на самомъ дѣлѣ представляютъ только географическіе термины. Цѣлыя группы ихъ могутъ обозначать одно племя, только живущее по разнымъ рѣкамъ. Такъ надо понимать и названія лѣтописца Древляне, Кривичи, Поляне, Радимичи, Песчанцы, Улучи и т. д.

10) Варяжане или Варенги, Варяги и Русь были также жители по рѣкамъ Варягѣ и Руси, какъ и другіе славяне, и не пришли къ намъ изъ-за моря.

11) Слово Русь—финское, одно изъ многочисленныхъ финскихъ названій рѣкъ и никакого особеннаго смысла, соотвѣтствующаго величію Русскаго государства, въ себѣ не заключаетъ.

12) Большинство значительныхъ рѣкъ Западной Европы имѣетъ тоже финскія названія. Нѣкоторые, древнѣйшіе города тоже назы-

ваются по рѣкамъ, и по рѣкамъ же называются мѣстности и поселенія.

Во многихъ изъ этихъ положеній есть значительная доля истины, но, въ цѣломъ, выводы автора слѣдуетъ признать черезчуръ рѣшительными и обобщающими. Вполнѣ справедливо возставая противъ фантастическихъ этимологій собственныхъ именъ мѣстностей, авторъ совершенно не желаетъ считаться съ данными исторической географіи, — науки уже довольно разработанной и считающей въ рядахъ своихъ адептовъ крупныя имена Кромѣ того, стараясь свести всѣ названія мѣстностей къ даннымъ финскихъ языковъ (почему только финскихъ?), въ порывѣ увлеченія, онъ самъ переходитъ всякія границы вѣроятія. Возьмемъ хотя бы этотъ примѣръ: на стр. 336—337 авторъ переработываетъ рѣку Жеребецъ въ Герръ, для того чтобы помѣстить здѣсь народъ — Greutungi. Но, не смотря на всѣ филологическія изысканія, отъ Жеребца до Greutung'овъ всетаки далеко.

Н. В—въ.

Отчетъ Туапсинскаго Научно-промышленнаго Музея за 1905 годъ. Туапсе 1906. 32°. Стр. 22.

Тоже, за 1906 годъ. Туапсе. 1907. 32°. Стр. 23.

Небольшое научное начинаніе, повидимому, имѣетъ нѣкоторыя данныя для успѣшнаго роста, а можетъ быть и процвѣтанія, если не изсякнетъ быстро энергія основателей и хватитъ научныхъ силъ. По отчету за 2-й годъ существованія (1907 г.) въ музеѣ имѣлось предметовъ по антропологіи—3 черепа и кости. По исторіи и археологіи — 56 предметовъ. По этнографіи — 6 предметовъ. По нумизматикѣ — 146 монетъ и медалей. А сверхъ того 7 предметовъ изъ сельско-хозяйственнаго быта прежнихъ черкесъ.

Н. В—въ.

Каталогъ музея общества изученія Амурскаго края. Владивостокъ. 1907 г.

Означенный каталогъ представляетъ собою систематическій указатель, облегчающій возможность разбираться въ коллекціяхъ музея. Его составилъ, съ знаніемъ дѣла, нынѣшній консерваторъ музея В. Глуздовскій. Подготовляя матеріалъ для каталога, автору потребовалось произвести настоящія раскопки въ коллекціяхъ, пребывавшихъ, къ стыду ученаго общества, въ непозволительной запущенности. Въ этой многосложной работѣ ему оказалъ самое горячее содѣйствіе музейскій сторожъ И. А. Алексѣевъ. „Обладая хорошей памятью и относясь съ большой любовью и вниманіемъ къ ввѣренному ему, иногда беззаботными, хозяевами имуществу, говоритъ В. Глуздовскій, онъ хорошо знаетъ „біографію“ каждой вещи, которая попала въ музей подъ его охрану, продолжавшуюся почти два десятка лѣтъ“. Этотъ устный источникъ дѣйствительно помогъ, какъ разобраться въ коллекціяхъ, такъ и пополнить многія свѣдѣнія, которыхъ консерваторъ не смогъ найти въ документахъ, нарѣдкость къ тому же несовершенныхъ. Таковы, въ краткихъ чертахъ, тѣ поучительныя условія, которыя сопровождали появленіе въ свѣтъ каталога.

Въ первомъ отдѣлѣ этого каталога сообщается краткая исторія народностей, этнографическіе предметы коихъ собраны въ музеѣ; несмотря на свою компилятивность и краткость (по чисто техническимъ причинамъ), эта статья служитъ необходимымъ введеніемъ къ небольшимъ описаніямъ, которыя предшествуютъ систематическимъ расположеніямъ предметовъ (числомъ 1164) по этнографіи слѣдующихъ народностей: айновъ, гиляковъ, алеутовъ, коряковъ, чукчей, камчадаловъ, юкагировъ, ольчей (мангуновъ), ороковъ, гольдовъ, собственно тунгусовъ (ламутовъ), китайцевъ, корейцевъ и японцевъ. Во второй отдѣлъ включены древности (числомъ 104) Амурскаго и Уссурійскаго края. Въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ даются свѣдѣнія о предметахъ подъотдѣловъ: a) тюремнаго — фотографіи „соколинцевъ“ и ихъ издѣлія (12); b) переселенческаго и c) случайныхъ предметовъ (23).

Имѣя въ рукахъ такой каталогъ, обозрѣватели будутъ изучать коллекціи музея теперь съ открытыми глазами и, разумѣется, всегда скажутъ „спасибо“ его составителямъ В. Глуздовскому и И. А. Алексѣеву.

Общество изученія Амурскаго края съ своей стороны, намъ думается, должно отвѣсить земной поклонъ и выдать ученую премію И. А. Алексѣеву, своими незаурядными этнографическими познаніями блестяще поддержавшему ученую честь этого общества. Его же членамъ можно бы пожелать проявленія большаго интереса къ дѣламъ и нуждамъ музея и интенсивной дѣятельности, направленной къ скорѣйшему его процвѣтанію. Въ этнографическомъ богатствѣ народностей Амурскаго края найдется для этого неисчерпаемый источникъ.

А. Макаренко.

W. Radloff. Ein uigurischer Text aus dem XII Jahrhundert. St. Petersburg. 1907. (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, 1907).

Статья эта представляетъ критическій обзоръ транскрипціи и перевода новаго уйгурскаго текста, хранящагося въ Константинопольской библіотекѣ въ рукописи подъ № 4757. Текстъ съ переводомъ опубликованъ г. N. A. Balhassan-oglu въ VII томѣ „Revue Orientale“, (Будапештъ, 1906). Издатель относитъ его къ 1479 году и авторство его приписываетъ Abdur Rezzak Bachschi, прежнему обладателю Вѣнской рукописи Kudatku Bilik, факсимиле которой было издано г. Радловымъ въ Петербургѣ.

B. I.

Н. Крашенинниковъ. Угасающая Башкирія. М. 1907.

Это рядъ живо, интересно, съ глубокимъ знаніемъ психологіи и міросозерцанія башкиръ, написанныхъ очерковъ бѣднаго, скромнаго, забытаго народа. Всѣ очерки пропитаны гуманнымъ чувствомъ.

N.

Michał Brensztejn. Krzyże i kapliczki żmudzkie. Materyały do sztuki ludowej na Litwie (z 64 tablicami). W Krakowie, 1906.

Книжка, вышедшая подъ этимъ заголовкомъ, представляетъ отдѣльный оттискъ статьи Михаила Бренштейна, помѣщенный въ т. IX Матеріаловъ антрополог.-археолог. и этнографич. секціи Краковской Академіи Наукъ (Osobne odbicie z T. IX. Materyałów Komisyi antropolog.-archeolog. i etnograficznej Akademii Umiejętności w Krakowie), и содержитъ въ себѣ 14 страницъ текста и 64 таблицы рисунковъ. Трудъ автора по описанію крестовъ и „каплычекъ (часовенъ)" въ Литвѣ исполненъ съ любовью и добросовѣстностью, какъ на основаніи изученія всей, еще довольно бѣдной, литературы предмета — вплоть до офиціальныхъ документовъ, такъ и на основаніи личныхъ изслѣдованій и наблюденій, производившихся на мѣстѣ. Но въ краткомъ историческомъ очеркѣ о распространеніи христіанства среди литовцевъ авторъ допускаетъ тенденціозное освѣщеніе фактовъ. По его словамъ, грубые язычники-литовцы потому возненавидѣли крестъ, что его изображеніе носили на своихъ одеждахъ воинственные нѣмецкіе монахи. Авторъ упускаетъ изъ виду, что у литовскихъ племенъ, еще задолго до насильственнаго введенія христіанства, была стройная система языческихъ вѣрованій и что всякое измѣненіе въ религіозномъ міросозерцаніи народа совершается не сразу, а постепенно въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Дальше авторъ ставитъ въ огромную заслугу польскимъ католическимъ ксендзамъ, что они ставили кресты и изображенія святыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя язычниками почитались священными. Съ точки зрѣнія іезуитскаго положенія, — цѣль оправдываетъ средства, но мы видимъ, что и прямой скрытый пріемъ насилія одинаково даетъ отрицательные результаты: литовцы приняли внѣшнюю обрядовую сторону христіанства, но въ душѣ остались прежними язычниками. Какъ нельзя больше это положеніе подтверждается на насильственномъ обращеніи въ христіанство литовцевъ, среди которыхъ до настоящаго времени рядомъ съ христіанскими догматами уживаются самыя грубыя языческія суевѣрія и предразсудки, какъ это видно изъ статьи А. Янулайтиса „Литовскія суевѣрія и примѣты", помѣщенной въ „Живой Старинѣ", вып. III и IV, 1906 г. Кромѣ того, надо замѣтить, что возникновеніе въ томъ или иномъ мѣстѣ крестовъ и „каплычекъ" происходитъ въ большинствѣ случаевъ не по стараніямъ духовенства, а вслѣдствіе распространившейся легенды о святости того или другого мѣста или о чудотворныхъ его свойствахъ. Такихъ же крестовъ и „каплычекъ" множество и въ Бѣлоруссіи, но всѣ они очень мало имѣютъ общаго съ христіанскимъ вѣроученіемъ.

Рисунки исполнены довольно хорошо; они даютъ ясное представленіе о литовскихъ крестахъ и „каплычкахъ".

А. Сержпутовскій.

Др. І. Свєнціцкий. „Архангелови вѣщания Марии" і благовіщенська містерія. (Проба історії літературної теми). У Львови. 76 стр.

Въ древней русской и юго-славянской письменности встрѣчается часто слово Іоанна Дамаскина на Благовѣщеніе съ пространнымъ діалогомъ архангела Гавріила съ Маріей. Въ Византійской письменности извѣстно оно, какъ сочиненіе патріарха Германа I. (Migne — Patr. gr. 98 t.), а въ одномъ случаѣ какъ слово Іоанна Злат. Авторъ задался цѣлью изучить генезисъ діалога, оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ авторствѣ, — пришелъ къ выводу, что этотъ діалогъ не моложе VIII в., т. е. окончательнаго формированія благовѣщенскаго канона, съ которымъ онъ сличилъ интересное ему слово. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ устава православной церкви, особенно діалогически-драматическому исполненію нѣкоторыхъ частей богослуженія въ восточной церкви (утреня въ страстную субботу въ ц—ви св. Георгія въ Венеціи, чтеніе благовѣщенскаго евангелія 2-мя лицами въ Костромской Семинаріи), авторъ высказываетъ мнѣніе, что благовѣщенскій діалогъ исполняли когда-то въ лицахъ. Указавъ наконецъ на свидѣтельство славянскихъ текстовъ о существованіи нѣсколькихъ редакцій греческаго подлинника, авторъ переходитъ къ обзору западно-европейской мистеріи, съ которой діалогъ связанъ болѣе содержаніемъ и отдѣльными мотивами, чѣмъ самой диспозиціей и формой текста. Здѣсь обратилъ авторъ вниманіе на два момента: на эволюцію сюжета въ видѣ—богослужебнаго евангельскаго діалога (Coussemaker, Acta Sanctorum), самостоятельнаго церковнаго дѣйства у итальянцевъ (извѣстіе Авраамія Суздальскаго, ѳео Белькари, указанія д'Анконы), сцены въ рождественской и пасхальной мистеріи или въ отдѣльныхъ циклахъ (Pollard, Chambers, Carmina Burana). Это разсмотрѣніе западноевропейской благовѣщенской мистеріи понадобилось автору для опредѣленія связи благовѣщенской пѣсни и поэзіи у Славянъ-католиковъ съ благовѣщенскимъ діалогомъ православнаго Востока. Разсмотрѣніе обѣихъ частей славянской благовѣщенской письменности приводитъ автора къ выводу объ ихъ сліяніи на югѣ, у католическихъ хорватовъ.—Конецъ работы посвященъ бѣглому обзору Благовѣщенія въ искусствѣ, народной словесности и въ современной литературѣ.

N.

Dr. Sextil Puşcariu, Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache, I Lateinisches Element mit Berücksichtigung aller romanischen Sprachen. Heidelberg. C. Winters Verlagsbuchhandlung, 1905. Sammlung romanischer Elementarbücher, III Reihe: Wörterbücher-I Band, XVI + 235 стр., 8°.

Румынскій этимологическій словарь Cihac'а въ свое время составилъ эпоху не только въ этимологическомъ изученіи румынскаго языка, но и въ изслѣдованіи этимологіи всѣхъ балканскихъ языковъ, въ частности южнославянскихъ; тѣмъ не менѣе усердное изученіе исторической грамматики всѣхъ этихъ языковъ за послѣднія 3 десятилѣтія должно было отразиться и на изученіи румынской этимологіи: большая часть сопоставленій Cihac'а въ настоящее время поэтому должна быть признана устарѣлой. Такимъ образомъ всякій изслѣдователь балканскихъ языковъ за послѣднее время сталъ нуждаться

въ трудѣ по румынской этимологіи вполнѣ соотвѣтствующемъ современному состоянію лингвистики.

Составленіемъ такого труда мы обязаны Д-ру Пушкаріу; пока появилась первая часть его изслѣдованія, въ которой разсматривается *латинское наслѣдіе румынскаго языка.* Прежде всего читателя поражаетъ весьма основательное знакомство автора съ научной литературой по данному вопросу. Балканскіе языки такъ тѣсно соприкасаются между собой въ словарномъ отношеніи, что изслѣдователю одного изъ нихъ по необходимости приходится считаться со всѣми другими: именно въ этомъ отношеніи трудъ Пушкаріу является весьма удачнымъ. Статьи въ родѣ: ciútura (33), crăciún (35), lesíe (83), gingie (62), paun (113), puiu (122 сл.), coárpa (33),—разумѣется мы указываемъ только то, что бросается намъ въ глаза при первомъ пользованіи,—эти статьи справедливо могутъ быть названы *картинками изъ исторіи балканской культуры.*

Разъ этимологическіе вопросы столь широко изслѣдуются авторомъ, то трудъ его можно признать не только вполнѣ удовлетворяющимъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы въ правѣ предъявлять всякому составителю этимологическаго словаря, но даже дающимъ *больше,* чѣмъ заставляетъ ожидать его заглавіе: въ экскурсахъ авторъ указываетъ во многихъ случаяхъ заимствованія, проникшія изъ румынскаго языка въ балканскіе языки и русскій (въ особенности малорусскій); вотъ почему трудъ его является особенно цѣннымъ для тѣхъ, кто пытается попробовать свои силы надъ изслѣдованіемъ „романскихъ заимствованій въ русскомъ языкѣ,“ — темой, назначенной нашей Академіей на соисканіе преміи имени М. И. Михельсона.

— Послѣ сказаннаго я уже считаю излишнимъ подчеркивать достоинства прекраснаго изслѣдованія Пушкаріу и перехожу къ недостаткамъ его, поскольку они отмѣчены мною при первомъ пользованіи этой книгой. При тщательномъ знакомствѣ автора съ лингвистической литературой, посвященной данному вопросу, насъ поражаетъ незнакомство его съ диссертаціей Murnu, Die rumänischen Lehnwörter d. Ngr. München 1903 и G. Meyer, Albanesische Studien IV, Wien 1896, если не указывать болѣе мелкихъ статей, упущенныхъ авторомъ. Перехожу къ частностямъ: на стр. 3, рум. acúm(a) „теперь“ выводится изъ лат. eccum-modo. Между тѣмъ это слово лучше, на мой взглядъ, признать заимствованнымъ съ ср-греч. ἀκόμα, < ἀκόμη < ἀκμήν, (о которомъ Krumbacher, K Z XXVII 543 сл, Dieterich Untersuchungen 41, JF XVI 20 сл).—Слово alior „чемерка“ (6 сл.) не образовалось изъ лат. helleborus,—вѣдь въ такомъ случаѣ оно было бы необъяснимо въ фонетическомъ отношеніи, — но заимствовано съ греч. ἀλλεβόρι < ἐλλέβορος. Въ н-греч. яз. это слово уцѣлѣло въ видѣ λιβόρι, Ophis; λεβόρ, Trapezunt, Syllogos XVIII 147, которое G. Meyer Ngr. St. IV 44 неправильно выводитъ изъ итальянскаго языка (см. М. Фасмеръ, Изв. XII, 2, 254). — Для слова broáscă (18) изъ лат. brōsca, по фонетическимъ причинамъ, необходимо предположить контаминацію съ греч. βρόθακος, но не въ виду калабрск. vrosaku, какъ полагаетъ авторъ (18), ибо это послѣднее слѣдуетъ признать позднѣйшимъ заимствованіемъ изъ новогреческихъ говоровъ южной Италіи, гдѣ β = υ, какъ въ общегреческомъ

произношеніи, а общегреч. δ соотвѣтствуетъ согласный *s* (см. Thumb, Handbuch 14),—Рум. caciula (21) врядъ ли вмѣстѣ съ авторомъ можно выводить изъ лат. *catteulla: *cattea: cattus. Это—сомнительно не только со стороны формы, но и со стороны значенія. Вѣроятнѣе, на мой взглядъ, поэтому видѣть источникъ румынскаго слова въ греческомъ κατσοῦλα, см. G. Meyer Ngr. St. III 29.—Слово cada (21) я, вмѣстѣ съ алб. káde, серб. када вывожу изъ греч. κάδα, которое являетъ увеличительнымъ къ греч. καδίον: κάδος (ошибочно G. Meyer Alb. Wb. 164). [1]). — Слово cápă (23), подобно алб. kapɘ и вульг-лат. cappa восходитъ къ средн.-греч. κάππα (см. G. Meyer Ngr. Stud. III 26 sq), что опять съ лат. capa (неточно Alb. Wb. 175). Аромунск. catsică „собачка" (27) не относится къ cătúșe, какъ полагаетъ P. (c. l.): слово это не возможно отдѣлить отъ обширной группы балканскихъ названій собаки kuč-, которыя образовались въ одномъ изъ этихъ языковъ (вѣроятно греческомъ) изъ восклицаній — „междометій" (см. Mikl. Et. Wb. 145, Korais Ἄτακτα II 330, V 132; G. Meyer Ngr. St. II 101 sq. Alb. Wb. 218).—Слово cucă „холмъ" (57) безъ сомнѣнія восходитъ къ османск-тур. kouka „шапка". Для перехода значенія можно указать параллель въ родѣ греч. καπάνι „холмъ" Понтъ, Syllogos XVIII 138; κούκουλλο „обрывъ, скала" Nisyros, Syll. XVIII 193 (см. G.Meyer Ngr. St. III 23 sq. и 33 sq).—Слово dáfin (42) изъ daphīnus своимъ *i* не обязано вліянію суфф.-inus, какъ думаетъ авторъ (c. l.). Claussen N. Jb. XV 412, Griech. Wörter im Franz. 40 sq. доказалъ, что Svarabhakti гласнаго звука уже произошло на греческой почвѣ (см. еще Dieterich Untersuch. 40 sq). Изъ того же источника заимствовано болг. *дафина* (неточно G. Meyer Alb. Wb. 58), др.-русск. *дафина*, см. Соболевскій РФВ IX 275, Mikl. Lex. Pal. 154, Denkschr. XV 83.—Мегленск. fúrnă (58) не равно аромунск. fúrnu, что съ лат. fúrnus, а опять заимствовано съ греч. φοῦρνα, о которомъ ошибочно Mikl. Türk. Elem. I 62, см. G. Meyer Ngr. St III 71 сл. Къ собраннымъ тамъ примѣрамъ я прибавлю греч. φοῦρνος, Эпиръ, Pio 33. Слово furtúna „буря на морѣ" (59) безъ сомнѣнія заимствовано съ греч. φορτοῦνα, что съ лат. fortúna. Переходъ значенія „несчастье, бѣда" > „буря" произошелъ на греческой почвѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ греч. φουρτοῦνα „бѣда," Astypalia, Pio 88. Неправильно G. Meyer Ngr. St. IV 98 считаетъ слово позднѣйшимъ романскимъ заимствованіемъ, см. Dieterich Untersuch. 22, W. Schulze KZ. XXXIV 245.—Слово òsinza (107), вмѣстѣ съ мак-рум. usăndze заимствовано съ греч. ὀξύγγι, что изъ ἀξοῦγγι путемъ народно-этимологическаго сближенія съ ὀξύς (см. G. Meyer Ngr. St. III 10 sq).—Слово poteț (1 19) „кувшинъ" восходитъ къ вульг-лат. *pottŭm, которое заимствовано изъ германскихъ нарѣчій; сравни нижн.-нѣм. Pott, голл. pot, англ. pot, др-нордск. pottr (см. Kluge Et. Wb.[6] 302). Значитъ, нашъ авторъ, (119) безъ основанія считаетъ этимологію румынскаго слова „невыясненной".—Слово radiche (126) скорѣе

[1]) Къ образованію такихъ формъ см. Hatzidakis Einleitung 363 sq Kretschmer B. Z. X 484.

всего заимствовано съ алб. radik'e (см. G. Meyer Alb. Wb. 360) или греч. ῥαδίκι (см. G. Meyer Ngr. St. IV 75); во всякомъ случаѣ принять комбинацію автора (126), которой онъ старается доказать латинское происхожденіе нашего слова,—очень трудно.

Какимъ образомъ можно соединять рум. scară „лѣстница" (138) съ болг. skara, алб. skarë „рашперъ, ростъ"—для меня совершенно непонятно. Вѣдь второе слово нельзя отдѣлить отъ н-греч. σκάρα < ἐσχάρα (см. G. Meyer Alb. Wb. 386, неточно: Mikl. Et. Wb. 298). Аромунск. šklàu „слуга" (139) см. Weigand Aromunen II 64 для насъ является пріятнымъ подтвержденіемъ того, что мы говорили о происхожденіи греческ. σκλάβος въ Zeitschr. f. deutsch. Wortf. IX 21 sq, ошибочно G. Meyer Ngr. St. IV 82. Какъ дополненіе къ сказанному тамъ замѣчу, что слово σκλαβώνω „in servitutem redigere" уже встрѣчается у византійскихъ писателей, рядомъ съ книжнымъ σθλαβώνω „ославянить" (см. Const. Porphyrogenn. De thematibus, ed. Bonn. III p. 53); Fallmerayer, Fragmente aus d. Orient² p. 496 sq. особенно p. 498 примѣч. 1, на немъ основываетъ свою гипотезу о славянизаціи Греціи [1]).—Слово splina (148) заимствовано съ греч. σπλήνα : σπλήν (теперь Livisi Musaeos 133, Ophis Syll. XVIII 164 и проч.)—Рум. tata только случайно является созвучнымъ слав. tata, алб. tatë, греч. τάτα (см. G. Meyer. Alb. Wb. 424 сл.). Заимствованія здѣсь, по фонетическимъ причинамъ, не могутъ быть отличены отъ словъ исконно-родственныхъ, что упускаетъ изъ виду нашъ авторъ (158).—Слово vătúiu (175) дѣйствительно восходитъ къ лат. vituleus, но мегленск. vitul'u (c. l.) заимствовано съ сѣв-греч. βιτούλ' (напр. Македонія, Ἀρχεῖα, I, 2, 77)=общ-греч. βετούλι (см. G. Meyer Ngr. St. III 14), что опять изъ лат. яз. Къ примѣрамъ у G. Meyer'a прибавимъ: βετούλι „молодая коза", Аркадія, Δελτίον VI 209. Не объясненное Миклошичемъ Et. Wb. 387 польск. vetula „jednoroczna koza" относится сюда же.—Не убѣдительна и этимологія рум. viţă „вѣтка" изъ лат. *vitea (179): скептикъ всегда будетъ настаивать въ этомъ случаѣ на томъ, что слово заимствовано у славянъ (см. Mikl. Et. Wb., 390). Относительно слова jur „кругомъ" (50) см. теперь Philippide, Bausteine z. rom. Phil. Festschr. f. Mussafia 50, Miklošić, Beiträge z. rum Vokalismus III 17. По поводу ciutura см. Philippide ibid. 52 sq.

Наши возраженія основательному автору являются результатомъ перваго впечатлѣнія, которое произвелъ на насъ его трудъ. Мы могли бы сюда же присоединить и другія еще замѣчанія, но отъ нихъ уже отказываемся, чтобы не слишкомъ увеличить объемъ своей рецензіи. Цѣль нашихъ замѣчаній вполнѣ будетъ достигнута, если цѣнный трудъ Пушкарію будетъ принятъ во вниманіе славистами и послужитъ подспорьемъ для этимологическихъ разысканій въ области балканскихъ языковъ.

СПБ. Іюнь 1907 г.

М. Фасмеръ.

[1]) На это мѣсто обратилъ наше вниманіе Dr. K. Dieterich—Leipzig въ письмѣ отъ 28 мая 1907 г. Разумѣется нашей статьей г. Пушкарію уже не могъ воспользоваться.

Деличъ, Ф. Библія и Вавилонъ. Изслѣдованіе. Перев. съ нѣмецк. Съ 47 рис. 124 стр.

Это уже четвертое изданіе интересной работы проф. Делича о Библіи и Вавилонѣ. Новое изданіе значительно переработано и дополнено третьимъ, еще неизвѣстнымъ русской публикѣ, этюдомъ, представляющимъ самъ по себѣ значительный интересъ и разсматривающимъ вопросъ съ новой точки зрѣнія. Въ двухъ первыхъ работахъ авторъ главнымъ образомъ подчеркиваетъ внѣшнее сходство религіи и быта Вавилонянъ и Израильтянъ, сходство многочисленныхъ преданій и обрядовъ у того и другого народа. Въ послѣдней же главѣ авторъ старается доказать болѣе или менѣе близкое сходство міровоззрѣній обоихъ народовъ, въ особенности ихъ взглядовъ на нравственность. Многочисленные вавилонскіе псалмы, сохранившіеся до нашего времени, съ неопровержимостью свидѣтельствуютъ, что нравственный уровень вавилонянъ былъ нисколько не ниже израильскаго. Болѣе того, — многія нравственныя идеи ихъ отличались такой глубиной и чистотой, какую едва ли можно найти въ Библіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не является знаменательнымъ тотъ фактъ, что въ извѣстной притчѣ о милосердномъ самарянинѣ, именно вавилонянина Христосъ поставилъ предъ всѣми людьми, какъ образецъ любви къ ближнему, сказавъ: „Иди, и ты поступай такъ же!"

Въ области отношеній между человѣкомъ и божествомъ, связь, порванная вслѣдствіе грѣхопаденія, возстановляется въ вавилонской религіи въ формѣ нѣжной трогательной взаимной любви и милости. „Люди — дѣти божества; ни одно несчастіе не можетъ постигнуть человѣка, если только онъ не прогнѣваетъ боговъ или богинь. Божество заботится о нуждахъ человѣка, помогаетъ ему въ затруднительныхъ случаяхъ, утѣшаетъ его въ горѣ и несчастіи". Утвержденіе, будто вавилоняне считали своихъ идоловъ богами, столь же мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности, какъ упрекъ въ идолопоклонствѣ католику, чтущему статую Мадонны. Боги вавилонянъ — это живыя силы, лишь олицетворенныя въ идолахъ, и по своимъ свойствамъ ничуть не отличающіяся отъ Бога израиля. Они — такіе же всемогущія, всевѣдущія, вездѣсущія существа, творящія все, что хотятъ, на небѣ и на землѣ, „на водахъ и во всѣхъ безднахъ". Выводы проф. Делича представляютъ интересъ не только для религіозно настроенныхъ людей. Они имѣютъ самый общій характеръ; траженія ихъ несомнѣнны и въ христіанствѣ, черезъ Библію и вѣроученіе Евреевъ. Но, съ другой стороны, намъ кажется, не нужно забывать, что не одни Вавилонскія преданія и жизнь вліяли на Евреевъ, да и сами Вавилоняне появились уже на культурной почвѣ.

Н. В—въ.

Журналы за 1907 годъ.

Записки классическаго отдѣленія И. Р. Арх. О-ва. Т. IV. *С. Жебелевъ.* Памяти И. В. Помяловскаго. (съ портр.) *Д. Ѳ. Бѣляевъ.* Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Кн. III. Богомольные выходы византійскихъ царей въ городскіе и пригородные храмы Константинополя. (съ 2 табл.). *Н. Лихачевъ.* Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы. (съ 5 табл.). Протоколы засѣданій Отдѣленія за 1904—1906 гг.

Извѣстия на семинара по славянска филология при университета въ София. Книга II. *С. Младеновъ.* Промѣнитѣ на граматическия родъ въ славянскитѣ езици. *М. Ивановъ.* Глаголната елипса въ болгарския езикъ. *Г. Георгиевъ.* Еркечанитѣ и тѣхниятъ говоръ. *М. Григоровъ.* Говорътъ на малорѣканцитѣ (мияцитѣ) въ Дебрърско. *И. Хаджовъ.* Мотиви за клетва въ нашитѣ народни пѣсни. *П. Парашкевовъ.* Погребалнитѣ обичаи у българитѣ. *С. Георгиевъ.* По говора въ с. Чешнегиръ Нова—Махала (Станимашко). *М. Григоровъ.* Критиченъ прѣгледъ на обнародованитѣ материяли по малорѣканския (миячки) говоръ. *М. Маждракова.* Библиография на славянската филология и литература въ българския печатъ прѣзъ 1905 и 1906 год.

Извѣстія О-ва Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанск. Унив. Т. XXIII, вып. 1. *Г. Ахмаровъ.* Свадебные обряды казанскихъ татаръ. *С. Матвѣевъ, свящ.* Гаданіе на кольцахъ у крещеныхъ татаръ. **Вып. 2.** *Н. Карауловъ 1-й.* Балкары на Кавказѣ (съ таблицею). *Д. Марковъ.* Частушки, собранныя въ Ветлужскомъ уѣздѣ, Костромской губ. *Его же.* Слова, записанныя въ Ветлужскомъ у. *А. Ивановъ, свящ.* Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ о чувашахъ, въ связи съ другими инородцами средняго Поволжья, съ 1756 по 1906 годъ.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и Словесности И. А. Н. Томъ XII, кн. 1. *И. Эндзелинъ.*—О происхожденіи литовско-латышскаго ē. *М. П-й.* Хожденіе на Востокъ Ѳ. А. Котова въ первой четверти XVII вѣка. *Н. Янчукъ.* Къ вопросу объ отраженіи апокрифовъ въ народномъ творчествѣ. *В. Н. Перетцъ.* Новыя данныя для исторіи старинной украинской лирики I—VI. *Н. М. Петровскій.* Рукописный пѣсенникъ XVIII вѣка. *А. Зачиняевъ.* Къ вопросу о коломыйкахъ. По поводу—Коломыйки. Зібрав Володимир Гнатюк. Том. I (Этнографічний Збірник. Видае етнографічна комісия наукового товариства імени Шевченка. У Львові, 1905) I—XII. *Г. Улашинъ.* Критико-библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ польскому языку (1901—1905). (Окончаніе въ кн. 2) **Книга 2-я.** *А. Музыченко.* Исторія поселенія и фонетическія особенности говора крымскихъ болгаръ (Памяти профессора Марина Степановича Дринова). *Н. Васильевъ.* Изъ наблюденій надъ отраженіемъ личности сказителя въ былинахъ *М. Фасмеръ.* Греко-славянскіе этюды. II Греческія заимствованія въ старославянскомъ языкѣ. Библіографія. *Г. Улашинъ.* Aleksander Brückner: Z dziedw języka polskiego Studija i szkice. (Lwów—Warszawa. 1903).

Národopisny Věstnik (Этнографическій Вѣстникъ чешскославянскій). № 6. *Янъ Тыкачъ.* Ленъ и льняной промыселъ въ околицѣ Чешскотребовской. Рецензіи на: Alice El. Dracott. Simla Village Tales.—Гейльборнъ и Бергъ. Антропологія и Этнографія.—Шайжинъ. Олонецкій фольклоръ.—Библіографія: XV. Кустарный промыселъ и народныя художественныя издѣлія. XVI. Одежда. **№ 7—8.** *Янъ Тыкачъ* (продолженіе) II. Прядение льна. *В. Душекъ* и *Ф. Выкоукалъ.* Рукописный свадебный уставъ половины XVII ст. *В. Тилле.* Словацкія сказки изъ Краковянъ. *Я. Науманъ.* Костеръ для жженія углей въ Черномъ Костельцѣ.—Рецензіи на 10 книгъ.—Библіографія:

XVII. Орнаменты, вышивки, кружева, писанки и др. XVIII. Гончарство и другія ремесла. XIX. Этнографическія общества, Музеи, выставки. Въ каждомъ №—Этнографическія мелочи. Извѣстія изъ Этнографическихъ обществъ и Музеевъ.

Русскій Филологическій вѣстникъ. 1907 г. № 2. *С. Кульбакинъ.* Къ вопросу о польскомъ го. *Н. Петровскій.* Сказанія о царѣ Михаилѣ. *В. Бобровъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ (продолженіе). Труды Московской Діалектологической комиссіи: Отчеты о поѣздкахъ для изученія народныхъ говоровъ. *Н. Дурново, Н. Соколова, А. Мадуева.* Критика и библіографія.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. Томъ LXXXII. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и словесности за 1906 годъ, составленный академикомъ *Н. Кондаковымъ.*—Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1905 году. (Рецензіи на труды: С. Булича — А. Будиловича, Я. Соколова — И. Бычкова, Н. Дурново — Н. Каринскаго и А. Яцимирскаго—Хр. Лопарева). *Н. Никольскій* Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности I—XXIII. *С. Малевичъ.* Бѣлорусскія народныя пѣсни.—Отчетъ о присужденіи преміи имени графа Д. А. Толстаго въ 1906 году. (Рецензіи на труды: П. Васенка.—А. Соболевскаго, А. Лукьяненка.—И. Ягича, А. Трусевича—Е. Ѳ. Карскаго.). *П. Симони.* Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнемъ сѣверѣ Московскаго царства. 1) Съ полнымъ снимкомъ и текстами всѣхъ шести пѣсенъ по подлинной рукописи, хранящейся въ Оксфордѣ, и 2) съ приложеніемъ чтенія пѣсенъ академика Ѳ. Е. Корша съ отмѣтками указаній касательно ритмическихъ ихъ особенностой.—*Е. Карскій.* Матеріалы для изученія Бѣлорусскихъ говоровъ, Выпускъ V.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ. Кн. 12. Лекціи *Ѳ. И. Буслаева.* Е И. В. Наслѣднику Николаю Александровичу (1859—1860), LXI—XCIII. (Окончаніе). Чаша Государева, слогъ князя *И. С. Куракина,* литературный памятникъ XVII вѣка.

Старые Годы. № 7—9. *А. Бенуа.* Первоначальный Елисаветинскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ. *Э. Ленцъ.* Замѣтки о Тульскомъ оружейномъ заводѣ въ XVIII вѣкѣ. *Ѳ. Беренштамъ.* Четыре вида города Петербурга М. Махаева *Бар. Н. Врангель.* Русскія книги XVIII вѣка по искусству. Хроника и Мелкія замѣтки. **№ 10.** *В. Верещагинъ.* Путевые наброски (см. хронику). А. Яцимирскій. По поводу изданія Н. П. Лихачева. **Приложеніе.** *Бар. Фельгерзамъ.* Алфавитный указатель золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ.

Труды Владимірской ученой архивной Коммиссіи. Кн. 8. *Н. Ушаковъ.* Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи и иконописцахъ Владимірской губерніи. *Ѳ. Сахаровъ.* Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ г. Владиміра. Ч. 1-я (1720—1855 гг.). *С. Недешевъ.* Краткое описаніе рукописей церковноисторическаго древлехранилища при братствѣ Александра Невскаго. В. 1. *В. Косаткинъ, прот.* Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимірской епархіи, построенныя до начала XIX ст. Краткія историческія свѣдѣнія съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Ч. 1-я. Монастыри.

Україна. № 5. *І. Стешенко.* Історія українськоі драми (также въ №№ 6—9). *В. Даниловъ.* „Лілея" Шевченка и „Lilie" Эрбена. **№ 6.** Сповидь віроучителя сектанта з передмовою *Г. Вашкевича.* (также въ №№ 7—9.) *Г. Барацъ.* О библейско—агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи. *В. Даниловъ.* Порівняння смерті і весілля въ українських погрібових голосіннях. **№ 7—8.** *Е, Ткаченко—Петренко.* Думы въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ. *В. Даниловъ.* Обращеніе къ читателямъ о собираніи украинскихъ похоронныхъ причитаній. *О. Русовъ.* Де-що про „панів" у колядках. **№ 9.** *С. Петлюра* Вірша 1786 року на київськихъ ченців.

Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета. *Архангельскій, А.* Русская литература XVIII вѣка. №№ 1—3, 8—9.—*М, Хвостовъ.* Развитіе внѣшней торговли Египта въ греко-римскій періодъ. №№ 1, 4 и 5.— *Б. Варнеке.* Новѣйшая литература о мимахъ. № 3.—*Д. Нагуевскій.* Ch. Huelsen. Das Forum Romanum. Seine Geschichte und seine Denkmäler. №№ 2 и 3.—*Е. Будде.* Лекціи по исторіи русскаго языка. №№ 3—7.—*В. Бородицкій.* Замѣтки по экспериментльной фонетикѣ № 4.—*Онъ же.* Къ методологіи и техникѣ экспериментаально—фонетическихъ изслѣдованій, № 8—9.—*Онъ же.*

Курсъ сравнительной грамматики аріоевропейскихъ языковъ. Тетрадь 3-я. № 10.

Филологическія Записки. В. 1. Славянская миѳологія Людовика *Леже.* (Перев. съ фр. *А. Пасенко*).

Этнографическое обозрѣніе. № 1 и 2 (двойной). *В. Налимовъ.* Загробный міръ по вѣрованіямъ зырянъ. *А. Марковъ.* Къ вопросу о методѣ изслѣдованія былинъ. *Е. Елеонская.* Изъ иностранной литературы. Къ вопросу о возникновеніи и сложеніи сказки. *В. Харузина.* О преданіяхъ про животныхъ, жительствующихъ при храмахъ. *В. Ржига.* Четыре духовныхъ стиха, записанныхъ отъ каликъ Нижегородской и Костромской губерній. *А. Можаровскій.* Свадебныя пѣсни Казанской губерніи. *Е. Поповъ.* Нѣкоторыя данныя по изученію быта русскихъ на Колымѣ. *В. Степановъ.* Современныя народныя собранія, игры, танцы и пѣсни (частушки и другія) въ деревнѣ. *Е. Казимиръ.* Изъ свадебныхъ и родильныхъ обычаевъ Хотинскаго уѣзда Бессарабской губерніи. *Она же.* Изъ свадебныхъ, родильныхъ и похоронныхъ обычаевъ Подольской губерніи.

Критика и библіографія. Хроника.

Н. В.

Новости литературы.

Абрамовъ, Ив. На Украйнѣ. (Изъ дорожнаго альбома.) 8 стр. съ рис.

Алтайскій Сборникъ. Изд. Алтайск. подъотдѣла Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О-ва. Т. VI.Барнаулъ. Стр. 101+III+11 нен.+24+159. Тоже. Т. VII. Барнаулъ. Стр. 156.

Алферовъ. А. и *Грузинскій, А.* Допетровская литература и народная поэзія. Тексты, переводы, примѣчанія, словарь. М. VIII+478 стр. съ 14 рис.

Русская литература XIII вѣка. М.

Амфитеатровъ А. В. Македонскіе евреи. Спб.

Аникіевичъ, К. Т. Сѣнненскій уѣздъ, Могилевской губерніи. Опытъ описанія въ географическомъ, историческомъ, этнографическомъ, бытовомъ, промышленномъ и статистическомъ отношеніяхъ. Могилевъ, 8 д. 5 нен.+148 стр., съ картою, схемою 2-хъ озеръ и рис.

Archiv pro lexikografii a dialektologie, cislo 4. V Praze.

Барановъ. Словарь монгольскихъ терминовъ. А—Н. Харбинъ.

Барацъ, Г. О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи. Выпускъ I. Кіевъ.

Библіотека Пермскаго Научно-Промышленнаго Музея. Пермь.

Благовѣщенскій А. Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1907 годъ. Петрозаводскъ.

Богумилъ, А. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. (XVI в. - 1812 г.). К.

Бороздинъ. А. К., проф. Русское религіозное разномысліе. Съ Преображенскаго кладбища.—Основатель новоженства.—Распространитель ученія о приходѣ антихриста.—Основатель скопчества въ Россіи.—Общій очеркъ развитія раскольничьей литературы.—Расколъ въ Поморьѣ.—Духоборы на Кавказѣ.—Сильвестръ Медвѣдевъ. Изданія 2-е, дополненное. Спб.

Будде, Е. Ѳ., проф. Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань.

Будиловичъ, А. С. О единствѣ русскаго народа. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества 14 февраля 1907 г. Спб.

Быковскій, Ив. Каз. Преображенскій приходъ старообрядцевъ-ѳеодосіевцевъ старопоморскаго благочестія въ Москвѣ. Съ портретомъ и краткимъ біографическимъ очеркомъ основателя Ильи Алексѣевича Ковылина Въ память первой годовщины колокольнаго звона. Историческій очеркъ. 2-е изданіе, исправл. и дополн. М.

Бѣляевъ, И. С. Практическій курсъ изученія древней русской скорописи, для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій. М. 84 стр.

Верманъ, К. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. И. Сомова. Томъ второй, вып. 6—9. Спб.

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Испанцы. Съ 10 картинками. Третье изданіе, исправл. и дополненное. Спб.

Врадій, В. П. Оружейные и охотничье-промысловые предметы сибирскихъ музеевъ и сибирскихъ выставокъ. Спб.

Галицкая Русь прежде и нынѣ. Историческій очеркъ и взглядъ на современное состояніе. Очевидца. Спб.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. 3-е изданіе. Выпускъ 8-й. Съ 6 раскрашенными таблицами, 3 рисунками на цвѣтномъ фонѣ и 175 рисунками въ текстѣ. (Иллюстрированная библіотека „Нивы").

Города Россіи въ 1904 году. Спб.

Гренхагенъ, К. Б. Спутникъ на Иматру, Выборгъ, Вильманстрандъ и Сайменскій каналъ. Изд. 3 е. Спб.

Громовъ. А. Очеркъ научной дѣятельности проф. И. А. Шляпкина. Спб. 16 стр.

Грушевскій, Мих., проф. Вопросъ объ украинскихъ кафедрахъ и нужды украинской науки. Спб.

— Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. Спб.

— Освобожденіе Россіи украинскій вопросъ. Статьи и замѣтки. Спб.

— Очеркъ исторіи украинскаго народа. Изданіе 2-е, допоненное. Спб.

Г. С. д-ръ. Маленькій путеводитель по Крыму. 2-е изданіе. Спб.

Гурьяновъ, В. П. Иконы Спасителя письма Симона Ушакова. М.

— Сказаніе о блаженной великой княгинѣ Евдокіи во инокиняхъ Евфросиніи. Выпись изъ лицеваго Царственнаго Лѣтописца. М.

Даль, Вл. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Изд. III, дополн. и исправ., подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Томъ III.

Даниловъ. В. Символика птицъ и растеній въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. Кіевъ. 18 стр. (Отт. изъ „Украіны").

Его-же. Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. 12 стр. (Отт. изъ „Историч. Вѣстн.").

Его-же. „Лілея" Шевченка и „Lilie" Эрбена. 9 стр. (Отт. изъ „Украіны").

Дарвинъ, Чарльзъ. Мое міросозерцаніе. Религіозное міросозерцаніе. — Происхожденіе видовъ—Происхожденіе человѣка.—Зачатки духовной жизни.—Нравственная культура. Съ введеніемъ д-ра Бруно-Вилле. Переводъ С. П. и Г. Г. Сониныхъ, подъ редакціей В. В. Битнера. Изданіе „Вѣстника Знанія". Спб.

Декертъ, Э. Сѣверная Америка. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія А. Л. Погодина. Выпускъ I. Спб.

Demeл, Ф. Библія и Вавилонъ. Изслѣдованіе. Съ 47 рисунк. Переводъ съ нѣмецк. бар. А. А. Нольде. Изданіе 4-е, переработан. и дополнен.

Денисовъ, Андрей, кн. Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ. М.

Дилевская, Н. Черноморскія степи. Съ рисунками и карт. М.

Добрынинъ, Л. и *Бѣлугинъ, Ѳ.* Прикаспійскія степи. (Астраханская губ. и Уральская область). Съ рисунками. М.

Дюфуръ, Пьеръ. Исторія проституціи романскихъ, германскихъ и славянскихъ народовъ. Переводъ съ послѣдняго изданія Р. М. Спб.

Essipoff, B. Pologne Russe. Esquisse économique et statistique. Varsovie.

Есиповъ, Б. В., проф. Привислинскій край. Варшава.

Его же Россія. Популярные очерки. Варшава.

Жебелевъ, С. А. и *Мальмбергъ. В. К.* „Три архаическихъ бронзы изъ Херсонской губерніи". Матеріалы по Археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою. комиссіею Спб. 57 стр. 4 табл. и 30 рис.

Записки Императорскаго новороссійскаго университета. Томъ сто восьмой Одесса. 408+304 стр.

Записки Читинскаго Отдѣленія Приамурск. Отд. И. Р. Г. О-ва, вв. 2—4. Чита.

Записки Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Кн. XXXVI, вв. 1, 2 и 3 Тифлисъ.

Zbornik za narogni život i običaji južncih slavena. Кн. XII, w. 1. V. Zagrebu.

Ивановъ. Ив. Ив. Расказы о старинѣ. Будда и буддизмъ. Культурно-историческіе очерки. М. 244 стр.

Ивченко А. Въ Оренбургскомъ краѣ. I—III.

Его-же. Въ пустыняхъ Туркестана Спб.

Извѣстія. Восточнаго Института. Т. XII.; т. XIV; приложенія. 1, 2; т. XVII. Владивостокъ.

Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи. Выпускъ 21. Съ 9 таблицами и 30 рисунками. Спб. Вып. 22. Спб. 1907. 2+144 стр. съ111 рис. и 1 табл.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. XIX, № 2. Стр. 113—176+14.

Известия на Етнографически Музей въ София. Кн. I. София.

Извѣстія отдѣленія рускаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1907 г. Т. XII, кн. 1-я. Спб. 486 стр.; кн. 2-я. Спб. 501 стр.

Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, т. VI. Ташкентъ. 88+IX+XXX—XVI стр.

Исторія культуры. Расцвѣтъ и увяданіе въ жизни народовъ. Въ 3-хъ частяхъ. Въ основу положена исторія культуры А. Швейгеръ-Лерхенфельда. Дополненія сдѣланы по Липперту, Кольбу, Боклю, Милюкову и др. Переводъ и дополненія М .Н. Т., подъ редакціей В. В. Битнера. Со многими рисунками. Вып. II. Изданіе „Вѣстника Знанія". Спб.

Исторія священства старообрядцевъ, пріемлющихъ священство отъ грекороссійской церкви, и о непрерывномъ другопріимствѣ, отъ 1666 г. и до манифеста 17 октября 7414—1905 г. Съ портретами нѣкоторыхъ священниковъ. Издалъ Л. М. Орловъ. Москва.

Истринъ, В. М. Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка. Выпускъ I. Спб.

Кавелинъ, К. Д., проф. Наши инородцы и иновѣрцы. Спб.

Камасинскій, Я. В. (псевдонимъ). Отъ С.-Петербурга до Байкала. Путеводитель по сѣверной (С.-Петербургъ, Вологда, Вятка, Пермь, Екатеринбургъ, Челябинскъ) и Сибирской желѣзной дорогѣ. Спб.

Кларкъ, И. С. Спутникъ по Сибири, Маньчжуріи, Амуру и Уссурійскому краю. Выпускъ III. Лѣтнее движеніе 1907 года. Владивостокъ.

Ковалевскій, П. И., проф. Библія и нравственность. Спб. Изд. „Вѣстн. Душевныхъ Болѣзней", 5 е. 24 д. 60 стр.

Короленко, Владиміръ. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія, замѣтки. Шестое исправленное и дополненное изданіе. Спб.

Крашенинниковъ. Н. Угасающая Башкирія. М.

Кутшеба, Станиславъ, д-ръ. Очеркъ исторіи общественно - государственнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго подъ редакціей и со вступительной статьей прив.-доцента Имп. Петерб. университета Н. В. Ястребова. Спб.

Лезинъ, А. Финляндія. Съ рисунками. М.

Ljetopis Jugoslavenske Akademije Znatnosti i Umjetnosti za godinu 1906. 21 svezak. U Zagrebu.

Лѣтопись Историко - Филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. XII. Одесса. 1905.

Лѣтопись... XIII. Византійско-Славянское отдѣленіе. VIII. Одесса.

— XIV. Одесса.

Лядовъ, А. 35 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса съ сопровожд. фортепьяно. Спб.

Лямина, М. А. Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшихъ временъ до начала XX столѣтія. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1908.

Ляскоронскій, В. Г. Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчевое время и походъ кн. Витовта на татаръ въ 1399 году. Спб.

Макаренко, Н. Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Полтавской губерніи въ 1906 г. 54 стр. (Отт. изъ 22 в. „Изв. Археолог. Ком.")

Марръ, Н. Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи. Книга X. О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г. (Предварительный отчетъ). Спб.

Матеріалы для статистики Лифляндской губерніи. Т. II, вв. 4—12. Рига. 1906—1907.

Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки. Съ музыкальными приложеніями и иллюстраціями. Труды музыкально-этнографической комиссіи Т. I. М.

Матеріалы по масонству въ Россіи Архивъ Н. Ф. Романченко. Спб.

М—е. Сибирь и Дальній Востокъ. Общія положенія.—Сибирь и Америка.—Положеніе наше на Дальнемъ Востокѣ. — Значеніе Сибири.—Колонизація Сибири.—Значеніе переселенія.—Богатства края. — Золото.— Пути сообщенія, средства постройки.—Выводы. Спб.

Менделѣевъ, Д. Къ познанію Россіи. Съ приложеніемъ карты Россіи. 6-е изданіе. Спб.

Мечъ, Сергѣй. Италія. Съ 40 рисунк. въ текстѣ. 2-е изд. М. 88 стр.

Минеи-Четьи на русскомъ языкѣ. Книга 8-я. М. 516+2 стр., съ рис.

Морозовъ, Николай. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Исторія возникновенія апокалипсиса. Изданіе 2-е. исправленное и дополненное. Съ 65 рисунками и снимками съ древнихъ астрономическихъ картъ Пулковской обсерваторіи. М.

Мюнстербергъ, Г. Американцы. Духовная и соціальная жизнь. Томъ второй. Переводъ съ нѣмецкаго. М.

Незеленовъ, А. Исторія русской словестности. Часть I-я. Изд. 15-е. М. 239 стр.

Неслуховскій, К. Карта великаго пе-

реселенія народовъ въ III, IV, V и VI вѣкахъ. Спб.

Нибуръ, Г. Г. Рабство какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ. М.

Новомбергскій, Н. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ. VII+387+XCIX+V стр.

Орловъ, А. Происхожденіе названій русскихъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ рѣкъ, городовъ, племенъ и мѣстностей. Вельскъ.

Орловъ, К. В. О первобытномъ человѣкѣ. Вильна.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1906 г.. М. 179 стр.

Отчетъ о дѣятельности Музея Антропологіи и Этнографіи имени Петра Великаго, за 1906 г. Спб. 16 стр.

Отчетъ о дѣятельности Русскаго Музея Имп. Александра III за 1906 г. 47+10 стр. F.

Отчетъ по Минусинскому городскому Мартьяновскому Музею и общественной Библіотекѣ за 1905 г. Минусинскъ.

Павловскій, Владиміръ. „Вогулы". Казань. 229+VIII стр.

Памятная книжка Архангельской губерніи на 1907 годъ. Составлена Н. А. Голубцовымъ. Архангельскъ. 1907.

Пантюховъ, И. И. Кіевскій и Уманскій уѣзды въ антропологическомъ отношеніи. Кіевъ.

Пекарскій, Э. Образцы народной литературы якутовъ. В. 1. Спб. 80 стр.

Его-же. Словарь якутскаго языка В. 1. 20 стр.+320 стлб. 4°.

Пермскій Научно - Промышленный Музей. Краткій указатель. Извлеченіе изъ путеводителя И. Г. Остроумова. Пермь.

Петрушевскій, Дмитрій, проф. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства М.

Платоновъ, С. Ѳ. проф. Лекціи по русской исторіи. Спб. 651 стр.

Потанинъ, Г. Областническая тенденція въ Сибири. Томскъ. 16 д. 64 стр.

Преображенскій, И. В. Подлинная или подложная книга Библія? (По поводу возбужденныхъ Гастономъ Чамберлэномъ толковъ объ „историческомъ подлогѣ"). Спб.

Путеводитель и планъ города Москвы. Краткое описаніе древнихъ и современныхъ достопримѣчательностей и окрестностей М. 1908.

Путеводитель по Туркестану и желѣзнымъ дорогамъ Ташкентской и Средне-Азіатской. 1907—1908. Составленъ по оффиціальнымъ даннымъ, подъ редакціей А. И. Дмитріева-Мамонова. Съ портретами. 240 фото-типогравюръ. Карта Туркестана. Спб.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Томъ II. Изд. 3-е. Спб. 558 стр.

Rad. Jugoslavenske Akademije znatnosti i umjetnosti. Кн. 168 и 169. U Zagrebu.

Реклю, Элизе. Человѣкъ и земля. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. Выпуски XXVII и XXVIII. Спб.

Ренанъ, Эрнестъ. Очерки по исторіи религіи. Переводъ съ французскаго Вл. Кауфмана. Книга первая. Спб.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Томъ шестнадцатый. Западная Сибирь. Съ 104 политипажами, 34 діаграммами, картограммами и схематическими профилями, 1 большой справочной и 9 малыми картами. Составили: И. П. Толкачевъ.—Г. М. Красныхъ.—А. Н. Сѣдельниковъ.—Ф. Н. Бѣлявскій.—С. Д. Чадовъ.—Б. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій. Спб.

Сапожниковъ, В. В., проф. Очерки Семирѣчья. II. Джунгарскій Алатау и одна экскурсія въ Заилійскомъ Алатау. Съ картами и 44 автотипіями. Томскъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. В. XXXVI. Тифлисъ.

Сѣницкій, Ил. „Архагтелови вѣщания Марии." і благовіщенська містерія. У Львові. 76 стр.

Сибиряковъ, А. М. О путяхъ сообщенія Сибири и морскихъ сношеніяхъ ея съ другими странами. Спб.

Симони, Павелъ. Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій. Съ объяснительными замѣчаніями. Выпускъ II. 1. Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнемъ сѣверѣ Московскаго царства. съ 15 снимк. Спб. 29 стр.

Его же. Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій. Вып. VII, I. Повѣсть о горѣ и злосчастіи, какъ горе злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ. Съ портр. А. Н. Пыпина, снимками и прилож. чтенія „Повѣсти о Горѣ-Злосчастіи" съ отмѣтками Ѳ. И. Корша Спб. Изд. 2-е. доп. 1. нен.+3+88 стр.

Словарь русскаго языка 2-го отд. И. А. Н. Т. II, в. 9 (Зельецо-Зятюшко) Спб. Стлб. 2653—2966. 4°.

Соколовская, Тира Тайная масонская инструкція шотландскимъ мастерамъ (начало XIX в.). Изъ матеріаловъ для исторіи русскаго масонства. Спб.

— Уставъ вольныхъ каменьщиковъ (XVIII—XIX вв.). Изъ матеріаловъ для исторіи русскаго масонства. Спб.

Студитскій, И. Третій областной Историко - Археологическій Съѣздъ въ г. Владимірѣ, Кострома. 16 стр.

Стуковъ, Т. Народныя лекарственныя травы Забайкалья. VI вып. Читинск. отд. И. Р. Т. О-ва. Чита. 45 стр.

Сугорскій, И. Н. Въ туманахъ сѣдой старины. Къ варяжскому вопросу. Англо-русская связь въ давніе вѣка. Спб.

Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета. В. XXVII—XXXI. Варшава, 1907.

Труды Владимірской Ученой Архивной Комиссіи. Кн. VIII. Владиміръ. 1907.

Труды Вятской ученой архивной Комиссіи 1906 г, вып., V—VI. Вятка. 60+183+12+72+VI. стр,

Труды Туапсинскаго научно-промышленнаго музея. Кн. I. Туапсе. 1907. 61 стр.

Тулуповъ, Н. В. и *Шестаковъ, П. М.* Очерки и разсказы для первоначальнаго знакомства съ исторіей. Часть I. 1. Изъ жизни первобытнаго человѣка. 2. Изъ исторіи русскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до XIX вѣка включительно. Со многими рисунками и снимками съ картинъ.

Тургеневъ, Николай. Россія и русскіе. Часть вторая. Первое русское изданіе.

Турцевичъ, Ар. Краткій историческій очеркъ Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ. 1864—1906. Вильна. 66 стр.

Флоринскій, Т. Д., проф. Славянское племя. Статистико - этнографическій обзоръ современнаго славянства. Съ приложеніемъ двухъ этнографическихъ картъ. Кіевъ.

Хавкина, Л. Б. Индія. Популярный очеркъ. Со многими рисунками и картой. М.

Харузина, В. Къ вопросу о почитаніи огня. (Отт. изд. 3—4 кн. „Этногр. Обозрѣніе“ за 1906 г.).

Хахановъ, Александръ С. Очерки по исторіи грузинской словесности. Выпускъ 4-й Литература XIX вѣка. М.

Хитрово, Т. Л. Уралъ. Съ рисунками. М.

Что такое Библія? 1-й библейскій выпускъ. (Религіозно - философская библіотека вып. XII). М.

Шахматовъ, А. Какъ назывался первый русскій святой мученикъ? Спб. 4°. (Отт. изъ „Изв. И. А. Н.).“

Шваб, Г. Мифы классической древности. Съ нѣм. Н. Свентицкой. М.

Шлейденъ, М. Я., проф. Мученичество евреевъ въ средніе вѣка. Перев. съ нѣм. Л. А. Цукерманъ. Спб.

Штернъ, Э. фонъ. Изъ коллекціи I. Л. Копельскаго. Медальонъ съ изображеніемъ Афины изъ Ольвіи. Одесса. 8 стр. съ рис.

Энгельсъ, Фридрихъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. (По Моргану). Спб.

Я., Вас. 25 лѣтъ ученой дѣятельности проф. И. А. Шляпкина. 3 стр. съ портр. (Отт. изд. „Русск. Стар.“).

Яцимирскій, А. Румыно-славянскіе очерки. Судьба славянскихъ носовыхъ въ словахъ заимствованныхъ румынами. В. III, ч. 1, „Языкъ и этнографія.“ Спб. 20 стр.

Н. В.

Въ настоящее время книгоиздательскимъ товариществомъ „Просвѣщеніе“ печатается, подъ редакціей извѣстнаго библіографа г. Каллаша, полное **собраніе сочиненій** извѣстнаго писателя-этнографа **С. В. Максимова**, автора „Сибири и каторги“, „Поѣздки на Амуръ“, „Года на сѣверѣ“ и другихъ произведеній.

Императорское русское географическое общество рѣшило приступить къ составленію и изданію **новой географической карты Европейской Россіи**. Съ этой цѣлью совѣтъ общества обращается съ просьбой ко всѣмъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ оказать свое содѣйствіе въ доставленіи имѣющагося въ ихъ распоряженіи картографическаго матеріала, а также трудовъ соотвѣтственнаго характера административныхъ и общественныхъ учрежденій и проч.

Въ настоящее время въ „Сборникѣ И. А. Н.“ печатаются собраніе **русскихъ народныхъ драмъ**, собранныхъ Н. Н. Виноградовымъ. Къ тексту будутъ приложены и изслѣдованія въ области русской народной драматической поэзіи. Новое изданіе займетъ цѣлый томъ „Сборника“, т. е. свыше 50 печатныхъ листовъ.

Въ настоящее время открыта подписка на художественный фото типный **альбомъ „Вся Россія“**. Альбомъ будетъ состоять изъ фото типій историческихъ памятниковъ и этнографическихъ типовъ всей Россіи. Альбомъ предполагается изъ девяти томовъ, по 100 фототипій въ каждомъ.

Книгоиздательствомъ А. С. Суворина печатаются **Записки о московитскихъ дѣлахъ** Сигизмунда, барона Герберштейна. Перев. А. И. Малеина.

Изданіе **„Географическаго словаря Царства Польскаго и сосѣднихъ славянскихъ странъ“**, предпринятое въ Варшавѣ въ 1880 году, нынѣ закончено. Несмотря па цензурныя препятствія, словарь благополучно доведенъ до конца и представляетъ собою цѣнную географическую энциклопедію всѣхъ мѣстностей, гдѣ живутъ поляки. Все изданіе состоитъ изъ 15 большихъ томовъ. Цѣна словаря 40 руб.

Краковская академія наукъ приступила къ изданію **„Энциклопедіи польской культуры“**.

Въ настоящее время печатается второе русское изданіе книги д-ра *Ст. Кутшебы* **„Очеркъ исторіи общественно-государствен-**

наго строя Польши". Для этого изданія книга переведена съ польскаго подъ редакціей и со вступительной статьей прив.-доц. Н. В. Ястребова.

Г. Пекарскій готовитъ къ печати 2-й вып. словаря якутскаго языка, составленіе котораго ему поручила Императорская Академія Наукъ.

Гастонъ Кагенъ выпустилъ въ Парижѣ историческое изслѣдованіе о сношеніи съ Россіей и Китаемъ въ концѣ XVII и началѣ XIX вѣка.

Капитанъ Данри выпустилъ описаніе путешествія изъ Самарканда въ Лассу п. з. „Ordre du zar", съ иллюстраціями Дютріана.

Въ Штутгардтѣ вышло историко-богословское изслѣдованіе Т. Планга. „Былъ ли Христосъ—индусъ?".

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Пища покойникамъ у современныхъ малороссовъ.

Въ Кролевецкомъ уѣздѣ Черниговской губ. до настоящаго времени сохранился старинный пережитокъ—класть пищу покойникамъ въ гробъ. Кладутъ баранки и яблоки взрослымъ, а дѣтямъ конфекты и пряники, въ рѣдкихъ случаяхъ ставятъ также и водку. Духовенство всегда настойчиво боролось съ этимъ древнимъ обычаемъ и онъ сохранился до нынѣ лишь въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ.

Одинъ крестьянинъ, Гавр. Савченко, изъ села Березовая Гать, стоящаго на границѣ Кролевецкаго и Новгородсѣверскаго уѣздовъ, такъ разсказывалъ объ этомъ обычаѣ, пишущему эти строки,

— Позвали разъ меня на Коваленковъ хуторъ дѣлать домовину (гробъ),—у Коваленка умерла мать. Вотъ я и сдѣлалъ. Убрали они покойницу, какъ слѣдуетъ, положили въ домовину; около головы положили вязку бубликовъ (барановъ), а съ другого боку—два яблока.

— Было тогда кормить,—сказалъ я, — когда ѣла, а теперь поздно.

Пришелъ священникъ и воспротивился:

— Примите,—приказалъ,—баранки и яблоки, отъ этого только гниль заводится.

Сталъ упрашивать Коваленко батюшку, чтобъ оставить, однако тотъ разрѣшенія не далъ. Если умираетъ дѣвушка, то ее убираютъ въ цвѣты, все равно какъ къ вѣнцу.

Ив. Абрамовъ.

Легенда пчеловодовъ.

На пасѣкѣ, подъ селомъ Ушивкой Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губ., я слышалъ отъ пасѣчника Григорія Коваленка слѣдующую легенду:

Было время, когда въ Россіи пчелъ не было, а водились онѣ только въ одной чужеземной сторонѣ; жили онѣ въ скалахъ, не выпускали

роевъ и не распространялись по всѣму свѣту. Такъ было много лѣтъ, пока не народились на свѣтъ Божій святые угодники Зосима и Савватій. Порѣшили они распространить пчелъ по всему свѣту и стали объ этомъ молить Господа Бога. И постановилъ Богъ, чтобы въ извѣстное время вылетали рои и летѣли бы тѣ рои въ разныя стороны, и садились бы гдѣ придется. Который человѣкъ огребетъ рой, тому онъ и принадлежать долженъ, и никто не въ правѣ отнимать у него. Стали пчелы разлетаться по разнымъ сторонамъ, стали ихъ люди ловить и заводить себѣ пасѣки. Кто поймаетъ рой, тотъ ему и хозяинъ, и никакимъ судомъ нелья отъ него отбирать. Въ разныя стороны летятъ рои, а больше всего наровятъ на восходъ солнца и на полдень, на западъ же и на полночь онѣ рѣдко когда направляются.

Ив. Абр.

Этнографическія мелочи.

Изъ Кадниковскаго уѣзда.

I. Преданія и легенды.

По дорогѣ отъ с. Ивачина къ д. Яскину (Васьяновской волости) находится болото. По преданію, на мѣстѣ этого болота было озеро. Однажды одинъ изъ князей Пѣнкиныхъ по озеру катался въ лодкѣ, и въ это время поднялась на озерѣ буря и такая сильная, что князю грозила смерть. Въ избавленіе отъ опасности онъ далъ Богу обѣтъ построить на берегу озера храмъ во имя Вассіана Преподобнаго, каковой обѣтъ былъ имъ и исполненъ.

Между деревнями Цѣцово и Митинское (той-же волости) есть прудъ. По преданію, въ срединѣ этого пруда положена плита, подъ ней кладъ, состоящій изъ двухъ бочекъ золота и положенъ онъ княземъ Пѣнкинымъ. Увѣряютъ, что если плиту эту открыть, то изъ подъ нея выйдетъ столько воды, что она затопитъ всю Васьяновскую волость.

Подъ д. Деревягино, на берегу рѣки Кубины стоятъ двѣ сосны, когда онѣ выросли никто изъ крестьянъ не помнитъ: есть преданіе, что около нихъ похоронено много холерныхъ людей, а самыя сосны заповѣдныя, кто нихъ срубитъ тотъ сразу умретъ. (Васьяновская волость).

Близь д. Митинское въ поляхъ, есть двѣ ели, онѣ находятся одна въ сторонѣ къ с. Ивачину, а другая къ д. Можайкѣ. По преданію эти ели также заповѣдныя, кто срубитъ первую,—у того нога отвалится, вторую—рука отнимется.

II. Народный разсказъ изъ Русско-Японской войны.

Съ Японской стороны пріѣхалъ на русскихъ великанъ болѣе сажени росту „давай,“ говоритъ, „выѣзжайте, помѣримся со мною силами, мнѣ трехсотъ мало“.

Наши козаки не сплошали, одинъ коня убилъ, другой—петлю на великана на шею накинулъ, а третій подбѣжалъ да и голову ему отрубилъ; говорятъ, что одна голова три пуда вѣсила". Крестьяне во все время до окончанія войны были убѣждены, что Богъ поможетъ русскимъ побѣдить врага.

III. Народный языкъ „не по нашему".

Въ Васьяновской волости, въ крестьянской великовозрастной дѣвичьей массѣ, неизвѣстно съ какого времени, для цѣлей интимнаго характера существуетъ особый языкъ „не по нашему". Дѣвушки строго охраняютъ тайну произношенія этого языка, охраняя его отъ посягательства старшихъ и дѣтей.

Для примѣра поревода на этотъ языкъ, беру слѣдуюшую фразу: „парень сватался къ дѣвушкѣ, да ее не отдаютъ". Па-фара ре-ферень сва-фара та-фара лся-фере къ дѣ-фере ву-фуру шкѣ-фере, да-фара е-фере не-фере о-форот да фара ю-фюрю-тъ."

А. Неуступовъ.

Хроника.

Въ число академиковъ по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ конференціей академіи избранъ профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета по каѳедрѣ русской литературы **В. М. Истринъ**, извѣстный своими трудами въ области древней литературы.

20 сентября исполнилось 25 лѣтъ службы на высшихъ женскихъ курсахъ **Е. В. Балобановой**, стоящей во главѣ библіотеки курсовъ. Г-жа Балобанова извѣстна своими трудами въ области кельтологіи. Извѣстность ея въ этой области очень широка не только въ Россіи, но и за границей. За свои работы по кельтскому эпосу г-жа Балобанова имѣетъ золотую медаль.

† Скончавшійся въ Митавѣ филологъ **Августъ Биленштейнъ** былъ извѣстенъ своими работами по изслѣдованіямъ латышскаго языка и по доисторическимъ древностямъ Балтійскаго поморья. Главными сочиненіями его считаются: „Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Forten“ (премировано Спб. Акад. наукъ) и „Die Grenzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII Jahrhundert (издано Спб. Акад. наукъ).

† Въ Христіаніи скончался знаменитый норвежскій лингвистъ, авторъ многихъ выдающихся трудовъ по исторіи древне-скандинавскаго народнаго творчества, профессоръ Эльзеусъ-Софусъ **Бугге**. Онъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ, послѣ сорокалѣтней неутомимой работы на избранномъ имъ поприщѣ. Главный трудъ покойнаго—это превосходное изданіе „Эдды“ (1867 г.), которое снабжено самыми подробными примѣчаніями и комментаріями.

† Въ Варшавѣ скончался одинъ изъ скромныхъ, но очень трудолюбивыхъ и полезныхъ русскихъ историковъ-археологовъ Григорій А. **Воробьевъ**, авторъ многихъ изслѣдованій о прошломъ Польши. Занимая по своему служебному положенію мѣсто мирового судьи въ Ломжинской губ., покойный состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ, сотрудникомъ „Истор. Вѣстника“, гдѣ напечаталъ длинный рядъ статей, основанныхъ на польскихъ источникахъ. Кромѣ того перу покойнаго принадлежитъ рядъ переводовъ съ польскаго на русскій языкъ, какъ напримѣръ сочиненій Іосифа Когуя, епископа Адама Красинскаго и Записокъ Яна Килинскаго. За свои учено-археологическія изслѣдованія, Гр. А. Воробьевъ былъ избранъ членомъ-сотрудникомъ Краковской академіи наукъ.

† 22 сентября минуло тридцать пять лѣтъ со дня смерти знаменитаго русскаго этнографа Владиміра Ивановича **Даля**. Колоссальный трудъ его „Толковый словарь живого великорусскаго языка“, надъ которымъ онъ работалъ въ теченіе всей своей жизни, по богатству содержащагося въ немъ матеріала, превышаетъ все, что когда-нибудь у насъ было сдѣлано силами одного лица. Тѣло В. И. Даля покоится теперь въ Москвѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва. Во второмъ полугодіи 1907 г. дѣятельность Отдѣленія Этнографіи началась 12 октября, когда заслушаны были:

1) Сообщеніе чл. сотр. *И. С. Абрамова*: „У старообрядцевъ на Вѣткѣ“. Бѣгство старообрядцевъ за польскій рубежъ и основаніе Вѣтки на р. Сожѣ. Старообрядческіе толки на Вѣткѣ. Современное мѣстечко Вѣтка. Одежда. Промыслы. Народные обычаи. Хороводы. Дѣвишники. Свадьбы. Уставщики. Келейницы-наставницы. Говоръ населенія. Пѣсни и духовные стихи, записанные на Вѣткѣ. Во время доклада были демонстрированы старинные старообрядческіе наряды.

2) *Э. К. Пекарскій* прочелъ одну главу изъ „Набросковъ о якутахъ Якутскаго округа“ покойнаго В. Ф. Трощанскаго, автора „Эволюціи черной вѣры у якутовъ“.

Программа:

Зимнее жилище—юрта или балаганъ. Лѣтнее жилище—берестянная юрта (ураса). Внѣшняя и внутренняя обстановка жилища. Каминъ. Культъ огня. Роль хозяйки, какъ хранительницы очага. Мебель юрты. Хозяйственный инвентарь якутской семьи: посуда, одежда, разныя хозяйственныя принадлежности. Наружность якутовъ и якутокъ. Два физическіе типа якутовъ.

Были показаны діапозитивы.

За позднимъ временемъ половина доклада была отложена до слѣдующаго засѣданія. Оба доклада вызвали оживленныя пренія.

Пользуясь случаемъ, сообщаемъ краткое изложеніе содержанія доклада *В. И. Іохельсона* (13-го апрѣля)—**„Этнологическія проблемы на сѣверныхъ берегахъ Тихаго Океана“**.

Задачей такъ называемой Сѣверо-Тихоокеанской экспедиціи имени Джесупъ (Jesup North Pacific Expedition) составляетъ сравнительное изслѣдованіе племенъ, населяющихъ американскіе и азіатскіе берега сѣверной части Тихаго океана. Экспедиція эта, членомъ которой лекторъ состоялъ, была организована извѣстнымъ американскимъ этнологомъ, профессоромъ Колумбійскаго университета Францемъ Боакомъ на средства президента Американскаго Музея Естественныхъ Наукъ въ Нью-Іоркѣ, мистера Джесупа. Работы экспедиціи начались въ 1897 году и теперь не вполнѣ еще закончены. Труды экспедиціи должны составлять по плану 12 томовъ, изъ которыхъ пока вышли въ свѣтъ цѣликомъ только томъ I и отдѣльныя части съ II по VII томовъ. Въ кругъ изслѣдованій экспедиціи входятъ: эскимосы, алеуты, индѣйцы Аляски и Британской Колум-

біи и палеазіатскія племена (айны, гиляки, камчадалы, коряки, чукчи и юкагиры). Изслѣдованіемъ ихъ занимались одновременно различныя партіи спеціалистовъ. Исходнымъ положеніемъ для работъ служила задача выясненія древней исторіи обитателей Америки. Старинные изслѣдователи не мало фантазировали относительно происхожденія обитателей Америки. Ихъ отождествляли то съ одной, то съ другой народностью стараго свѣта. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія наступила реакція въ этомъ отношеніи, но американскіе этнологи ударились въ другую крайность. Появилась теорія о совершенной независимости американской расы и культуры отъ народностей и цивилизаціи стараго свѣта.

Дальнѣйшія же изслѣдованія показали, что американская раса распадается на большое количество мало сходныхъ между собой физическихъ типовъ, причину возникновенія которыхъ надо искать не только въ смѣшеніи между собой различныхъ отдѣловъ самой американской расы, но и въ вліяніяхъ, исходящихъ изъ неамериканскихъ странъ. Точно также поставлено было дѣло съ вопросомъ о разнообразіи американскихъ культуръ, религій и языковъ. Такимъ образомъ вопросъ о самостоятельности американской расы слѣдовало подвергнуть пересмотру, и изслѣдованіе было начато тамъ, гдѣ Американскіе и Азіатскіе берега географически сближаются, именно въ сѣверной части Тихаго океана. Въ Беринговомъ морѣ предстояло разобраться во взаимныхъ отношеніяхъ трехъ этническихъ группъ: палеазіатовъ, эскимосовъ и индѣйцевъ.

Данныя, собранныя различными спеціалистами экспедиціи, приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Типъ обитателей сѣверныхъ береговъ Тихаго океана смѣшанный. Сѣверо-западные индѣйцы показываютъ сходство съ азіатами, а сѣверо-восточные палеазіаты имѣютъ индѣйскія черты.

Кромѣ того эскимосы, чистый типъ которыхъ найденъ въ области Гудсонова залива, по мѣрѣ приближенія къ берегамъ Берингова моря, показываютъ сходство или съ индѣйцами, или съ чукчами.

Въ отношеніи языковъ можно сказать, что по фонетикѣ и грамматическому строю палеазіатскіе языки ближе подходятъ къ американскимъ, чѣмъ къ урало-алтайскимъ языкамъ.

Въ матеріальной культурѣ палеазіатовъ мы встрѣчаемся съ тремя элементами: азіатскимъ (какъ, напр., оленеводствомъ), эскимосскимъ (какъ, напр., кожаныя байдары и орудія для морского промысла) и индѣйскимъ (какъ, напр., техника плетенія).

Миѳы представляютъ особый интересъ. Въ то время, какъ камчадальская, корякская и отчасти чукотская миѳологія, съ одной стороны, и миѳологія индѣйцевъ—Тлингитовъ, Чимшіанъ и Гайда, съ другой, образуютъ одинъ кругъ сказаній объ устроителѣ міра—Воронѣ, мы находимъ теперь между указанными палеазіатами и индѣйцами чуждый ихъ сказочному кругу циклъ эскимосскихъ миѳовъ о божествѣ—женщинѣ, по имени Седно, принесенный съ востока эскимосами. Въ религіозномъ же культѣ палеазіатовъ, т. е. въ ихъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ, мы опять встрѣчаемся какъ съ азіатскимъ, такъ и съ эскимосскимъ и индѣйскимъ вліяніемъ.

Реалистическое искусство палеазіатовъ, состоящее въ рѣзьбѣ на-

вотныхъ и людей, и замѣчательное своею живостію, судя по остаткамъ, преобладало также у сѣверо-западныхъ индѣйцевъ. Въ настоящее время скульптура послѣднихъ подверглась особаго рода символизаціи, на развитіе которой повліялъ тотемизмъ этихъ племенъ. Эта символизація въ извѣстной степени привилась эскимосамъ южной Аляски, въ то время какъ дальше къ сѣверу эскимосы производятъ реалистическіе образцы искусства, подобно чукотскимъ и корякскимъ, хотя съ меньшими художественными достоинствами и нѣкоторыми особенностями въ орнаментаціи.

Обращаясь, наконецъ, къ семейнородовымъ отношеніямъ племенъ сѣверо-тихо-океанскаго круга, мы находимъ у нихъ замѣчательное разнообразіе въ соціологическихъ типахъ. Скала этихъ типовъ начинается съ племенъ, у которыхъ отсутствуетъ всякая соціальная организація, и кончается племенами съ самымъ сложнымъ общественнымъ строемъ, состоящимъ изъ клановъ (то матріархатныхъ, то патріархатныхъ), классовъ внутри клановъ и тайныхъ обществъ съ религіозной окраской. Въ то же время установлено, какъ болѣе сложные соціальные организмы, путемъ заимствованія или смѣшенія съ сосѣдями, возникли изъ болѣе простыхъ. Кромѣ того, на основаніи собранныхъ матеріаловъ, надо думать, что материнское право, тамъ, гдѣ оно существуетъ среди племенъ указаннаго круга, развилось изъ отцовскаго, а не наоборотъ.

Окончательные выводы по всѣмъ затронутымъ въ сообщеніи вопросамъ этнологіи можно будетъ сдѣлать тогда, когда всѣ работы экспедиціи появятся въ свѣтъ.

СПб. Университетскій Студенческій Географическій кружокъ. 8 октября было сдѣлано сообщеніе: Мошкова—„о новой теоріи происхожденія человѣка“: а) вліяніе естественнаго отбора; б) гибридное происхожденіе современнаго человѣка; в) мнѣнія ученыхъ о человѣческихъ расахъ; г) подтвержденіе теоріи; 1) фактами ембріологіи и атавизма; 2) народными обычаями и преданіями; д) заключеніе.

На 24 октября назначено сообщеніе: *Петри*. Культъ Инау у племени Айну.

16-го октября вернулись въ Петербургъ участники экскурсіи, предпринятой членами археологическаго кружка при с.-петербургскомъ университетѣ, ѣздившими въ окрестности Нарвы. Цѣлью экскурсіи было провѣрить слухъ, будто въ 6 верстахъ отъ Нарвы, въ лѣсу, найденъ въ болотѣ остовъ корабля древняго голландскаго типа. Возможность подобной находки находятъ вполнѣ естественной, такъ какъ берегъ Балтійскаго моря въ южной части постепенно отступаетъ, въ то время какъ сѣверный берегъ, финляндскій, постепенно захватывается моремъ. Дѣйствительно на южномъ берегу Балтійскаго моря находили предметы корабельнаго вооруженія, а лѣтъ 60 тому назадъ нашли даже цѣлую корму корабля въ лѣсу. Но настоящая экскурсія не достигла цѣли Мѣстность, гдѣ, по разсказамъ найденъ корабль, оказалась сплошнымъ болотомъ и члены экскурсіи не рискнули двинуться по болоту. Тѣмъ не менѣе, они не отчаи-

ваются достигнуть цѣли и думають предпринять новую экскурсію, когда начнутся морозы. Правдоподобность находки корабля подтверждается архивомъ мѣстной лютеранской церкви. Изъ одной записи этого архива видно, что въ XII вѣкѣ около Нарвы затонулъ голландскій корабль, нагруженный золотомъ и орудіями.

Вацлавъ Сѣрошевскій отправляется, по словамъ польскихъ газетъ, вторично на Дальній Востокъ, причемъ посѣтитъ **Корею и Южный Сахалинъ.** Очерки г. Сѣрошевскаго будутъ одновременно печататься въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" и польскомъ „Словѣ".

По слѣдамъ Пржевальскаго. Съ Высочайшаго соизволенія извѣстный путешественникъ по средней Азіи, продолжатель Пржевальскаго, поручикъ Козловъ предпринимаетъ новое двухлѣтнее путешествіе съ научной цѣлью въ центральной Азіи. Выступленіе экспедиціи должно было состояться въ первыхъ числахъ августа изъ Петербурга и въ концѣ августа изъ Москвы. Средства на экспедицію дарованы Государемъ Императоромъ.

Истекшимъ лѣтомъ Тверская ученая архивная Коммиссія намѣтила и выполнила при участіи значительнаго числа лицъ продолжительную **археологическую экскурсію,** маршрутъ которой прилагается: Маршрутъ поѣздки на истоки рѣкъ Волги и Западной Двины и въ г. Новгородъ Великій: *22 Іюня*: въ 5 час. утра выѣздъ изъ Бологое по желѣзной дорогѣ въ г. Осташковъ; поѣздка въ Нилову пустынь на пароходѣ (10 вер.); осмотръ города, Житеннаго острова и монастыря; ночлегъ въ гостинницѣ женскаго Знаменскаго монастыря. *23 Іюня*: утромъ отъѣздъ на пароходѣ по Селигеру въ дер. Сватущи (35 вер.), отсюда на лошадяхъ чрезъ погостъ Стержъ въ Волгино-Верховье (20 вер.), здѣсь и ночлегъ. *24 Іюня*: утромъ пѣшкомъ или на лошадяхъ (8 вер.) до дер. Коковкина, осмотръ кургана, на которомъ стоялъ крестъ Иванко Павловича; отсюда на большихъ лодкахъ внизъ по теченію Волги чрезъ озера Стержъ, Овселукъ и Пено (35 вер.) до ст. Пено; осмотръ церкви пог. Ширкова и Новосоловецкаго монастыря на островѣ озера Овселукъ. *25 Іюня*: отъ ст. Пено до ст. Охватъ (25 вер.) по желѣзной дорогѣ, отъ ст. Охватъ на лошадяхъ (15 вер.) чрезъ дер. Лаугу, расположенную при впаденіи *р. Двиницы* (верхняя часть Западной Двины) въ озеро Охватъ до д. Двинецъ, находящейся вблизи озера Двинецъ, изъ котораго вытекаетъ Западная Двина. *26 Іюня*: возвращеніе по желѣзной дорогѣ въ Бологое и отъѣздъ на ст. Волховъ, отсюда на пароходѣ въ Новгородъ. *27 и 28 Іюня*: осмотръ памятниковъ Новгорода и его окрестностей. *29 Іюня*: обратный путь на ст. Волховъ.

Этнографическая поѣздка на рѣку „Катангу". (Сред. Тунгуска). А. А. Макаренко по порученію Имп. Русскаго Географическаго Общества въ текущемъ году совершилъ поѣздку на рѣку „Катангу" (Сред. Тунгуска) для ознакомленія съ жизнью обитающихъ по ней тунгусовъ („Ованьки"). Это была одна изъ первыхъ

поѣздокъ въ малоизвѣстный край, по совершенно неизученной рѣкѣ, къ незатронутымъ изслѣдованіями родамъ тунгускаго племени. Экскурсантъ проплылъ по Катангѣ около 900 верстъ. Ему однако, пришлось выполнять свою миссію при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ (изъ коихъ главное поздній пріѣздъ и пр.) и потому въ общемъ мало удалось собрать свѣдѣній, рисующихъ духовную и бытовую сторону „Ованьки“; за то завязаны связи, изученъ путь, что въ будущемъ должно значительно облегчить трудъ, дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Средства на эту поѣздку были даны Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Имп. Ал. III; для него Макаренко доставилъ коллекцію этнографическихъ предметовъ, относящихся къ матеріальной культурѣ тунгусовъ, ассортиментъ идоловъ и пр. вещевыхъ доказательствъ распространенности шаманизма и 15 дюжинъ фотографическихъ снимковъ типовъ, жилищъ и пр. Ближайшими сотрудниками его были Ст. СПб. Ун. К. А. Масленниковъ и П. Т. Вороновъ.

Этнографическая экскурсія въ Полѣсье Волынской и Минской губ. А. К. Сержпутовскій въ лѣтніе мѣсяцы этого года былъ командированъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Александра III въ Полѣсье Волынской, Минской и Гродненской губерній для собиранія этнографическихъ коллекцій. А. Сержпутовскій въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяцевъ этого года обслѣдовалъ малодоступную полѣсскую часть Волыни и Бѣлоруссіи по верховьямъ р. Припети и ея притокамъ, и въ разбросанныхъ среди лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ селеніяхъ полѣшуковъ собралъ этнографическія коллекціи. Въ составъ ихъ вошли амулеты, цѣлебныя травы и т. п. средства народной медицины, одежда, земледѣльческія орудія, принадлежности тканья, музыкальные, плотничьи и бондарные инструменты, предметы табакокуренія и добыванія огня, средства передвиженія, игрушки, принадлежности охоты, рыбной ловли и пчеловодства, посуда, образцы тканей и вышивокъ, предметы домашняго обихода и др. Всего доставлено въ Музей 380 наименованій, болѣе 800 предметовъ и сдѣлано 200 съ лишнимъ фотографическихъ снимковъ съ построекъ, типовъ жителей, бытовыхъ сценъ, промысловъ и т. п. Кромѣ того А. Сержпутовскимъ собраны богатые матеріалы для изученія обычнаго права, творчества и быта мѣстныхъ жителей.

Фламандскій Этнографическій Музей описываетъ г. В. Верещагинъ въ октябрьскомъ № журнала „Старые Годы“ (въ статьѣ „Путевые наброски“). Извлекаемъ оттуда болѣе интересную часть.

„Фольклоръ—музей народа, народной жизни, народныхъ традицій! Какая новая, славная мысль, какое живое дѣло! Его основалъ Максъ Эльскампъ, Антверпенскій любитель, поэтъ, и довелъ до конца послѣ долгихъ и упорныхъ трудовъ и терпѣливыхъ исканій. Новый, и первый въ своемъ родѣ, музей открытъ 18 августа этого года. Въ немъ нѣтъ ни роскоши, ни изящества, какъ нѣтъ роскоши и изящества въ народной жизни, настоящей и прошлой, которую онъ

воплощаетъ такъ образно, но онъ правдиво и вѣрно объясняетъ внутренній бытъ этой жизни и—болѣе ярко и выпукло, чѣмъ любой многотомный историческій трудъ.

„Вотъ, прежде всего, домашняя обстановка обыкновеннаго фламандскаго крестьянина: его домъ, мебель, кухня, посуда, принадлежности освѣщенія и отопленія, питья и ѣды, его лакомства, въ отвѣчающихъ представленіямъ народной фантазіи причудливыхъ формахъ: пряники—птицы, животныя, люди, святые, уроды изъ чернаго хлѣба, которые въ Николинъ день, въ видѣ шутки, посылаютъ другъ другу любовники. Вотъ его семейная жизнь: обрядности рожденія и крещенія, игрушки и дѣтскія игры, обрядности и обычаи брачные и брачные подарки: букеты, сердца, стихи для домовъ, гдѣ празднуется серебряная или золотая свадьба, дудки для кошачьяго концерта у домовъ людей, вступающихъ во второй бракъ, домашнія работы, одежда, головные уборы, мужскія и женскія украшенія, игры и развлеченія взрослыхъ.

„А вотъ его смерть, и обряды и обычаи съ нею связанные: гробы, вѣнки, памятники, восковыя игрушки, которыя кладутъ въ гроба умершихъ дѣтей, издѣлія изъ волосъ покойниковъ и обычаи поминальные.

„Отъ личной и семейной жизни народа музей переходитъ къ его гражданской дѣятельности и даетъ сначала представленіе объ ея общественной сторонѣ: о ремеслахъ, профессіяхъ, профессіональныхъ празднествахъ, школахъ, военной службѣ, выборахъ представителей, клубахъ, общественныхъ собраніяхъ и союзахъ: потомъ—о торговлѣ, администраціи и судѣ: о гиряхъ, вѣсахъ, клеймахъ, должностныхъ и оффиціальныхъ знакахъ, орудіяхъ преступленій; наконецъ—о религіи и о тѣсно съ нею связанныхъ колдовствѣ, магіи и хиромантіи, о молитвахъ, паломничествахъ съ ихъ принадлежностями, религіозныхъ процессіяхъ, ex—voto, предметахъ культа, гаданіяхъ, амулетахъ, талисманахъ и фетишахъ.

„Заканчиваетъ музей народной наукой, литературой, театромъ, музыкой, пѣніемъ и искусствомъ, выставляя книги, инструменты, ноты, пѣсни, маріонетки, ярмарочныя представленія, картины, скульптуру, гравюру, керамику и предметы роскоши и художественнаго украшенія жилищъ.

„Такимъ, приблизительно, образомъ фольклоръ осуществляетъ свою высокую задачу, давая, несмотря на свои ограниченныя пока средства, даже туристу, незнакомому съ мѣстнымъ языкомъ и произведеніями духовнаго народнаго творчества, извѣстное представленіе о тѣхъ или другихъ свойствахъ и особенностяхъ фламандскаго народа“...

На состоявшемся 19 сентября подъ предсѣдательствомъ ординарнаго академика д. с. с. А. А. Шахматова, засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ былъ заслушанъ отчетъ комиссіи по присужденію **премій имени митрополита** московскаго **Макарія**. Изъ числа авторовъ, представившихъ свои сочиненія на соисканіе означенныхъ премій, академіей наукъ удостоены: 1) полной денежной преміи въ 1.500 р. профессоръ М. Н. Розановъ—за изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Поэтъ періода „бурныхъ стремленій“ Якобъ Ленцъ, его жизнь и произведенія“. Кри-

тическое изслѣдованіе съ приложеніемъ неизданныхъ матеріаловъ; 2) неполныхъ премій, по 1.000 р. каждая: профессоръ А. Л. Петровъ—за „Матеріалы для исторіи Угорской Руси“ и профессоръ В. А. Францевъ—за „Матеріалы для славянской филологіи. Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель“; 3) почетныхъ отзывовъ имени митрополита Макарія: Г. З. Кунцевичъ—за „Исторію о казанскомъ царствѣ“, В. А. Чаговецъ—за трудъ „Преподобный Ѳеодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія“, С. Н. Шамбинаго—за „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“ и Д. Д. Языковъ—за „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“. Слѣдующее ближайшее присужденіе премій имени митрополита московскаго Макарія по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ послѣдуетъ въ 1913 г. Срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 19 сентября 1912 г.

25 сентября въ Императорской Академіи Наукъ состоялось публичное засѣданіе по 49-му присужденію наградъ графа Уварова. На соисканіе было представлено 16 сочиненій. Наградъ удостоены слѣдующія сочиненія: I. Ю. В. Готье. „Замосковный край въ XVII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси“. Москва. 1906. Сочиненіе удостоено награды въ 1.000 р. II. И. В. Покровскій. „Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. Церковно-археологическое, историческое и экономическое изслѣдованіе. (Въ память 350-лѣтія существованія казанской епархіи 1555—1905 г.)“. Казань. 1906. Сочиненіе удостоено награды въ 500 р. III. Н. В. Чарыковъ. „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694). Съ портретами Петра Великаго и многими иллюстраціями“. С.-Петербургъ. 1906. Сочиненіе увѣнчано малою наградою въ 500 р. Такая же награда въ 500 р. присуждена и автору слѣдующаго сочиненія: IV. А. С. Орловъ: а) „Сказочныя повѣсти объ Азовѣ. „Исторія“ 7135 г. Изслѣдованіе и текстъ“. Варшава. 1906. б) „Историческія и поэтическія повѣсти объ Азовѣ (взятіе 1637 г. и осадное сидѣніе 1641 г.). Тексты“. Москва. 1906. За недостаткомъ денежныхъ средствъ и въ виду несомнѣнныхъ научныхъ достоинствъ награждены почетными отзывами слѣдующіе труды: V. М. С. Грушевскій. „Очеркъ исторіи Украинскаго народа“. Изданіе 2-е, дополн. С.-Петербургъ. 1906. VI. И. И. Соколовъ. „Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія“. Томъ I. С.-Петербургъ. 1904. И др. сочиненія.

На состоявшемся 19 сего октября, подъ предсѣдательствомъ ординарнаго академика А. А. Шахматова, засѣданіи Императорской академіи наукъ былъ заслушанъ представленный комиссіей по присужденію премій отчетъ о присужденіи премій имени профессора А. А. Котляревскаго. Изъ представленныхъ на соисканіе премій пяти сочиненій академіей ни одно не признано заслуживающимъ полной преміи имени проф. А. А. Котляревскаго (въ 1.000 р.). Половинныя преміи (въ 500 р. каждая) присуждены слѣдующимъ авторамъ: проф. Императорскаго московскаго университета В. Н. Щепкину—за изслѣдованіе „Болонская псалтирь“, проф. петербургской

духовной академіи И. Е. Евсѣеву—за трудъ „Книга пророка Даніила въ древне-славянскомъ переводѣ. Введеніе и текстъ" и проф. Императорскаго варшавскаго университета В. А. Францеву — за труды подъ заглавіями: 1) „Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой половины XIX ст.", и 2) „Correspondenzie Iosefa Dobrowskiego. Dil. II. Vzàjemne dopisy Dobrowskiego a Iuriko Samuele Bendiano z lot 1820—1827". Почетнаго отзыва имени А. А. Котляревскаго удостоенъ проф. Императорскаго казанскаго университета Н. М. Петровскій за трудъ „Первые годы дѣятельности В. Копитаря". Слѣдующее присужденіе премій имени проф. А. А. Котляревскаго послѣдуетъ 19 октября 1910 г. Срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе означенныхъ премій назначено 31 декабря 1909 года.

Въ Краковѣ организовалось общество поощренія издательства польской академіи наукъ. Во главѣ общества стоятъ: извѣстный критикъ и историкъ литературы проф. Станиславъ Тарновскій, Генрикъ Сенкевичъ и адвокатъ Осуховскій. Цѣль общества—доставлять средства академіи на польскія изданія изъ области польской этнографіи, картографіи, статистики и т. п. Члены учредители вносятъ 2.000 австр. кронъ, дѣйствительные члены 200 австр. кронъ, члены-соревнователи 20 кронъ ежегодно.

Отдѣленіе изящныхъ искусствъ Бельгійской королевской академіи объявило международный конкурсъ на сочиненіе по исторіи различныхъ отраслей искусства.

Архивъ Крымскихъ хановъ. Профессоромъ факультета восточныхъ языковъ спб. университета В. Д. Смирновымъ въ симферопольскомъ губернскомъ архивѣ найдена цѣлая коллекція изъ 124-хъ переплетенныхъ въ кожу тетрадей на турецко-татарскомъ языкѣ, детальное изученіе которыхъ убѣдило профессора въ томъ, что это остатокъ архива крымскихъ хановъ, который въ своей массѣ погибъ при сожженіи Минихомъ дворца въ Бахчисараѣ. Въ нихъ заключаются всѣ судебныя дѣла, подвѣдомственныя судьямъ и дающія богатый матеріалъ для изученія быта, законовъ, взаимныхъ отношеній и другихъ условій жизни ханскаго царства. Въ книгахъ интересны „охранительныя ханскія записи" или подробныя описи ханскаго имущества въ моментъ ихъ смерти начиная съ табуновъ коней и кончая стаканомъ недопитаго молока.

Во время работъ по переустройству Шлиссельбургской крѣпости въ одной изъ башень обнаружено цѣлое собраніе историческихъ рукописей и изданій, имѣющихъ двухсолѣтнюю давность. Разборка ихъ поручена Н. В. Покровскому.

Библіотека Императорскаго с.-петербургскаго университета получила въ даръ отъ наслѣдниковъ комерціи совѣтника Михаила Григорьевича Шевелева одиннадцать ящиковъ, съ китайскими книгами, которые прибыли недавно изъ Владивостока на пароходѣ добровольнаго флота „Кіевъ". Сверхъ того, библіотека получила въ даръ этимъ лѣтомъ значительныя колекціи книгъ разнообразнаго содержанія.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

XI.

[Рукопись на шести листахъ бумаги; ш. 11 снт., дл. 17,5 снт. Текстъ—въ простой линейной рамкѣ; небольшія поля. Бумага хорошаго качества, слегка синеватаго цвѣта. Филигрань—1795 годъ (виденъ ясно). По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что заговоры списаны съ другой рукописи. Почеркъ—дѣтская скоропись, или же скоропись человѣка, мало державшаго перо въ рукахъ.

Приписки: л. 1. „Сия тетрать"...; молитва: „Во имя Отца и Сына"...; начало псалма „Боже въ помощь мою вонми"... л. 2 b. „Сия тетрать Спаскои волости, Едновскихъ деревень, деревни Ананьева, двороваго крестьянина Өилипа Кузняца, сына Ермилова". Лл. 1 b.—5 заняты заговорами различнаго содержанія, переписанными очевидно этимъ самымъ Филиппомъ Ермиловымъ, такъ какъ въ текстѣ вездѣ проставлено его имя; л. 6. „Іс кормция книги выписано правило 45: еретицы, аще въ три погруженія"... Далѣе приведено 74 правило и начало разсужденія: о Христѣ и Антихристѣ. Конецъ рукописи утраченъ.

Текстъ заговоровъ перепечатанъ съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей; правописаніе исправлено и знаки препинанія разставлены. Рукопись сильно замазана чѣмъ-то жирнымъ.

Рукопись куплена у неизвѣстнаго мнѣ крестьянина Вологодской губерніи, кажется, Кадниковскаго уѣзда].

№ 72. [На присуху].

Господи и Боже и мои, и благослови, и Господи Боже, и мои! Стану и я, и рабъ Божеи Филипъ, благословяся, и поиду, перекрестяся, изъ ызбы дверми, изъ двора воротами, и поиду я, рабъ Божей Филипъ, въ чистое поля, въ восточною сторону. Въ чистомъ поля восточнои стороня стоитъ [1]) построена гридня. И въ тои гриднѣ четыря брата: Сидоръ, Симонъ, Онисимъ, Осипъ. Я вамъ, братки, помолюся и покорюся, а вы,

[1]) Слово „стоитъ" написано дважды.

братки, пристанетя и пособитя въ моимъ словесамъ: и возмитя вы, четыре брата, четыре тугіе лука, и накладываитя четыря каленые стрѣлки, и стрѣляйтя въ рабыню въ бѣлое лице и въ ретивое серце. Какъ не может не жить, не быть безъ ретивово серца, такъ бы не могла не жить, не быть безъ раба Божія Филипа—въ день при сонцѣ, въ ноць при мѣсяцѣ, при утреной зорѣ и при вечерной, въ середу и въ пятницу, во вѣки вѣковъ. Аминь. Кое слово переговорилъ, кое не договорилъ, слово слова крѣпце, однѣмъ словомъ крѣпко. Во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 73. [Отъ порчи].

Господи, Исусе, Христе, Владычица, Богородица, Мати Божія, Михаило арханделъ, Гавріило арханделъ, Григорей Храбрый, Микола светитель, угодникъ Христовъ, я, Филипъ, рабъ Божей, вамъ помолюся и покорюся, святые светители, помолюся и покорюся: пристаните и пособите къ моимъ словамъ, и поставте мнѣ, рабу Божію Филипу, тынъ, огоротъ укладной, булатной, каменной—отъ [1]) колдуна, отъ колдунице, отъ едуна (такъ!), отъ едуницы (такъ!), отъ красные дѣвице, отъ молодые молодице, не было бы порцы и спытошки (?) въ тыну и въ огороде. Святые светители, возмите вострые штыки, тыцте, мечите за тынъ и за огородъ. Я, рапъ Божей Филипъ, возму клюцъ и замокъ и стану я, рапъ Божей Филипъ, стану тотъ тынъ запирать и замыкать накрѣпко крѣпко; спущу клюцъ въ синее море. Какъ этому клюцю не бывать поверхъ синево моря, такъ бы не было бы у меня, раба Божія Филипа, не порцы, не пытошки, не тоски, не щипоты въ день при сонцѣ и въ ноцѣ при мѣсяцѣ, при утреной зорѣ, при вечерной зорѣ и по всѣ дни и часы, и въ середу, и въ пятницу, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 74. [Отъ порчи и грыжи].

Господи, Боже мои, и благословенъ, Господи, Боже мои. Стану я, рапъ Филипъ, благословяся, и поиду, перекрестяся, изъ ызбы дверми, изъ двора воротами, и поиду я въ чистое поле, въ восточную сторону. Въ тои чистомъ полѣ, восточной сторонѣ построена гридня; въ томъ griднѣ четыре брата: Сидоръ, Симонъ, Онисимъ, Осипъ. Я вамъ, четыремъ братамъ, помолюся

[1]) Вездѣ написано вмѣсто „отъ" славянское „о" большое (омега). М. б., въ оригиналѣ, откуда списанъ этотъ заговоръ было написано ѿ.

и покорюся: пристаните и пособите въ моимъ словесамъ, не было бы у меня, раба Божія Филипа, пе порцы, не пытошки (?), съ нутра, отъ серца, съ костеи и жилъ, и суставовъ—нутренную грижу, черную и красную. Не буди, Господи, тои грижи, не тоски, не щипоты, не отышки, не затновки и въ день при сонцѣ, въ ноць при мѣсяцѣ, при утреной зорѣ, при вечерной зорѣ, во всѣ дни и во всѣ часы, въ середу и въ пятницу, и во вѣки вѣковъ Аминь.

№ 75. [На домового].

Сусѣдушко, ватаманушко, не шути, не двори; шути и двори надъ лѣсами, надъ водами, надъ пеньями, надъ кореньями, надъ черными грязями, надъ трясинами, надъ лѣсинами. Вотъ тибѣ ивинка і осинка, тутъ тибѣ бы шутка и игра. Какъ осинка и івинка безъ корня не стоитъ, такъ бы не было бы и у раба Божія Филипа ни знику, ни сполоховъ, ни испугу, а тишь, бы да спокой во вѣки вѣковъ. Богородицино заступленіе во вѣки вѣковъ. Аминь, аминь, аминь.

XII.

[Тетрадка изъ 12 листовъ въ тридцать вторую долю, ш. 9 снт., дл. 10,75 снт.; безъ полей, письмо по линейкамъ. Бумага желтоватая. филигрань—„1844“; почеркъ дѣтскій, знаковъ препинанія нѣтъ, ореографія очень неправильная. Записей и приписокъ нѣтъ, за исключеніемъ нѣсколько разъ написанныхъ на послѣдней страницѣ словъ „сия тетрат...“, „тетраточка...“ Первый заговоръ носитъ особое заглавіе, остальные безъ заглавія. По слогу—какъ будто идутъ изъ разныхъ источниковъ, или заимствованы отъ различныхъ лицъ.

Рукопись пріобрѣтена въ Шишкинской волости, Костромского уѣзда. Сильно потрепана и засалена.

Ореографія исправлена, фонетическія особенности сохранены].

№ 76. Начинать уроки.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, и пойду, перекрестясь, и умоюсь, и утрусь, и Господу Богу поклонюсь, и пойду далече, во чисто поле, въ восточную страну. Есть вдалечѣ, во чистомъ полѣ, въ восточной сторонѣ, стоитъ святой островъ.

На томъ на святомъ островѣ стоитъ святое древо ель, посохло и повяло коренье и корочка, и прутье. Я, рабъ Божій (имя рекъ), опрошу у святого древа ели: Гой еси ты, святое сухое древо ель, отчего ты посохло, и повяло твое коренье, и корочка, и прутье? И говоритъ мнѣ святое сухое древо ель: Я, де, отъ того посохло и повяло мое кореніе и корочка, и пруточки, — есть на мнѣ на святомъ, на сухомъ древѣ, на елѣ, на вершинѣ сидитъ сизый черный воронъ, носъ у него желѣзный, когти его булатныя, а крылье огленное [1]); изъ огленнаго крылья пламень пышетъ на всѣ стороны онъ, прижигаетъ онъ на рабѣхъ Божіихъ всякіе уроки и призоры, встрѣчи и привстрѣчи, переходы, и перебѣги, приговоры и злые лихіе отговоры, лихую думу и лихой говоръ, и лихое слово, и лихую кровь, радости и помышленія, и прихраненія; обороняетъ онъ меня, раба Божія (имя рекъ), отъ всякаго завидящаго человѣка: отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ вѣдуна и отъ вѣдуньи; отъ сиваго, отъ русаго, отъ чернаго, отъ черемнаго, отъ плѣшатаго, отъ шолудиваго, отъ смигноватаго, отъ возгреватаго, отъ чистаго, отъ поганаго, отъ одноженца, отъ двоеженца, отъ троеженца, отъ однозуба, отъ двоезуба, отъ троезуба, отъ пучеглаза, отъ пучеглазки, отъ попа и отъ попадьи, отъ дьячка и отъ дьячицы, отъ пономаря и отъ пономарицы, отъ еретика и отъ еретицы, отъ заугольника и отъ заплотника, ото всякаго злого лихого человѣка, ото всякія лихія притки, порчи, завидости. И всякому злому и лихому человѣку меня, раба Божія (имя рекъ), путниву и ходоку, и петельнику, и лѣснику не испортить и не попомнить ни травами, ни словами, никакими злыми и лихими притками и пытками, порчами и завистями не попортить, не попомнить, не обурочить, не озевать, не огаркать, не озепать—отнынѣ и до вѣку, во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 77. [Присушить дѣвицъ].

Еще же я, рабъ Божій (имя рекъ), Господу Богу помолюся. И какъ на мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), потъ сохнетъ, такъ бы раба Божія (имя рекъ) обо мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя ревъ), сохла. И какъ тотъ потъ отъ меня не отпадаетъ, а завсегда со мной пребываетъ, такъ же бы раба Божія (имя рекъ), никогда отъ меня, раба Божія (имя рекъ), не отставала, а завсегда со мной пребывала, на всякой день, во всякой часъ,

[1]) Огненное.

во всякую минуту, въ день при сонцѣ, а въ ночи при мѣсяцѣ. Какъ кости тѣла своего держатся, такъ же бы раба Божія (имя рекъ), меня, раба Божія (имя рекъ), держалась, въ бесѣдѣ сидѣла—не засѣживалась, ходила—не захаживалась: ѣла—не заѣдала, питіемъ не запивала и всегда бы меня, раба Божія (имя рекъ), на умѣ и разумѣ держала, зрила, смотрила, очей не сносила по утру рано и въ вечеру поздо. Какъ на камешкѣ пѣна кипитъ и сохнетъ, такъ бы и у рабицы Божіей (имя рекъ) ретивое сердце, горячая кровь кипѣла и сохла о мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), каждой часъ и каждую минуту, на умѣ держала и съ ума не спущала. Всѣ мои слова и приговоры крѣпки и лѣпки, и отъ нынѣ, и до вѣку, въ вѣкъ вѣка, во вѣки вѣковъ. Аминь! аминь! аминь!

№ 78. [Отъ порчи].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Господи благослови, истинный Христосъ. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду я, перекрестясь, на восходъ красна солнышка, на закатъ свѣтла мѣсяца, на тихую зарю утреннюю и вечернюю. И портевщику, и колдовщику бы краснаго солнышка въ руки не забирывать, свѣтлаго мѣсяца съ неба не спихивать, чистыхъ звѣздъ съ неба не сбирывать, а меня, раба Божія (имя рекъ), вѣки вѣчныя не испорчивать и порчи не спускивать ни въ буйную голову, ни въ ясныя очи, ни въ бѣлое лицо, ни въ ретивое сердце, ни въ легкое, ни въ печень, ни въ поясницу, ни въ крыльца, ни въ руки, ни въ потайной членъ, ни въ подколѣнныя жилы, ни во всю мою кровь. Запруся же я, рабъ Божій (имя рекъ), желѣзнымъ ключемъ, крѣпкимъ замкомъ, выну же я, рабъ Божій (имя рекъ), тотъ ключъ изъ замка, кладу во красному солнышку, во свѣтлому мѣсяцу, во частымъ звѣздамъ; и подаю же я, рабъ Божій (имя рекъ), тотъ ключъ Истинному Христу въ руки: носи же тотъ ключъ, Истинный Христосъ, и храни отъ портевщика, отъ колдовщика, отъ портевщицы и отъ колдовщицы. Коли портевщикъ или колдовщикъ, или портевщица или колдовщица красное солнышко въ руки заберетъ, свѣтлый мѣсяцъ съ неба спехнетъ, частыя мелки звѣзды всѣ соберетъ, то и тогда порчи никакой надо мной, рабомъ Божіимъ (имя рекъ), не сдѣлывать во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 79. [Отъ переполоха].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Господи, благослови, истинный Христосъ. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей дверьми, по частой лѣсенкѣ, на широкую улицу, на восточную сторону, подъ красное солнышко, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ частыя мелки звѣзды, подъ бурое облако. Есть на восточной сторонѣ Окіянъ-море великое. Осередь моря великій островъ. На томъ островѣ каменна церква; въ той церквѣ святъ златой престолъ. На томъ златомъ престолѣ сидитъ баба Салманида. Прихожу я, рабъ Божій (имя рекъ), на Окіянъ-море, на великъ островъ, въ каменну церкву, ко злату престолу, къ бабѣ Салманидѣ, коя Іисуса Христа самого повивала, пеленами пеленала, шелковымъ поясомъ свивала, нетлѣнную ризу-рубаху накидала, переполохи снимала и денные, и ночные, и вечерніе, и утренніе, и полунощные, и средокрестные; своей правой рукой да нетлѣиной ризой она сопахивала со бѣлого лица, съ ясныхъ очей и отъ легкаго, и отъ печени, и изъ подколѣнныхъ жилъ. Ни по утру рано, ни поздно вечеромъ, ни середь бѣла дня, ни середь темныя ночи, какъ на кулакѣ вода не держится, такъ и переполохъ на мнѣ, рабѣ Божіѣ (имя рекъ), не держался бы. Какъ сѣрой гусь по водѣ плаваетъ, а отряхнется— весь сухъ, такъ и вы, переполохи, сохните, подсыхайте; какъ на мать на травѣ муравой роса сохнетъ, такъ и вы, переполохи, сохните, подсыхайте; какъ огонь отъ воды тухнетъ, такъ и вы, переполохи, тухните, потухайте. Подите же вы, переполохи, за темные лѣса, за черныя грязи, куда люди не ходятъ, на коняхъ не ѣздятъ, собаки не бѣгаютъ и вольны пташки не летаютъ,—въ зеленый мохъ, въ зыбучее болото, въ провалище. Во вѣки вѣковъ. Аминь.

XIII.

[Слѣдующіе за симъ шесть заговоровъ списаны лѣтомъ 1904 года съ тетрадки, принадлежащей пастуху, родомъ изъ Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи. Не смотря на грамотность и достаточное общее развитіе (человѣкъ бывалый), онъ все таки слѣпо вѣрилъ въ спасительную силу заговоровъ и ни за что не хотѣлъ разстаться съ своею тетрадкой. Тетрадь эта была совершенно новая, но, по словамъ владѣльца, заговоры

переписывались уже нѣсколько разъ, такъ какъ отъ частого употребленія и постояннаго ношенія въ карманѣ, тетрадка очень скоро ветшала и превращалась въ лохмотья. Пастухъ заговоры знаетъ наизусть, но увѣренъ, что заговоръ дѣйствителенъ только тогда, когда прочитанъ по написанному,—иначе „никакой силы не будетъ, лучше не грѣшить“.

Всѣ заговоры имѣютъ специфическое назначеніе, примѣнительно къ профессіи владѣльца. Два послѣднихъ имѣютъ заголовокъ „скоцкой[1]) оберегъ“].

№ 80. [Отъ укушенія змѣей].

На морѣ на Окіянѣ, на высокомъ на курганѣ, стоитъ дубъ Маревской. Подъ тѣмъ дубомъ Маревскимъ лежитъ руно, овечья шерсть—черная, сѣрая, пестрая. Подъ тѣмъ руномъ лежитъ змѣя Скорпія, всѣмъ змѣямъ царица. Змѣя Скорпея, вынь свое жало, вынь свои зубы, вынь свои крюки, сотни зубъ съ зубомъ, запечатай свою слинь. Не запечатаешь,—паду я къ Петру и Павлу, къ Знаменью Пресвятой Богородицы, что съѣла ты (скотинину, имя рекъ). Пресвятая Знаменье Богородица, сожги твоихъ двѣнадцать дочерей: Орину, Ирину, Дарью, Марью, Пеклу, Ѳеклу, Устинью, Крестинью, Лепестинью, Домовую, Полевую, Болотную, Береговую. Если не отпустишь зубы, не запечатаешь поганую слинь—Аминь, такъ и будетъ. Не я заговариваю, не я отговариваю, а отговариваютъ и заговариваютъ святые апостолы Петръ и Павелъ и Знаменіе Пресвятыя Богородицы своими устнами и молитвами. Аминь.

№ 81. [Отъ чемера.]

Господи, Исусе Христе, Сыне Божей, помилуй насъ! Аминь, аминь, аминь!

На морѣ на Окіянѣ, на островѣ Буеланѣ, стоитъ каменна изба; въ каменной избѣ—свѣтла горница; въ свѣтлой горницѣ—двѣнадцать столовъ, двѣнадцать убраныхъ, накрытыхъ скатертями бѣлыми, браными, ткаными; за тѣми столами сидятъ двѣнадцать логовъ, двѣнадцать перелоговъ, двѣнадцать чемеровъ, ѣдятъ Божію хлѣбъ, соль. Ой, вы, логи, вы, перелоги, и вы, чемера, пейте, ѣшьте и гуляйте, доколи я къ вамъ не приду и молитвы не сотворю: Во имя Отца и Сына, и Святого Духа,

[1]) Т. е.—скотскій.

и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь! Выйдите вы, логи, вы, перелоги, и вы, чемера, изъ скотинины (имя рекъ), (а если заговариваютъ чемеръ у человѣка, то говорятъ изъ раба Божія (имя рекъ) повитаго, молитвеннаго, крещенаго[1]). А ежели вы, логи и перелоги, и чемера, не выйдете, то я, рабъ Божій (имя рекъ), покорюсь и помолюсь самому Господу Іисусу Христу и Пресвятой Матушкѣ Богородицѣ: пошлите вы, Батюшко истинный Христосъ и Матушка Пресвятая Богородица, два ангела, два хранителя, Михаила-архангела и Егорья Храбраго, съ огненными мечами съ золотыми трубами...[2])

№ 82. [Отъ укушенія змѣею].

На морѣ на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ частъ кустъ ракитовый; возлѣ того куста ракитоваго стоитъ частъ кустъ липовый, третей кустъ черемоховый. Середи трехъ кустовъ, середи трехъ частыхъ лежитъ черное руно, переярошное, перелѣтовое—самъ царь Сопецкій, змѣй Скарбецкій. Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), покорюсь и помолюсь царю Сопецкому, змѣю Скарбецкому: ой, ты, царь змѣиный, всѣмъ змѣямъ царь, собери всѣхъ своихъ подданныхъ попозучихъ и поплывучихъ, и прыскучихъ гадовъ и гадинъ: съ поля—полевыхъ, изъ-подъ межъ—межевыхъ, изъ лѣсу—лѣсовыхъ, съ-подъ колодъ—колодныхъ, изъ болотъ—болотныхъ, изъ-подъ кочекъ—кочковыхъ, съ-подъ плетней—плетневыхъ, со дворовъ—дворовыхъ, изъ огородовъ—огородныхъ и всѣхъ своихъ попозучихъ и поплывучихъ, и прыскучихъ гадовъ собери: черноголовыхъ, бѣлоголовыхъ, бурголовыхъ, желтоголовыхъ, (перебирать нужно всѣ извѣстные цвѣта[3]) .... и повели имъ вынуть свое лютое жало изъ ..... [4]) шерсти, и не болѣла бы, и не хилѣла, и не чахла, и не сохла бы моя скотинина всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 83. [Противъ скотскаго падежа.]

Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.

Шолъ самъ Батюшка, Іисусъ Христосъ, въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, путемъ дорогой, а навстрѣчу Ему, Батюшку,

---

[1]) Замѣчаніе владѣльца ркп.

[2]) Очевидно заговоръ не конченъ.

[3]) Это замѣчаніе сказано устно владѣльцемъ рукописи, а равно и слѣдующее.

[4]) Нужно назвать цвѣтъ шерсти ужаленнаго животнаго.

Томашà идетъ. „Томашà, Томаша, все ли у васъ въ добромъ здоровьѣ?“—Батюшко, Истинный Христосъ, злая пришла година на скотину, нѣтъ сытости, нѣтъ цѣлости, вся въ хворости!—„Возьми три горсти овса, три горсти ржи и три горсти ячменя и корми съ Исусовой молитвой во имя Мое и цѣлы будутъ всегда, въ вѣки вѣчные, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ“. Аминь, аминь, аминь. Давать жито три раза и говорить по трою каждый разъ.[1]).

№ 84. Скоцкой оберегъ.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Господи, благослови зачинъ сдѣлать. Въ моемъ широкомъ дворѣ матерой столбъ стоитъ крѣпко-нáкрѣпко, плото-нáплотно, никуда онъ не пошатнется, не погнется и не свалится, и ничего этотъ столбъ не боится. Не боюся и я ни парня скалозуба, ни бабы пустоволоски, ни дѣвки долговолоски. Кто на мой широкій дворъ придетъ, и тому бы надъ моимъ табуномъ ничего не дѣлывать, изъ двора широка бы не вываживать, коровъ не даивать, телятъ, ягнятъ не озепывать. И какъ мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), безъ хлѣба, безъ соли не бывать, безъ матушки-воды не живать, такъ и лихимъ ворогамъ на моемъ дворѣ не бывывать, на мой скотъ не гляживать. И меня, раба Божія (имя рекъ), Господи, помилуй во вѣки вѣчные. Аминь.

№ 85. Скоцкой оберегъ.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Господи, благослови, Истинный Христосъ. Въ моемъ широкомъ дворѣ закладное, краевое бревно упомѣстилося. Какъ закладному бревну въ лѣсѣ не бывать и на пенькѣ не стаивать, такъ бы и мою скотинку медвѣдю и медвѣдицѣ, и медвѣженку; волку и волчицѣ, и волчонку, и россомахѣ, и рысѣ, вѣкъ живучи, не хватывать, не цапывать и не утаскивать. Ходила бы моя скотинка въ темномъ лѣсѣ, въ чистомъ полѣ, въ зеленыхъ лугахъ, безъизъянно и безпропаду, и медвѣдю бы, и медвѣдицѣ, и медвѣженку, и волку, и волчицѣ, и волчонку, и россомахѣ казалась бы она пеньемъ да колодою. Медвѣдю и медвѣдицѣ, и медвѣженку, и волку, и волчицѣ, и волчонку, и россомахѣ и всякому хищному звѣрю въ лѣсъ бѣжать, а моей скотинкѣ

[1]) Примѣчаніе сдѣлано владѣльцемъ рукописи.

изъ темнаго лѣсу, изъ чистаго поля, съ зеленыхъ луговъ ко своему двору. Солнышко праведное пониже, а мои скотинки *Власьевны* къ дому поближе. Слово мое крѣпко. Ключъ, замокъ. Во вѣки вѣковъ. Аминь.

XIV.

[Рукопись на одиннадцати листахъ въ тридцать вторую долю; ш. 9 снт., дл. 11 снт.; безъ полей, письмо по линейкамъ; бумага желтоватая, хорошая, филиграни есть, но обрѣзаны и разобрать ихъ нельзя; писана по линейкамъ четкой, почти современной скорописью; знаковъ препинанія нѣтъ, орѳографія неправильная.

Записей и приписокъ нѣтъ. Конецъ рукописи утраченъ. Изъ четырехъ—три послѣдніе заговора носятъ свое собственное заглавіе. Всѣ заговоры имѣютъ общій характеръ и нужно думать, что тетрадка принадлежала какому-нибудь охотнику.

Рукопись доставлена изъ Вологодской губерніи Кадниковскаго уѣзда крестьяниномъ Антоновымъ.

Орѳографія рукописи исправлена, фонетическія особенности сохранены].

№ 86. [На всякаго звѣря, на всякую птицу].

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду, перекрестясь, умоюсь и утрусь, Господу Богу помолюсь, пойду зъ далече и чисто поле, въ восточную сторону. Есть въ далечемъ и въ чистомъ полѣ, въ восточной сторонѣ, стоитъ святое акіянъ-Море. На томъ на святомъ акіанъ-Морѣ стоитъ святъ златъ престолъ. На томъ на святомъ на златѣ престолѣ сидитъ сама Мати Пречистая Богородица, Мати Божія, Государыня многомилостивая; въ рукахъ Она держитъ золотую пряленку и золотое веретенцо, и прядетъ она нити бѣлаго и краснаго, и черннаго шолку шемаханскаго,—на бѣлыхъ звѣрей, на бѣлыхъ заецовъ; на красныхъ лисицъ, на черныхъ, бурнастыихъ; на рысей, на россомахъ и на всякихъ звѣрей подубравныхъ. И я, рабъ Божій (имя рекъ), помолюсь и попрошу, и поклонюсь: Гой еси ты, сама Пречистая Богородица, Мати Божія, создай свои Божіи милости мнѣ, рабу Божію (имя рекъ): съ золотого своего веретенца пошли, Государыня, нити бѣлаго шелку и

краснаго, и чернаго шемаханскаго. На бѣлыя, на красныя и на черныя нити, на шолковые гайтаны, на Христовыхъ звѣрей, на бѣлыхъ заецовъ, на красныхъ лисицъ, на черныхъ, на бурнастыхъ, на рысей и россомахъ, и на всякихъ звѣрей подубравныхъ. И даетъ Пречистая Богородица, Мати Божія, Государыня многомилостивая, милости своей Божіей, милосердія Божія рабу Божію (имя рекъ) съ золотого своего веретенца нитей бѣлаго шелку и краснаго, и чернаго шемаханскаго на бѣлыхъ звѣрей, на бѣлыхъ птицъ, на бѣлыхъ рябковъ, на бѣлыхъ зайцовъ, на красныхъ лисицъ, на черныхъ, на бурнастыхъ; на рысей и на россомахъ, и на всякихъ звѣрей подубравныхъ. И благослови меня, Пречистая Богородица, Мати Божія, Государыня многомилостивая, итти во чисто поле, изъ чистаго поля въ темные лѣса, на грады, на гривы, на бора дремучіе, на ельники, на можжушники, на калинники, на черемошники, на рѣчки, на поточины, на болота, на водотопины, на суболотья, на суборники—разоставливать и разметывать путы и опутины, и тенета, бѣлые и черные, и красные гайтаны шолковые, на Христовыхъ звѣрей, на бѣлыхъ зайцовъ, на бѣлыхъ рабей, на красныхъ лисицъ, на черныхъ, на бурнастыхъ, на рысей и на россомахъ, и на всякихъ звѣрей подубравныхъ. И какъ идетъ Божія тварь, солнце и луна, и часты, мелки звѣзды, и планеты всякія, и всѣ ключи, и поточины, подземельныя тайныя жилы, и да слушаютъ они Истиннаго Христа, Царя небеснаго, не ворочаются они отъ черныхъ облаковъ, отъ темныхъ лѣсовъ. Также бы не ворочалися отъ моихъ ставушекъ, отъ моихъ ловушекъ, отъ моихъ тенетъ и отъ моихъ опутинъ Христовые звѣри и всѣ Божіи птицы: бѣлые рябки, бѣлые заецы, красныя лисицы, черныя, бурнастыя, рыси и росомахи, и всякіе звѣри подубравные—текли бы они и бѣжали, брызгали и метались со отцами и матерями, со всѣмъ родомъ, со всѣмъ племенемъ и со всѣмъ заечьимъ причетомъ безоглядно, безразлучно, безотмѣнно и безотворотно, шибко и прытко—сколь шибко и прытко изъ тугого лука стрѣла летитъ, изъ облашной гряды молонья сверкаетъ; шибче бы и прытче задѣвали и прилѣплялись головками и ножками, и хвостиками, и крыльями въ мои ставушки, въ мои ловушки, въ мои бѣлыя и красныя, и черныя нити, шелковые гайтаны шемаханскіе, въ день подъ красное солнце, въ ночь подъ свѣтлый мѣсяцъ, по утреннимъ зорямъ, по вечернимъ, по бѣлымъ днямъ и по темнымъ ночамъ, отъ нынѣшняго свѣту и до будущаго вѣку, въ вѣкъ, по вѣку, отнынѣ и до вѣку, и во вѣки вѣковъ.

Аминь. И какъ весь міръ, народъ Божій крещеный собираются во святую, соборную церковь со всѣхъ четырехъ сторонъ: со восточной, съ полденной, съ полуночной и съ западной дорогами и горами; возрадуются они и возвеселятся; воску, демьяну [1]), и ладону покланяются и приклоняются. И гдѣ я, рабъ Божій (имя рекъ), потру своимъ ярымъ воскомъ свою бѣлую и красную, и черную нитку, и шолковые гайтаны шемаханскіе, потру и пройму, и перейму,—такъ же бы возвесилились и возрадовались Христовые звѣри и птицы: бѣлые рябы, бѣлые зайцы, красныя лисицы, черныя и бурнастыя, рыси и россомахи, и всякіе звѣри подубравные; текли бы они и бѣжали, брызгали бы и метались со отцами и матерями, со всѣмъ родомъ и со всѣмъ племенемъ, и со всѣмъ заечьимъ причетомъ отъ тридцати ельниковъ, отъ тридцати дубровниковъ, отъ тридцати можжушниковъ, отъ тридцати калинниковъ, отъ тридцати черемошниковъ, отъ тридцати рѣкъ, отъ тридцати рѣчекъ, отъ тридцати проточинъ, отъ тридцати ручьевъ, отъ тридцати болотъ, отъ тридцати суболотковъ, отъ чистыхъ поль, отъ синихъ морь, отъ темныхъ лѣсовъ, отъ дальнихъ горъ, отъ тридцати ловцовъ, отъ тридцати стрѣльцовъ, хитрыхъ, мудрыхъ, вѣдныхъ и худыхъ—ко мнѣ, къ рабу Божію (имя рекъ), въ мои ставушки, въ мои ловушки, въ мои путы и тенеты, и опутины, и въ мои бѣлыя и красныя, и черныя нити, и въ шолковые гайтаны шемаханскіе; въ день подъ красное солнце, въ ночь подъ свѣтлый мѣсяцъ, по утреннимъ зарямъ и по вечернимъ, отъ нынѣшняго свѣту и до будущаго вѣку, отнынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 87. Когда увидишь въ ниткѣ зайца, говори:

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Есть тебѣ, бѣлому зайцу, есть тебѣ, бѣлому звѣрю, есть тебѣ, рабу Божію (имя рекъ). Подалъ мнѣ Господи, подаровалъ мнѣ ка Господи, Пречистая Богородица, Мати Божья, Государыня многомилостивая, не бѣлаго рябя, бѣлаго зайца. Подай же мнѣ, Господи, подаруй же мнѣ, Господи, бѣлыхъ рябей, бѣлыхъ зайцовъ, мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), на сто бы, на пять сотъ, на тысячу и на всякаго завидящаго человѣка, на колдуна и на колдунью, на вѣдуна и на вѣдунью, на сиваго, на русаго, на черняго, на плѣшатаго, на коновата, на смигновата, на воз-

[1]) Т. е.—темьяну (фиміамъ).

гревата, на чистаго и на поганаго, на одноженца, на двоеженца, на троеженца, на однозуба, на двоезуба, на троезуба, на пучеглаза, на пучеглазку, на попа, на попадью, на дьячка, на дьячицу, на пономаря, на пономарицу, на еретика, на еретицу, на заугольника и на всякаго завидящаго, злого и лихого человѣка, а мнѣ ловцу на похвалу отнынѣ и до вѣку. И нести мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), своего добытка, бѣлаго рябка, бѣлаго зайца, середи міру, народу крещенаго, на всякаго завидящаго, злого и лихого человѣка, а мнѣ, ловцу, на похвальбу отнынѣ и до вѣку вѣковъ. Аминь.

№ 88. Когда вынешь изъ ловушки зайца или кого и кладешь въ котомку, говори:

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Куда ты, мой бѣлый заяцъ, шолъ и бѣжалъ, и слѣды топталъ, туда бы шли и бѣжали, и слѣды топтали твои дѣды и прадѣды, и отцы, и матери, и братья, и сестры отнынѣ и до вѣку будущаго, и до скончанія міру во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 89. Когда нитку или ловушку смываешь, или снасть какую‘ говори трою по рѣкѣ:

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Какъ ты, рѣка-матица.... [1]) смываешь и обмываешь свои крутые, красны бережка съ вершины и до устья, а съ устья сносишь во сине море, такъ ты, рѣка-матка,... [1]) смывай и обмывай мои ставушки, мои ловушки, съ нихъ уроки, призоры, встрѣчи, привстрѣчи, перебѣги, поспѣхи, злые и лихіе отговоры, лихую думу, лихіе оговоры, лихую кровь, радости и помышленія, всякіе овепы отнынѣ и до вѣка, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XV.

[Тетрадь изъ четырехъ листовъ въ четвертую долю; ш. 18 снт., дл. 22 снт.; безъ полей. Бумага желтоватая плотная; филигрань—„1850“; почеркъ писарской, размашистый; записей и приписокъ нѣтъ.

---

[1]) Нужно вставить названіе рѣки, въ которой смывается нитка, ловушка или какая-либо снасть.

Начало утрачено; изъ оставшейся части видно, что это была тетрадь, содержавшая въ себѣ списокъ различныхъ волшебныхъ, суевѣрныхъ средствъ, заговоровъ и фокусовъ. Напр.: „№ 17. Сдѣлать, чтобъ сонный говорилъ. Возми изъ совы желчи, положи подъ бокъ". Или: „№ 22. Когда, на полѣ надешь кротову нору, то вырой его и убей, и вынь изъ него сердце, и засуши, и носи съ собой, то сего (?) никакой человѣкъ не пристанетъ къ тебѣ, а когда съ кѣмъ драться станешь, то никто тебѣ не одолѣетъ и завсегда ты будешь побѣдителемъ". Или: „№ 23. Ходить по морозу босыми ногами. Нужно только намазать ноги медвѣжьимъ саломъ, то ноги никогда не озябнутъ". № 25 трактуетъ о томъ, какъ „здѣлать свѣчу, которая сама зажгется", а № 26—о томъ, какъ „сдѣлать, чтобы никакъ не можно потушить свѣчу" и т. д.

Всего въ тетради записано 18 (съ 17 по 34) рецептовъ; 34-мъ очевидно, тетрадь и кончалась, такъ какъ переписчикъ, пишущій вообще очень разгонисто, постарался послѣдній рецептъ умѣстить на самомъ краю листа. Орѳографія довольно произвольная, знаковъ препинанія нѣтъ.

Найдена рукопись на чердакѣ дома одного изъ священниковъ Костромского уѣзда въ клочкахъ и обрывкахъ старыхъ бумагъ].

№ 90. Заговоръ змѣи.

Сыскавши змѣю, передави [1]) её палочкою и смотри ей въ глаза, читай слѣдующее: „Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю. На большомъ славномъ морѣ Буянѣ, тамъ стоитъ славный быстрый островъ; на томъ быстромъ славномъ островѣ стоитъ кустъ ракитовый, и подъ тѣмъ кустомъ подъ ракитовымъ лежитъ бѣлый горячій камень; на томъ бѣломъ горячемъ камнѣ лежитъ горный рулъ (?); на томъ горномъ рулѣ сидитъ змѣя Матрона, всѣмъ змѣямъ и змѣицамъ мати. Всѣ змѣи прилетали, змѣи Мотронѣ пытали: о, мати наша, мати, змѣя Матрона, котораго намъ человѣка прикажешь укусить, а котораго погубить и котораго прикажешь оставить паки дома жить. Отъ двѣнадцати гадинъ, отъ двѣнадцати ужовъ, отъ двѣнадцати ступировъ (?). Какъ не можетъ медвѣдь съ мѣсяцемъ сойтись, такъ не можетъ сія лютая гадина юношу Божьяго (имя рекъ) укусить. А когда медвѣдь съ мѣсяцемъ изойдется, тогда сія лютая гадина можетъ меня укусить".

---

[1]) Вѣроятно нужно читать—придави.

Прочитавши сіи слова, бери змѣю въ руки, плюнь ей въ глаза три раза: „цуръ, поры, не пей воды, вода свяченая, а ты скаженная“.

№ 91. Заговоръ змѣи.

Положи змѣю на землю, не смотри ей въ глаза, скажи: „ни чувъ, ни бачивъ“; засмѣйсь, вкуси [1]) и переступи ее три раза.

№ 92. Заговоръ, чтобы свѣча потухла.

Отъ лукаваго насъ но избави во искушеніе насъ и не введи нашимъ должникомъ оставляемъ и мы яко же наша долги намъ и остави днесь намъ даждь насущный нашъ хлѣбъ и на земли на небеси яко твоя воля да будетъ твое царствіе да пріидетъ твое имя да свѣтится на небеси еси иже нашъ Отче [2]).

По прочитаніи сего заговора, должно изсушить, истиреть мелкой порошокъ траву, называемую *полотинъ*, и сій порошокъ разсѣять по воздуху, отъ чего свѣча сама собою потухнетъ.

№ 93. Какъ заговорить ружье.

Говори сіи слова: „Ты не стрѣлецъ, ты чернецъ; у тебя не ружье, у тебя кочерга; у тебя не порохъ, а сѣнная труха забита палкою“.

№ 94. Какъ отговорить оное.

Говори три раза: „На войнѣ воевали, города добывали, тѣ черти ружья заговаривали, не заговорили. Есть порохъ, есть и свинецъ, а на чорта палки конецъ. Аминь, аминь, аминь“.

№ 95. Заговоръ ружья, 2-й способъ.

Взойдетъ съ ночи туча, молнія сверкнетъ, громъ ударитъ, дождь пойдетъ и огненное ружье вода нальетъ, обмочитъ огниво и порохъ. Не охотникъ идетъ, а попъ; не стрѣляетъ, а благословляетъ.

Сей заговоръ должно читать въ то время, когда охотникъ станетъ заряжать ружье; должно читать сей заговоръ три раза безъ отдыха.

№ 96. Что должно сдѣлать, чтобы женщина не мучилась.

Напиши стихъ: „Помяни, Господи, сыны содомскіе“ и положи за пазуху женщины; да еще взять верби освященной въ церкви и положить женщинѣ на чрево, то родитъ въ скоромъ времени.

---

[1]) М. б. и—окуси; написано неразборчиво.

[2]) Срвн. примѣч. на стр. 14.

XVI.

[Тетрадь въ четверку обыкновенной писчей бумаги, написана современнымъ почеркомъ; содержитъ въ себѣ заговоры, записанные собирателемъ со словъ учениковъ Семиловской второклассной церковно-приходской школы въ 1900—1901 гг., учениками же эти заговоры записаны со словъ своихъ родныхъ, преимущественно старухъ. По мѣсту употребленія всѣ заговоры относятся къ Шишкинской и Бѣлорѣченской волостямъ Костромского уѣзда и губерніи.].

№ 97. [Противъ рожи].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь (трижды). Шолъ батюшка, истинный Христосъ, по лугамъ, по полямъ, по горамъ, по болотамъ и по топямъ; несъ Онъ съ Собой три цвѣтъ-розы. Первый цвѣтъ роза споваля, второй цвѣтъ роза посохла, третій цвѣтъ роза облетѣла. Какъ тѣ три цвѣтъ-розы изнистожились, такъ бы и моя болѝсь пропала и высохла, и не бывать бы ей на мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), не во вѣки вѣковъ. Аминь.

Говорить этотъ заговоръ трижды надъ больнымъ мѣстомъ, гладя его рукою.

№ 98. [Отъ лихорадки].

Господи, благослови, истенной Христосъ. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Во градѣ Ефестѣ, на лобномъ мѣстѣ, подъ листомъ, подъ манистомъ, стояли три гробницы. Въ первой гробницѣ—Михаилъ Архангелъ, во второй гробницѣ—Гавріилъ Хранитель, въ третьей гробницѣ — святой Симонъ. Ходилъ святой Симонъ по матушкѣ сырой землѣ; встрѣтились съ Симономъ двѣнадцать дѣвъ, безпоясыя, простоволосыя, палагрудыя, беззастежныя. Сталъ ихъ святой Симонъ спрашивать: „Чьего вы роду-племени?“—А мы роду Иродова!—„Куда вы, двѣнадцать дѣвъ, ходили?“—А мы ходили по матушкѣ сырой землѣ, раба Божія (имя рекъ) искали, тѣло знобили, жилы сушили, кости крушили, раба Божія (имя рекъ) смерти предавали! — Пошелъ святой Симонъ въ лѣсъ дремучій, срѣзалъ

двѣнадцать прутьевъ и сталъ онъ ихъ наказывать, а онѣ его уговаривать: „Святой Симонъ, не бей насъ и не тирань, а мы раба Божія (имя рекъ) отъ лютой смерти избавимъ и оставимъ до скончанія вѣка. Аминь (трижды). Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, рабъ Божій (имя рекъ), тебѣ говорю: встань!

№ 99. [Отъ зубной боли].

Восподи, Іисусе Христе, Сыне Божей, помилуй насъ. Аминь.

Антипа спаситель, батюшка, зубной цѣлитель, исцѣли, Господи, сего раба своего (имя рекъ) отъ щемоты, зубной ломоты. Не отъ камене плодна, а отъ зубной боли.

Аминь, аминь, аминь Царю Небесному (говорить трижды).

№ 100. [Отъ лихорадки].

На морѣ на Асафѣ, подъ древомъ вишневымъ, стоятъ три ангела: первый—архангелъ Михаилъ; второй—Кузьма-Демьянъ; третій—Симонъ святой. Пошелъ Симонъ святой путемъ и дорогой; навстрѣчу Симону идутъ двѣнадцать дѣвъ, черныя, косматыя, толстоволосыя. Симонъ святой сталъ ихъ спрашивать: „дѣвы, вы, дѣвы, куда вы идете?“ —Мы идемъ въ міръ крещеный тѣло знобить, кости ломать, въ горобъ загонять!—Симонъ святой снялъ съ себя вериги святыя и задалъ имъ по тысящѣ разъ. Онѣ тогда Симону святому змолилися: „Симонъ святой, помилуй насъ! Кто эту молитву будетъ знать, тебя и насъ будетъ прославлять, мы къ тому дому не подшатимся во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 101. [Отъ лихорадки].

Господи, благослови, истенной Христосъ (трижды). Встану я, благословясь, пойду я, рабъ Божій Макаръ, во чисто поле. Въ чистомъ полѣ стоялъ дубъ Лаврентій; и подъ дубомъ подъ Лаврентьемъ, на горѣ Асафѣ, и стоятъ тутъ 12 сестеръ, беззастежныхъ и простоволосыхъ, и спрашиваетъ ихъ батюшка Михаилъ архангелъ: „дѣти Ирода царя, куда вы пошли, путь свой направили?“—Мы пошли въ міръ людей знобить и злой смерти предавать.—И запретилъ имъ батюшко Михаилъ архангелъ, и таловыемъ прутомъ сталъ наказывать. И возопили ему двѣнадцать сестеръ, дочерей Иродовыхъ: „О, батюшко Михаилъ архангелъ, не будемъ въ твой день по міру ходить и кто тебя будетъ по трою на день призывать, того не будемъ костей

ознбить и лютой смертѣ предавать!" И рече имъ батюшко Михаилъ архангелъ: — Подите вы на темные лѣса и на черныя грязи, тутъ и жгите, и палите пенье и колоду; тутъ вамъ гулянье и красованье по свой вѣкъ и по свою смерть. И не прикасаться бы вамъ къ тому рабу Божію Макару и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 102. [Отъ двѣнадцати лихорадокъ].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду, перекрестясь, въ чистое поле, въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ стоитъ вышнее древо. Подъ деревомъ подъ вышнимъ стоятъ три чудотворца: первой-отъ чудотворецъ—Николай угодникъ; второй-отъ чудотворецъ—Кузьма-Девьянъ; третій-отъ чудотворецъ—Симонъ святой. Пошолъ Симонъ святой во путь, во дорогу, а навстрѣчу то ему двѣнадцать дѣвъ, косматыхъ, безпоясыхъ простоволосыхъ. „Куда вы, двѣнадцать дѣвъ, косматыхъ, безпоясыхъ, простоволосыхъ пошли?" Мы пошли, двѣнадцать дѣвъ, косматыхъ, безпоясыхъ, простоволосыхъ во путь, во дорогу, народъ томить, знобить и корчить, и лютой смертѣ предавать!" Взялъ Симонъ святой въ кажную руку по три прута и далъ имъ въ спину по три лозана. Тогда возмолились Симону святому двѣнадцать дѣвъ, косматыхъ, безпоясыхъ, простоволосыхъ: „Симонъ святой, не трогай насъ, а мы не тронемъ раба Божія (имя рекъ)." Кто эту молитву будетъ знать, по трою на день читать, тому кумоха [1]) въ родъ и родъ его не заглянетъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 103. [Отъ нестоихи].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Господи, благослови, Господи, прости, Господи, помози. Какъ у стоячей бутылки горлышко завсегда стоитъ прямо и бодро, такъ бы и у раба Божія (имя рекъ) завсегда х-екъ стоялъ на свою жену, рабу Божію (имя рекъ), и во всякое время для любови и для похоти тѣлесныя. Аминь. Аминь. Аминь.

№ 104. [Отъ зубной боли].

Во имя Всемогущаго Бога!

Бисмилляхиръ рахманиръ рахымъ кульяыбадвильне зине

---

[1]) Мѣстное названіе лихорадки.

эсоресрю аля энерюшгимъ ля текне ту миррехметы иллягинъ иппеллаге ля вгофируззюнюбе инпягу гувель га фюрурреххымъ.

Прочитать 7 разъ и положить бумажку съ заговоромъ въ ротъ, на больной зубъ.

№ 105. [Противъ заушницы[1])].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Шолъ Іисусъ Христосъ по землѣ, ходилъ черезъ весь міръ земной, зашелъ въ наше село, встрѣтился съ Томашей-Томашихой-Томашевой. „Зла Томаша-Томашиха, что слыхать въ вашей деревнѣ?" Отвѣчаетъ зла Томаша-Томашиха: — По дворамъ хожу, свиней морю, на людей бѣду и скудость пущаю! — Отвѣчалъ батюшка, истинный Христосъ: „Помогу людямъ моимъ, изгоню Томашу-Томашиху-Томашову: згинь и пропади въ преисподнюю!". Аминь. Аминь. Аминь [2]).

№ 106. [Заговоръ отъ зубной боли].

Во имя Отца, во имя Сына, во имя и Святого Духа. Аминь.

Встану я, рабъ Божій Макаръ, благословясь; пойду, перекрестясь—изъ избы дверми, со двора—воротами; пойду я, рабъ Божій, въ восточную сторону, въ чистое поле, подъ свѣтлый мѣсяцъ, къ сухому дубу, къ синему морю. На небѣ—мѣсяцъ, въ дубѣ—червякъ, въ морѣ—камень. Пока сіи три брата не сойдутся вкупѣ и не будутъ въ чистомъ полѣ подъ сухимъ дубомъ на бѣломъ камнѣ гулять, до той поры и у меня бы, раба Божія Макара, зубы не болѣли и не щемили, и не ломили. И какъ мертвецъ лежитъ во гробѣ и не стряхнется, не сворохнется, лежитъ онѣмѣвши и одубѣвши, такъ бы и у меня, раба Божія, зубы онѣмѣли и одубѣли по сей годъ, по сей день по сей часъ, по сію минуту и по сію секунду, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XVII.

[Двѣ четвертушки обыкновенной писчей бумаги, записанной карандашемъ съ одной стороны, современнымъ почеркомъ. Заключающіеся въ нихъ два заговора записаны для собирателя въ

---

[1]) Болѣзнь горла у свиней.

[2]) Заговоръ какъ будто поддѣланъ, или же неумѣло пересказанъ.

Черевковской волости Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи, крестьяниномъ Антоновымъ въ 1906 году. Названія „присуха“ и „отсуха“ даны самымъ крестьяниномъ Антоновымъ].

№ 107. Присуха.

Стану я, рабъ Божій, имярекъ, благословясь; пойду, перекрестясь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, въ чистое поле, поклонюсь и помолюсь двѣнадцати вѣтрамъ и двѣнадцати вихорямъ. У тѣхъ же вѣтровъ и у тѣхъ же вихоревъ есть дядюшка Вихорь Вихоревичъ. И какъ не можетъ жить безъ вѣтровъ, человѣкъ безъ ѣды, рыба безъ воды, шуръ (?) безъ земли,— такъ бы не могъ рабъ Божій (имя рекъ) безъ рабицы Божіей (имя рекъ) не жить, не быть, не дни дневать, не ночи ночевать, и не думы подумать, и не мыслямъ помыслить—по утру рано, въ вечеру поздно, на ветху и на молоду, и на перекрою мѣсяца.

№ 108. Отсуха.

Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле. Какъ рабъ Божій (имя рекъ), какъ онъ не видитъ сзади тимени, такъ бы онъ ненавидѣлъ бы рабицы Божіей (имя рекъ), и на глаза бы не пущалъ, и на душѣ бы не держалъ въ полудень и въ полуночь, по утру рано, по вечеру поздно, на ветху и на молоду, и на перекроѣ мѣсяцу. Аминь.

XVIII.

[Рукопись въ четверку, на восьми листахъ, ш. 17,5 снт., дл. 22 снт.; перемѣчена постранично. Бумага плохая, желтоватая, безъ филиграней, поздняя. Письмо—полууставъ (довольно красивый) съ надстрочными знаками (титла, придыханія, ударенія), поставленными безпорядочно. Оборотъ 8-го листа былъ чистый и занятъ позднѣйшими приписками. На первомъ листѣ вверху поставленъ—„№ 743“, но, что онъ обозначаетъ, сказать нельзя, такъ какъ мнѣ не извѣстно изъ какого собранія эта рукопись попала на рынокъ. Заглавіе и начальныя буквы словъ первой строчки писаны киноварью. Три буквы съ простой геометрической орнаментаціей. Первая страница въ рамкѣ изъ двухъ вертикальныхъ линеекъ. Строки писаны по двумъ ли-

ніямъ, проведеннымъ какимъ то тупымъ орудіемъ. Въ качествѣ обложки—листъ старой рукописи съ филигранями—"У. Ф."

Вся рукопись занята текстомъ одной, такъ называемой въ народѣ,—„Купреяновой молитвы." Подъ именемъ „Купреяновыхъ молитвъ" разумѣется обыкновенно цѣлая серія заклинательныхъ молитвъ, связанныхъ съ именами священномученика Кипріана, свв. Василія Великаго, Григорія чудотворца, Іоанна Златоустаго, Марка Ѳряческаго и др.. Всѣ онѣ, вмѣстѣ съ другими молитвами и пр., составляютъ цѣлый чинъ заклинанія діавола и разныхъ болѣзней имъ напускаемыхъ. Чинопослѣдованіе это, повидимому, очень мало извѣстно; вмѣстѣ съ подробными разъясненіями оно войдетъ въ составъ слѣдующаго выпуска моего собранія.

Рукопись, печатаемая ниже, пріобрѣтена въ Костромѣ отъ перекупщика. Идетъ она повидимому изъ Галичскаго уѣзда, хотя м. б. инокъ Глѣбъ и былъ тотъ самый, который основалъ нынѣ уже не существующую Глѣбову пустынь въ Ветлужскомъ уѣздѣ.

Если судить по припискѣ, то текстъ долженъ быть древній, но данныя языка не подтверждаютъ этого. А кромѣ того въ тѣхъ мѣстахъ довольно часто попадаются и намѣренныя подделки рукописей].

№ 109. Молитва Святаго Священномученика Кипріана.

Боже сильный, Святый Сынъ, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, неприкосновенный небеснымъ силамъ, егоже ужасаются всяческая, егоже нигдѣже и никтоже видѣти можетъ, емуже тысяща тысящами и тмы [1]) тмами святыхъ ангелъ и архангелъ предстоятъ. Ты вѣси тайная сердца раба твоего, яко, не познавшу тебѣ первѣе, потворныхъ сія непріязненная дѣла держахъ: облакъ еже не одождитъ, древа садовная, еже плода имъ не творити, еже не родити, а иныя не зачинати рости; на огражденіе винограда токмо отверзохъ рости, творяхъ, еже не цвѣсти имъ, такоже и класомъ хлѣбнымъ, еже не прозябати и плода не творити, и рыбамъ морскимъ, еже имъ не плавати, и птицамъ, не летати; и прости всяко чародѣйство дѣяхъ: вси лукавы бѣси работаху мнѣ. Сія вся дѣлъ ради своихъ и грѣховъ многихъ, и нынѣ убо, Господи, Боже, сильный и великій, благоволивый отъ недостойна достойну

---

[1]) Въ подлинникѣ—имы...

ми быти и сопричаститися святому твоему стаду, и преестественнымъ величествомъ милосердовавъ о мнѣ, и не восхотѣ погубити со беззаконными моими, знаема мя сотвори быти, связавый мя любовію своею твоей вѣрѣ, не омерзи мене, грѣшнаго и недостойнаго раба твоего; припадаю бо, прошу пресвятое имя твое о всякомъ дому и о всѣхъ православныхъ христіанехъ, иже страждутъ отъ чародѣйствъ лукавыхъ человѣкъ льстивыхъ или отъ бѣсовъ, идѣже прославится имя твое святое и призовутъ имя мое именемъ твоимъ, или прочтется молитва сія надъ которою главою, или въ дому его, яко да разрѣшится отъ всякія пакости и одержанія, и отъ зависти, злаго устрѣнія и дѣйственнаго отравленія, и язычнаго яденія. И кто убо держать будетъ сію молитву во своемъ дому, да будетъ соблюденъ отъ всякаго ухищренія и потвора, и отравы лукавыхъ и ближнихъ сосѣдъ, да бѣжатъ отъ него бѣсове, зліи дуси, и да отступитъ отъ него всяко мечтаніе бѣсовское. Господи, Боже, ты область имаши небеснымъ и земнымъ; ради имени твоего великаго и ради несказанныя твоея благодати, ради единороднаго Іисуса Хруста, услыши мя недостойнаго раба твоего въ часъ сей: идѣже аще прочтется житіе мое или молитва сія, да разрѣшится, яко воскъ тающе отъ огня, тако лукаваго ухищренія и всякаго вреда человѣческаго или животнаго, или винограднаго имѣнія [1]) ихъ малыхъ и великихъ во имя живоначальныя Тройцы да будутъ просвѣщени суть и разрѣшени и развѣ Тебе иного Бога не знаемъ. Якоже отъ камени Моисею воду источилъ еси жезломъ израилевымъ, тако Ты [2]), Боже силенъ, положи руку твою державную и сильную, святую, полну благословенія дому, имущему сію молитву. Яко насадилъ еси рай во Едемѣ и отъ того исходатъ твоимъ повелѣніемъ четыре рѣки: Геонъ, Фисонъ, Тигръ и Ефратъ въ тихости и адамскій человѣкъ не можетъ удержать, яко да не могутъ чародѣйственная дѣла или ловленіе бѣсовское апостольская удержати запрещенія, еже има азъ разрѣшихъ и разрѣшаю, прогнахъ и прогоняю противная, злая, отъ злыхъ человѣкъ пущена и лукавыхъ бѣсовъ—отъ раба Божія, имя река, призывающаго мя именемъ твоимъ отъ всего имѣнія его, яко же умножилъ еси лѣто Іезекію царю, тако да умножится вся земная и духовная имущему сію молитву служенію ангелъ, пѣніемъ серафимскимъ Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы отъ архан-

---

[1]) Въ подлинникѣ: и мѣнія...
[2]) Въ подлинникѣ—ти...

гела Гавріила плотьскаго ради зачатія Сына Божія, Бога нашего Іисуса Христа, славнаго ради рождества его въ Виөліемѣ, засланіемъ младенецъ отъ Ирода, святаго ради крещенія, воспріятіемъ во Іорданстѣй рѣцѣ, постомъ постѣ (?), искушеніемъ отъ діявола, ужасныя его побѣды на враги, ужаснаго суда его, ужасныхъ чудесъ его, иже въ мірѣ бывшихъ, исцѣленіе даруя, прокаженныхъ очищая, мертвыя оживляя, бѣсы изгоняя, иже во Іерусалимъ входъ его, осанна сыну Давыдовъ (такъ!), младенцемъ вопіющимъ ти, страсти ради распятія и погребенія, и изъ мертвыхъ воскресенія [1]), и еже на небеса вознесеніе, пѣніе тмы тмами ангелъ и архангелъ, славы восходнаго твоего восхожденія, пѣснословія, втораго и страшнаго пришествія твоего, власть ея же далъ еси святымъ твоимъ ученикомъ и апостоломъ, рече: „имже держите—держится, и елико [2]) аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшеніи на небесѣхъ. Ради бо сихъ именъ и ради силы твоея заклинанаю и прогоняю духи лукавыхъ, аще убо въ небеси или на земли, или на пути, или на распутіи, или во истоцѣ, или въ рѣцѣ, или въ корени, или въ кровли, или во дворѣхъ [3]), или во оконцѣ, или въ верхнемъ порозѣ, или въ нижнемъ, или въ корени, или въ вѣтви, и да разрѣшенно будетъ на полѣ, въ нивахъ или въ виноградѣхъ, или въ вертоградѣхъ, или въ ямахъ, или въ травѣ, или [4]) въ пещи, или въ бани, или въ капищи идольскихъ, или въ кожи рыбной, или въ кожи зміиной, или во власѣхъ брадныхъ, или во главѣ, или во главномъ убрусѣ, или во зголовіи, или въ постели, или во обрѣзаніе ногтей ручныхъ и ножныхъ, или во обувеніихъ, или въ златѣ, или въ сребрѣ, или въ мѣди, или въ свинцѣ, или въ оловѣ [5]) и желѣзѣ, или въ воску, или въ кости, или во лбу человѣческомъ или звѣриномъ, или въ морскихъ рыбахъ, или въ животныхъ морскихъ, или земныхъ животныхъ, или въ летающихъ по воздуху движимыхъ и недвижимыхъ, или въ хартіи, или въ чернилѣ, или въ нѣкоторой оной вещи и отъ студа затворены, да разрѣшатся. Аще ли есть писано въ седмидесятихъ двухъ языцѣхъ, да разрѣшатся, понеже азъ разрѣшихъ и разрѣшаю тако Лукасуса, Марасалуна, Малуремираха, Ниона погнахъ и еще прогоняю; имена

---

[1]) Въ подлинникѣ—воскресеніе...
[2]) Въ подлинникѣ—и елко...
[3]) Въ подлинникѣ—во дорѣхъ...
[4]) Въ подлинникѣ слово—или—написано дважды.
[5]) Въ подлинникѣ—или волови...

Тихіа, Сихахіа и Елизду, и протчія, иже отъ человѣческаго рода самихъ ся и предавшихъ въ бѣсы—и сіи да разрѣшатся, да изыдутъ отъ раба Божія, имя рекъ, Твоимъ повелѣніемъ, Господи, и отъ дому его, имущему молитву сію святую, и отъ всего имѣнія его малаго и великаго силою чеснаго и животворящаго креста и молитвъ ради пречистыя твоея матери, владычицы нашея, Богородицы, и молитвъ ради святыхъ небесныхъ силъ, херувимъ и серафимъ, престолъ, грозныхъ воинствъ, силъ, началъ и властей, ангелъ и архангелъ, и святыхъ праведныхъ патріархъ Авраама, Исаака, Іякова, Мельхиседека и Іова; молитвою Іисуса Навина, иже солнце ста на многъ часъ; молитвъ ради пророкъ и апостолъ, и мученикъ, и мученицъ, святителей, священія человѣкъ, преподобныхъ отецъ и преподобныхъ женъ, и святыхъ исповѣдникъ, и безсребренникъ; молитвъ ради трехъ сотъ и осьмидесяти перваго собора и поручниковъ нашего покаянія Василія Великаго и Григорія Богослова, Іоана Златоустаго и Николы Чуднаго, и всѣхъ угодившихъ молитвами—да прогонятся, да удавится всяка злоба и лукавство, и зависть, и ревность, и удержанія, и зло глаголаніе, и язычное ядеціе, и всѣ, что дѣянная злыхъ человѣкъ всякое совѣщаніе, да отдалится отъ раба Божія, имя река. Молитвъ ради пречистыя твоея Матери помилуй и спаси раба своего или рабу, имя река, да не прикоснется къ нему и къ дому его ни кое зло, ни зависть, ни чародѣйства, ни разбойства, ни бѣда, ни болѣзнь, ни какое зло, ни лукавство, ни во утренній день, ни вечерни, ни въ нощи, ни въ полунощи и во вся дни живота его, яко ты еси Богъ нашъ и милуя, и спасая. И Тебѣ славу возсылаемъ: Отцу и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сдревле харти свитка отодама лѣта 7041 [1]) подписалъ многогрѣшною рукою молитву сію инокъ Глѣбъ Галицскаго уѣзда Богородскаго стану.

---

[1]) Т. е. 1533—1534 г.

Отдѣлъ V.

Смѣсь. Хроника.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVI годъ изданія 1907

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVI годъ изданія 1907

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго, секретаря Отдѣленія Ѳ. И. Щербатскаго и чл.-сотр. Н. Н. Виноградова, въ XVI году своего существованія будетъ выходить четырьмя выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVI годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ специалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ для сельскаго духовенства, учителей и учащихся—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

